

А. АЛЕКСЕЕВ

КОЛУМБЫ РОССКИЕ



А. АЛЕКСЕЕВ

КОЛУМБЫ РОССКИЕ



Магаданское книжное издательство • 1966

Предисловие

Александр Иванович Алексеев написал новую книгу, в которой он продолжает свою излюбленную тематику. Дальний Восток полюбился автору с тех пор, как он впервые приехал туда в начале 50-х годов. И теперь, когда А. И. Алексеев уже не живет на Дальнем Востоке, он всем сердцем, всеми научными помыслами на Чукотке, на Камчатке, на побережье Охотского моря, на Сахалине и в Приморье.

В своих книгах: «Н. К. Бошняк и открытие Советской Гавани», «Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота», «Братья Шмалевы», «Адмирал Нагаев», «По таежным тропам Сахалина», «Ученый чукча Николай Дауркин», «Сподвижники Г. И. Невельского», в многочисленных очерках, статьях и научных работах кандидат географических наук А. И. Алексеев осветил отдельные интересные вопросы географического изучения Дальнего Востока.

А. И. Алексеев много и кропотливо работает в различных архивохранилищах страны, проводит огромную научно-исследовательскую работу в поисках новых материалов. Это обстоятельство, а также и то, что автор хорошо знает места, о которых пишет, позволяет бывшему офицеру Тихоокеанского флота создавать правдивые и глубоко научные произведения.

В новой книге А. И. Алексеева, которую он справедливо назвал «Колумбы росские», использованы интересные архивные материалы. Читателю представляется общая картина освоения русскими людьми Дальнего Востока, островов северной части Тихого океана и Северо-Западной Америки. В книгу вошли исторические очерки о Дежневе и Попове, Хабарове, Козыревском, Беринге, Хметевском, Басове и Неводчикове,

Креницыне и Левашове, братьях Шмалевых, Дауркине, Биллингсе и Сарычеве, о Загоскине.

Не все главы книги равноценны. Некоторые из них (о Дежневе, Беринге, Загоскине) в какой-то степени повторяют известные факты из жизни мореплавателей, но большая часть книги основана на новых материалах, являющихся по данному вопросу последним словом в историко-географической науке. Это главы о Хабарове, Хметевском, Неводчикове, братьях Шмалевых, Дауркине, Биллингсе и Сарычеве.

Читатели почерпнут много новых сведений из предлагаемой их вниманию книги А. И. Алексеева.

Академик Д. И. Щербаков.

В е л и к и е к о ч и



Плавание семи кочей дало полное основание считать Азию отделенной от Америки проливом, а не принимать обе части света за один материк. В этом неопенимая заслуга Федота Алексеева Попова Холмогорца, Семена Иванова Дежнева и их товарищей.

Мир узнал о великом географическом открытии из отписок и челобитных Дежнева. До недавнего времени считали родиной Семена Дежнева город Великий Устюг. М. И. Белов установил, что Дежнев родился в деревне Осиновская Волоко-Пинежской волости Двинского уезда. Происходил он из бедной крестьянской семьи и, как жители Поморья, был связан с морем. Пинежане дали много известных мореходов-землепроходцев: М. Стадухина, Ю. Селиверстова, Л. Плехана и других.

Молодой Семен Дежнев не остался в родных местах, а вместе с вольными людьми отправился искать счастья в далекой Сибири. Было это в начале 30-х годов XVII столетия. Первые годы службы прошли в Тобольске, последующие — в Енисейске.

Благодаря стремительному продвижению русских людей на восток Сибирь была пройдена из конца в конец за очень короткое время. Ермак покорил Сибирь в 80-х годах XVI столетия. В 1639 году отряд казаков с Иваном Юрьевым Москвитиным во главе вышел на берег Охотского моря к устью реки Ульи. В 1632 году енисейский стрелецкий сотник Петр Бекетов заложил на реке Лене Ленский острожек — острог Якутский, с 1681 года — город Якутск.

Выгодное географическое положение помогло Якутску стать центральным населенным пунктом Крайнего Северо-Вос-



Семен Иванович Дежнев.

тока Азии. Якуты, не знавшие огнестрельного оружия, были яблоком раздора для многих партий казаков, оспаривавших друг у друга право сбора с них ясака. Меховые и иные богатства вновь приобретенных «землиц» по Лене-реке притягивали вольных «гулящих людишек». Из Ленского острога русские шли дальше — к рекам Охоте, Колыме, Анадырю, к Ламскому (Охотскому) морю. За «гулящими людьми» появлялись представители государственной власти. В острогах и зимовьях оседали государевы приказчики, сюда посылались гарнизоны служилых для сбора ясака и приведения новых народов «под высокую государеву руку».

В 1638 году Дежнев из Енисейска с отрядом каза-

ков был отправлен в Ленский острог. Отрядом командовал тот самый Петр Бекетов, который первым появился в этих местах. Два года Семен Дежнев не выезжал из Ленского острога. Сохранилось несколько челобитных якутских казаков, в них встречается и имя Дежнева. Из челобитных видно, что казаки неоднократно просились на «государеву службу». Но пока точно неизвестно, состоялись ли экспедиции и участвовал ли в них Дежнев. Якуты часто восставали против произвола пришельцев, и жизнь в непрерывно осаждаемом ими Ленском остроге была тяжелой. Несколько лет не приходило из Енисейска подмоги, и казаки не раз обращались к царю с просьбой выдать им по пяти рублей, «чтобы нам, холопам твоим, было бы в чем платишка и обувь купить, с чем было твоя государева служба служить».

С самого начала службы Дежнев прослыл не только храбрым, волевым казаком, но и хорошим дипломатом. Сохранились сведения, что в 1640 году летом ему удалось мирным пу-

тем «без порчи, без драки» примирить враждовавших и воевавших между собой якутов из различных улусов.

К этому времени относится женитьба Дежнева на якутке Абакаяе Сичю. Сын его, Любим, так же как и отец, всю жизнь прослужил в Сибири. (Одно время служил он с первооткрывателем Камчатки Владимиром Атласовым.) Женитьба навсегда привязала Дежнева к когда-то далекой и чужой, а теперь родной и близкой стороне.

Дежнев собирал ясак, и, начиная с 1640 года, жизнь его проходила в непрерывных походах. С декабря 1640 по июль 1641 года он ходил на реку Яну в отряде Дмитрия Зыряна. Другой такой же отряд Посника Иванова пошел на реку Индигирку. Янские якуты добровольно согласились платить ясак, и Дежнев с тремя казаками повез его в Ленский острог. По пути напали ламуты, и горстке казаков пришлось с оружием в руках отстаивать «государеву казну» и свою собственную жизнь. Дежнев был ранен, но ясак доставил.

Затем Дежнев в отряде М. В. Стадухина служил «дальнюю службу» на Оймяконе. Когда уезжал туда, то оставил жену и сына с коровой и теленком на попечении якута Манякую, вероятно, родственника жены. Не думал тогда Семен, что не увидит семью целых двадцать лет.

Прибыв весной 1641 года на Оймякон и собрав там ясак, Стадухин по реке Индигирке на коче спустился к морю. На Оймяконе было безлюдно, казаки голодали и старались отсюда уйти. В июне 1642 года они писали царю, что «на Емоконе жити не у чево, никаких людей нет, место пустое и голодное. И нам, холопам твоим государевым, кормитца нечем, а осталися голодны и холодны».

Во время зимовки на Оймяконе Стадухин послал казака Андрея Горелого проведать Ламу — Охоту-реку. Только воинственность ламутов помешала Андрею Горелому соединиться с отрядом томских казаков Ивана Москвитина, пришедших на реку Охоту морем с устья Ульи. Возможно, что в походе Горелого принимал участие и Семен Дежнев.

Отряд Стадухина плыл морем к реке Алазее, где встретился с отрядом Дмитрия Зыряна. Зырянцы раньше пришли сюда и уже понаслышались о большой и богатой реке Колыме, которая течет к востоку от Алазеи. Стадухин любил власть. Он послал Дежнева и Немчина к Зыряну с предложением объединить оба отряда. Зырян согласился, и объединенный отряд отправился морем на восток.

Летом 1643 года кочи вошли в устье реки Колымы. На Ста-

духинской протоке было поставлено зимовье, впоследствии — Нижнеколымский острог. К этому важному географическому открытию причастен и Дежнев. Он знал о существовании рек Охоты и Колымы, но пытливого казака стало интересовать, что же находится к востоку от этих рек за горами и хребтами, за «Камнем».

На Колыме Дежнев прослужил без особых происшествий до 1646 года. Весной 1645-го с богатой соболиной и другой казной Стадухин и Зырян с отрядом казаков отправились морем на Лену, а оттуда в Ленский острог. В Нижнеколымском остроге осталось всего 13 человек во главе со «служилым человеком со Вторым Гавриловым». Остался здесь и Дежнев. На пути в Ленский острог Стадухин и Зырян встретили якутского целовальника¹ П. Новоселова, который вез наказную память якутского воеводы о назначении Д. Зыряна приказчиком Нижнеколымского острога. Зырян возвратился в острог, но в начале 1646 года он погиб, и приказчиком стал снова Второй Гаврилов. Служба в таких отдаленных местах под руководством опытного морехода Дмитрия Михайловича Зыряна закалила Дежнева, а его успехи по службе, смелость, храбрость и отвага выделяли его из среды казаков.

Обосновавшиеся на Колыме казаки часто слышали о большой реке Погычу². Говорили, что река эта богата серебром и соболями и что лежит она в нескольких днях пути от Колымы-реки. Такие слухи крепко интересовали воеводу в Ленском остроге. Люди стали часто и настойчиво поговаривать о том, чтобы проведать эту реку.

В 1646 году Исай Игнатьев и Семен Алексеев попытались добраться до таинственной реки, но достигли, вероятно, только Чаунской губы, где вели меновую «немую» торговлю с чукчами. Сообщения Игнатьева и Алексеева вызвали много толков, а известие, что море в тех местах кишит моржами, еще более подогрело аппетиты казаков и промышленников: ведь пуд моржовой кости — «рыбьего зуба» стоил от 15 до 25 рублей! Более 50 нижнеколымских промышленников заявило о своем желании искать реку Погычу.

Юкагиры Анюя рассказывали, да и из плавания Игнатьева и Алексеева выходило, что проведывать Погычу надо по ту

сторону «Камня», то есть идти на юг от горного хребта. Многие попытались в эти годы найти туда путь через «Камень». Впоследствии Семену Моторе и Михаилу Стадухину удалось выйти посуху на Анадырь-реку.

А в Нижнеколымске тем временем события развивались своим чередом. На Анадырь готовилась выйти промышленная экспедиция приказчика крупного московского купца Усова — Федота Алексева Попова Холмогорца. Федот Алексеев попросил нижнеколымского приказчика В. Гаврилова назначить в экспедицию служилого человека. Добровольно вызвался пойти в поход Семен Дежнев, и ему была дана наказная память. Целовальником в наказной памяти был назван руководитель и организатор экспедиции Федот Алексеев Попов Холмогорец. Экспедиция эта вышла в плавание летом 1647 года и окончилась неудачно: помешали крайне тяжелые льды. Кочи не смогли пробиться и возвратились в Нижнеколымск.

Но от Анадырь-реки не отказались ни Федот Попов, ни Семен Дежнев. В Нижнеколымске зимой 1647/48 года с той же целью организовался отряд, во главе которого стали приказчики другого крупного московского купца Гусельникова — Афанасий Андреев и Бессон Астафьев. Отряд был хорошо оснащен и помимо многих товаров и вооружения имел современные мореходные инструменты. В росписи значились «тринадцать маток в костях» — так называли мореходные компасы. Это свидетельство высокой культуры морского дела у русских мореходов XVII века. Русские кочи отважных мореплавателей были для своего времени хорошими мореходными килевыми судами: они ходили под парусом и поднимали до двух тысяч пудов груза. На таком судне с 10—15 мореходами можно было перевозить 30—50 пассажиров. Длина кочей доходила до 18—19 метров, а ширина — до 4,5.

В экспедиции участвовало шесть таких кочей. В самый последний момент прибавился седьмой коч Герасима Анкудинова. Нечестный, непорядочный в поведении и отношениях с товарищами, Анкудинов хотел стать во главе экспедиции и подал челобитную в Нижнеколымский приказ. Он обязался добыть больше соболей и другой прибыли в предстоящем походе, чем обещали Попов и Дежнев — руководители экспедиции. В. Гаврилов сообщал в отписке якутскому воеводе, что «дал им наказную память и где буде найдут неясашных людей, и им аманатов имати и государев ясак с них збирати и под ево царскую высокую руку подводить».

При всех своих недостатках Герасим Анкудинов был сме-

¹ Целовальник — лицо, ведавшее казенным имуществом. При вступлении в должность давал присягу — целовал крест.

² Под этим именем имели в виду реку Анадырь, хотя это и не так. Погыча, Похача, точнее Покач, впадает в Берингово море к западу от мыса Олюторского.

лым, предприимчивым и волевым казаком-мореходом, и, получив отказ Гаврилова, он со своим кочем решил идти самостоятельно, независимо от шести кочей. Но вышло так, что плыть ему пришлось все время с Дежневым и Поповым.

И вот 20 июня 1648 года из Нижнеколымска в историческое плавание вышло семь кочей. Из 90 человек 30 было на коче Анкудинова. Поначалу все шло хорошо. Вскоре кочи были у Шелагского мыса, куда, по всей вероятности, доходили Исай Игнатъев и Семен Алексеев. Ледовые условия в это лето благоприятствовали плаванию, но за Шелагским мысом налетел шторм и выбросил на берег два коча. О судьбе их рассказал побывавший в этих местах в 1649 году Михаил Стадухин. Чукчи говорили ему, что «два коча де на море розбило, и наши де люди их побили». Остальным пяти кочам удалось за два с лишним месяца достичь мыса, который теперь на всех картах мира называется именем Дежнева.

Федот Алексеев Попов и Семен Дежнев настойчиво шли вперед. Неприветливо встретил их обрывистый мыс. У этого Большого Каменного носа погиб коч Анкудинова, а людей разместили на оставшихся кочах. Здесь пришлось остановиться, так как всем нужен был отдых.

О необыкновенной наблюдательности Дежнева говорит описание мыса, сделанное им спустя несколько лет после плавания. Сообщив, что нос «вышел в море далеко», Дежнев писал далее: «а против того Носу есть два острова, а лежит Нос промеж сивер на полуношник (т. е. между севером и северо-востоком.— А. А.). А с рускую сторону Носа (со стороны реки Колымы.— А. А.) признака: вышла речка, становье тут у чухоч делано, что башни из кости китовой». О жителях мыса и островов Дежнев писал, что «живут на нем чукчи добре много, против того же Носу на островах живут люди, называют их зубатыми, потому что принимают они сквозь губу по два зуба немалых костяных»¹.

Время было осеннее, непогожее. Штормы следовали один за другим, и кочам приходилось трудно. У Чукотского мыса сделали очередную остановку, но ненадолго: чукчи встретили пришельцев с оружием. 20 сентября снова вышли в море. И теперь, когда цель была близка, крепчайший шторм разметал, разбросал кочи в разные стороны. Об одном из них не сохранилось достоверных сведений, но есть предположение, что он выброшен был на берег Аляски.

¹ Люди русской науки. М., 1962, стр. 285.

Кочи с Федотом Алексеевым Поповым и Герасимом Анкудиновым долго носило по морю, и они оказались у берегов Камчатки. Суденышки вошли в устье реки Камчатки, поднялись до притока ее — речки Никул, где и зазимовали. Славный русский ученый Степан Крашенинников писал: «Кто первый из русских людей был на Камчатке, о том не имею достоверного свидетельства, а по словесным известиям приписывается сие не какому торговому человеку Федоту Алексею, по которого имени впадающая в реку (Камчатку.— А. А.) Никул речка Федотовщиною называется». Иван Козыревский, первооткрыватель Курильских островов, на «Чертеже Камчатского носу и Морским островам» обозначил реку Федотовку и написал в пояснении: «Зимовья два были. В прошлых годах из Якуцка города на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах сидели те камчадалы и сказывали, а в наши годы с оных стариков ясак брали, два коча сказывали, и зимовья знать и поныне». Существует свидетельство того, что, перезимовав, оба коча вышли в море, обогнули Камчатку и остановились на реке Тигиль. В борьбе с лишениями, от болезней и во время неравных боев с местными жителями мореплаватели-казаки погибли все до одного. Где и как это произошло, в точности неизвестно.

Коч Дежнева выбросило 1 октября на берег южнее реки, которую все искали,— южнее Анадыря. С Дежневым было 24 человека. Недалеко от устья реки Дежнев остановился и послал вверх на лодке 13 человек, но, не найдя ни людей, ни пищи, они возвратились, потеряв половину товарищей. Многих недосчитались дежневцы в ту страшную зиму. В 1649 году Дежнев отправился вверх по реке со всеми оставшимися казаками и в 500 километрах от устья на небольшом остров-



Федот Алексеев Попов.

ке построил Анадырский острог, ставший на долгие годы русским форпостом на Крайнем Северо-Востоке.

В 1650 году туда пришел заносчивый и властолюбивый Михаил Стадухин с Семеном Моторой, которого он догнал по пути и силой заставил отказаться от власти на Анадыре, предоставленной тому наказной памятью. На Анадырь шли пешком. От Федота Алексея Попова и Семена Дежнева не было никаких вестей, и Стадухин с Моторой не ожидали встретить их здесь. Стадухин не только не признал власти Дежнева в Анадырском остроге, но даже бил его по щекам, считая, что с худородным казаком нянчиться нечего.

Дежнев вынужден был со своими людьми искать спасения от строптивного, кичащегося богатыми связями Стадухина. Он решил пробиваться на богатую соболями реку Пенжину, но не нашел туда дороги и вынужден был возвратиться обратно.

Мытарства Дежнева и его казаков кончились весной 1651 года, когда Стадухин ушел из острога искать пути на Пенжину. С Моторой Дежнев сразу поладил и даже признал в нем старшего: ведь ему была дана наказная память быть приказчиком во вновь построенном остроге на Анадырь-реке. Семен Мотора погиб весной 1652 года, а Дежнев с товарищами продолжал служить в остроге. Главным промыслом был «моржовый зуб». Большие лежбища были открыты недалеко от устья реки Анадыря, и к 1656 году в остроге скопилось 289 пудов «моржового зуба».

29 мая 1659 года Семен Дежнев сдал приказные дела прибывшему Курбату Иванову, а сам отправился в трудный путь «с костяной и соболиной казней» в Нижнеколымск. Около года продолжалось путешествие. Доставить 150 пудов моржового клыка было не так-то просто. Уйти в Якутск ему в 1660 году не удалось. Пришлось зимовать в Нижнеколымске и лишь часть казны отправить с надежными людьми. Только весной 1662 года после двадцатилетнего отсутствия возвратился Дежнев в Якутск. Привезенной им «моржовой кости» было так много, что в Якутске у властей не нашлось денег, чтобы рассчитаться с приказчиком, и его отправили в Москву, в Сибирский приказ, для окончательного расчета.

Летом 1662 года Семен Дежнев в сопровождении Ивана Ерастова тронулся в путь и прибыл в Москву в сентябре 1664 года. Он подал царю Алексею Михайловичу челобитную, в которой просил выдать полагающееся жалованье за 1643—1661 годы. Просьбу Дежнева уважили, да, кроме того, за лично ему принадлежавшую «моржовую кость» по-

лучил он крупную сумму, а 25 февраля 1665 года был «поверстан за кровь и за раны, и за ясачную прибыль» в атаманы.

Дежнев выехал из Москвы в марте 1665 года и летом 1666 года возвратился в Якутск. Очевидно, после смерти первой жены, он зимой 1666/67 года женился вторично. Вторая жена его, тоже якутка, получила при крещении имя Пелагея Семеновна. От этого брака у Дежнева был также сын, Афанасий (в 1699 году он служил в Анадырском остроге).

В 1667 году Дежнев был назначен приказчиком на Оленек и поехал туда вместе с семьей. Как всегда, служил добросовестно, честно, ему удалось мирным путем собрать ясак с жителей. В 1669 году с такой же целью он ездил в Верхоянское и Средневилюйское зимовья. В июле 1670 года якутский воевода отправил Дежнева в Москву, в Сибирский приказ, во главе отряда, сопровождавшего «соболиную казну». Путешествие оказалось последним в жизни атамана. 25 декабря 1671 года отряд был в столице, но обратно Дежнев не возвратился: в начале 1673 года его славный жизненный путь окончился в Москве.

О подвиге Семена Дежнева и Федота Алексея Попова долгое время в Европе не знали, хотя в Сибири память о них переходила из поколения в поколение. Историограф Г. Ф. Миллер обнаружил в Якутске отписки Дежнева. С тех пор о Дежневе написано много книг и исторических исследований, имя его пользуется большой известностью и популярностью. В 1898 году по решению Русского Географического общества Большой Каменный нос был переименован в мыс Дежнева. Сейчас там стоит памятник смелому мореходу.

Другой отважный мореплаватель и один из руководителей исторического плавания Федот Алексеев Попов Холмогорец побывал на Камчатке, первым всю ее обошел. Он организовал экспедицию и разделил тяготы морского пути вместе с Дежневым.

Семен Иванович Дежнев и Федот Алексеевич Попов Холмогорец своими героическими подвигами прославили русскую географическую науку, и память о них народ наш будет хранить вечно.



Но не только Северным морским путем пробивались упорные русские землепроходцы и мореходы к Восточному океану. Через горы и дремучие леса, по рекам и озерам вышел на Охотское море в 1639 году Иван Юрьев Москвитин с группой томских казаков. Путь Москвитина лежал по рекам Алдану, Мае и Юдоме, затем через высокий прибрежный хребет Джугджур и оттуда по реке Улье вниз к морю. Основав в устье этой реки новое зимовье, Москвитин и его товарищи в том же году совершили походы и плавания вдоль берегов Охотского моря как к се-

веру — до Тауйской губы, так и к югу — до реки Уды, а по некоторым сведениям, и южнее.

Здесь спутникам Москвитина местные жители — нивхи, ульчи, гольды, дучеры, натки и другие рассказали о большой реке, на которой живут богатые люди. Живут эти люди оседло, держат скот, пашут землю, меняют хлеб на соболей, имеют много золота, серебра, дорогих тканей. Называют этих людей даурами.

Такие рассказы о богатых землях за реками Витимом и Олекмой, во многом, конечно, приукрашенные, и раньше доходили до Якутска. Еще в 1636 году енисейский воевода послал для «новых обысканий у реки Витима» енисейского казачьего атамана Максима Перфильева с отрядом из 36 казаков и вольных людей. За два года они добрались до Якутска, а затем и до Олекминского острога, где зазимовали. Зимовали еще и на Витиме. Только весной 1640 года поплыли вверх по Витиму. Через восемь дней добрались до речки Цыпир и по ней плыли еще девять дней. Когда «Большой порог» преградил путь, Перфильев повернул обратно.

Первый якутский воевода Петр Головин поддерживал стремление казаков продвинуться на юг Сибири. В 1641 году по пути Перфильева ходил отряд казаков и промышленных людей из 70 человек во главе с письменным головой Еналеем Бахтеяровым. Кроме новых устных «распросных» сведений, Бахтеяров и его спутники ничего в Якутск не привезли.

15 июля 1643 года под руководством якутского письменного головы Василия Даниловича Пояркова начала свой долгий путь большая экспедиция из 132 человек. Шли они по Лене, Алдану, притоку его Учтуру. Там, где в Учур впадает река Гонама, часть отряда стала на зимовку, а Поярков с остальными девятью десятками своего отряда пошел дальше. Оставшимся казакам было приказано весной двигаться на Зею, приток Амура.

Перевалив через Становой хребет, Поярков с товарищами вышел к истокам реки Бранты, правого притока Зеи. Тут построили дощаники — небольшие плоскодонные речные суда, сбиваемые из досок. В таком дощанике помещалось 30—50 человек с грузом. В дощаниках спустились по Бранте и Зее до даурского селения Умлекан и построили здесь острожек.

Дождавшись оставленных на Гонаме товарищей, Поярков поплыл по Зее и вышел на большую реку Амур. Вместо того, чтобы искать серебряную руду в верховьях реки (место жительства дауров), он поплыл вниз, туда, где жили дучеры.

Быстрые воды Амура стремительно несли дощаники, и через три недели отряд достиг устья крупной реки Сунгари, по берегам которой видны были распаханные земли, селения, пышная растительность. Отсюда Поярков отправил вперед группу в 25 человек с Илейкой Ермолиным во главе. Через три дня вернулись только два человека — служилый Панкрат Митрофанов и промышленник Лука Иванов. Они сообщили, что все остальные люди перебиты дучерами во время ночевки и только им двоим удалось бежать. У Пояркова осталось около 70 человек, но он не возвратился обратно. Путь лежал вперед и только вперед.

Через шесть дней путешественники увидели еще одну могучую реку, впадающую в Амур справа. Это была Уссури. На берегах ее жили люди, называвшие себя натками. Река становилась все шире, течение — более плавным, встречалось много протоков, островов, среди которых трудно было выбирать путь.

Прошло четыре недели, и отряд добрался до устья Амура. Здесь жил никому не известный и никому не подвластный на-

род — гиляки, или нивхи. Поярков обложил их ясаком и объявил подданными русского царя. Уставшие спутники его требовали отдыха. Идти зимой в Якутск пешком было бессмысленно, пускаться в море — тем более, и Поярков стал на зимовку. Люди готовились к предстоящему походу морем, оснащали суда, запасали продукты, одежду. Поярков собрал с жителей богатый ясак: двенадцать сороков¹ соболей и шестнадцать собольих шуб.

Весной 1645 года отряд Пояркова вышел в бурное Охотское море. Когда шли лиманом Амура, справа хорошо были видны берега земли — острова Сахалина. Мы, к сожалению, не знаем подробностей этого беспримерного плавания по морю на плоскодонных судах. Целых двенадцать недель волны бросали суденышки. Путешественники старались плыть вдоль берега. Сначала их занесло на какой-то большой остров, потом суда выбросило на берег недалеко от устья реки Ульи, где в свое время основал зимовье Иван Москвитин. Время было позднее, пришлось зимовать еще раз.

А ранней весной 1646 года Поярков отправился в Якутск по реке Улье, перевалил через хребет Джугджур и далее плыл по Мае, Алдану и Лене. В устье Ульи он оставил 20 человек, которые должны были до следующего года ждать смены из Якутска. Только в середине июня 1646 года, после трехлетнего отсутствия, возвратился Поярков в Якутск, где многие считали его погибшим.

Поярков дал подробное описание своего похода, кроме морской части его, сделал «чертеж» посещенных им рек, рассказал о быте и нравах населяющих те места народов, доложил якутским властям, что в Приамурье всего вдоволь и оно никому не принадлежит.

Поход Пояркова обогатил русскую географическую науку. Труднейшее плавание по Амуру — первое в истории России плавание по этой реке — ставит имя Пояркова в один ряд с именами выдающихся путешественников.

В то время как первые русские люди знакомились с далеким богатырем Амуром и прокладывали туда пути, в Сибири появился откупщик Ерофей Павлович Хабаров. Родом он был из Устюжского уезда теперешней Вологодской области. Это был предприимчивый и к тому же грамотный человек — качество, особенно ценное в то время. Известно, что до прихода в

¹ Сорок — старинная русская мера счета, применявшаяся до начала XIX века. 12 сороков — значит 480 шкурок.

Сибирь Хабаров с семьей жил в Сольвычегодске, где держал соляные варницы.

В 1628 году ходил он в Мангазею, стоявшую с 1601 года в Западной Сибири на реке Таз, в 180 километрах от устья. Оттуда дальше на реку Пясику целовальником. Брат его Никифор нанимал на Енисейском «волоку» шесть «покрученников»¹, с которыми он и Ерофей добыли восемь сороков соболей. В 1630 году Ерофей и Никифор Хабаровы вместе с племянником Артемием Филипповичем Петриловским обосновались на реке Енисей, вблизи устья реки Тиса.

Здесь Хабаров занялся хлебопашеством и нажил достаточное состояние. Но по всей Сибири гремела слава о реке Лене, о богатых пушных промыслах на ней, и Хабарова потянуло на новые места. Тщательно готовился он в путь. Нанял 27 работников — покрученников и заплатил им вперед, договорился с казной о выдаче различных припасов, подал челобитную с просьбой отпустить его на Лену. Из Енисейского острога Хабаров получил вместе со всем просимым «проезжую грамоту» — паспорт. В грамоте говорилось, что «отпущен из Енисейского острога на Лену-реку промышленной человек Ерофейко Павлов Хабаров Устюжанин».

Все лето провел Хабаров в пути — плыл по Ангаре, по притоку ее Илему. Небольшой отряд Хабарова обосновался сначала в Усть-Кутском остроге. Из него ходили по Лене к Якутску. Хабаров и здесь основал соляные варницы, которые в 1639 году начали снабжать солью не только ближайшие остроги, но и Якутск. Однако Хабаров не успокоился на этом: он занимался одновременно еще и хлебопашеством и очень выгодным пушным промыслом, а покрученники его — извозом через Ленский волок — от Илимского до Усть-Кутского острога.

Вскоре Хабаров стал одним из крупнейших хлеботорговцев в Якутском уезде. Первые якутские воеводы П. Головин и М. Глебов забрали у него в «государеву казну» безвозмездно целых 3 000 пудов хлеба; затем они отписали в казну без всякого вознаграждения и его соляной завод. Горько было Хабарову, но пришлось передать соляные варницы десятнику Семену Андреевичу Шелковнику, тому самому, который в 1647 году основал первый русский порт на Тихом океане — Охотский острог. Отобрали у Хабарова и земли.

¹ Покрученник — человек, участвовавший в походе на полном иждивении хозяина и получавший при расчете определенную долю вырученных доходов.



Памятник Ерофею Павловичу Хабарову в Хабаровске.

Тогда Ерофей Павлович поселился на устье реки Киренги и в 1641 году основал там селение, впоследствии названное Хабаровкой. Энергичный и деятельный, он на новых землях тоже завел обширное хозяйство. Но и тут его не оставил в покое якутский воевода и в 1643 году снова отобрал все владения Хабарова, а самого его за отказ снабжать якутскую казну деньгами посадил в тюрьму. Из тюрьмы Хабаров вышел только в конце 1645 года, вернулся в Усть-Киренгу и принялся восстанавливать свое хозяйство.

Хабаров, конечно, знал о походах Бахтеярова, Перфильева и Пояркова. Ему было хорошо известно, что путь на Амур гораздо короче и удобнее не по Витиму, а по Олекме. Походы многих промышленников подтверждали это.

Хабаров, человек дальновидный, с большим жизненным опытом, отлично понимал, какое значение будет иметь успешный поход на Амур. В 1648 году якутский воевода Дмитрий Андреевич Францбеков остановился на зимовку в Илимском остроге. К нему 6 марта 1649 года и обратился с челобитной Ерофей Хабаров. Он писал, что посланный ранее на Шилку Бахтеяров не добился успехов потому, что неправильно выбрал путь. Хабаров указывал, что он знает путь короче, по Олекме, и просил дать ему 150 человек, которых брался снарядить за свой счет и обещал «прибыль великую» русскому царю. Через несколько дней воевода Францбеков дал «оптовщику» Ерофею Хабарову «наказ» о походе в Даурскую землю. В этом наказе отмечалось, что воевода Францбеков и дьяк Степанов «велели ему Ерофейку итти, и с ним охочим служилым и промышленным людям сту пятидесяти человеком, или сколько может прибрать, которые похотят без Государева жалованья итти, по Олекме и по Тугирию рекам, и под волок Шилской и на Шилку, на Государевых непослушников»¹ даурских князей Лавкая и Батогу, которые не соглашались платить ясак русскому царю. Хабарову предписывалось по возможности мирными средствами достичь своей цели. Потом он и сам не раз заявлял в своих отписках о желании закрепиться на Амуре «без всякие драки». Но в крайнем случае Хабарову разрешено было «прося у Бога милости, над ними поиск чинить и промышлять войною»².

Хабарову не удалось собрать нужного числа людей. Только 70 человек вызвались идти вместе с ним в далекий поход.

¹ Акты исторические. Т. 4, СПб, 1842, док. 31, стр. 68.

² Там же, стр. 69.

Но это не задержало Ерофея Павловича. Когда не хватило денег, он занял их у Францбекова.

В конце марта 1649 года отряд Хабарова вышел из Илимского острога и все лето провел в пути. К осени добрались до устья Тугира — правого крупного притока Олекмы. Здесь построили острожек, зазимовали. В январе 1650 года на нартах отправились вверх по Тугиру и перевалили через Олекминский становик — отроги Станового хребта. Весной того же года добрались до Урки, впадающей в Амур. Вскоре попали в большой город царства Лавкая на берегу этой реки¹.

Но город как будто вымер: в нем не оказалось ни одного жителя. То же самое увидели хабаровцы в следующих двух городах ниже по течению Амура. Трудно было решить, что задумал Лавкай. Может быть, нарочно заманивал пришельцев в глубь своих владений, чтобы затем «бой учинить» и разбить их. Но вскоре все выяснилось. В тот же день к лагерю Хабарова подъехало пять всадников. Это был сам Лавкай с двумя братьями, зятем и слугой. Навстречу им вышел Хабаров. Выяснилось, что до Хабарова здесь побывал казак Ивашко Елфимов Квашнин, покрученник Ивана Беляша Ярославцева. Он промышлял в этих местах и даже поставил зимовье на Тугирском волоке. Лавкай сообщил, что Квашнин вел торговлю и говорил о скором приходе множества русских, которые намереваются всех их «побить и животы... пограбить, а жен и детей в полон имать». По-видимому, этим Квашнин хотел устроить дауров. Лавкай отказался платить ясака русскому царю и уехал из города.

Хабаров пошел вниз по Амуру до четвертого, затем до пятого города, но безрезультатно и решил дальше пока не идти. Он вернулся в Лавкаев город и там укрепился. Не ожидая весны, Хабаров отправился с небольшой партией казаков из 20 человек в Якутск. Надо было набрать побольше людей и заготовить припасы для нового наступления на Амур.

26 мая 1650 года Хабаров был уже в Якутске и докладывал воеводам о своем походе. Он привез чертеж реки Амура, где были нанесены пять даурских крепостей. Их нужно было взять, чтобы укрепиться на Амуре. Рассказы и доводы Хабарова были убедительны. Недаром воевода в докладе царю писал, что «тебе государю будет прибыль большая, и в Якуц-

¹ Город, городище, городок (от глаголов «городить», «огородить») — населенные укрепленные пункты, выставлявшиеся в пограничной полосе Сибири. Сейчас на берегу реки Урки находится железнодорожная станция Ерофей Павлович. Лавкаев город находился в устье реки Урки.

кой, государь, острог хлеба присылать будет не надобно, потому что... из Лавкаева города с Амура реки волок на Тугирь реку в новый острожек, что поставил Ярко Хабаров, переходу только со сто верст, а водяным путем из того Тугирского острожку на низ Тугирем рекою и Олекмою и Леною до Якуцкого острогу поплаву на низ только две недели; а чаить, государь, того, что та Даурская земля будет прибыльнее Лены, а сказывал он Ярко нам холопам твоим, что и против всей Сибири место в том украшено и изобильно»¹.

Воевода Францбеков не стал ожидать решения царя. Медлить было нельзя и незачем. 110 человек добровольно согласились отправиться с Хабаровым, кроме того, 27 служащих выделил воевода. Этого было мало, но Хабаров, заручившись словом воеводы, что в дальнейшем помощь подойдет, двинулся в путь.

Осенью 1650 года Хабаров встретился со старыми соратниками. Все они были живы и здоровы, хотя и выдержали немало стычек с даурами. Ерофей Хабаров поднял весь отряд и пошел «на великую на Амур реку, в княж Лавкаево княжение, в их Даурскому городу». Дауры поджидали русских. Они поняли, что не зря их столько здесь оставлено. Теперь надо было ждать прихода главных сил.

Увидев русских, дауры, засевшие в остроге князя Албазы, напротив впадения реки Амуэрхэ в Амур, вышли из города и, отказавшись от мирных переговоров, решили перебить всех казаков. Тогда и Хабаров показал силу и «бился... с ними е половины дни до вечера». Победили хабаровцы. Они овладели даурской крепостью Албазин. Дауры бежали вниз по Амуру.

Хабаров сразу же снарядил погоню. Под начальством Дуная Трофимова и Тренки (Терентия) Ермолина Чечигина на легких стругах² в ночь отправилось 135 человек. Утром дауры с удивлением обнаружили у стен своего города готовый к бою отряд русских. Дауры подожгли город и отступили. В полдень казаки настигли их. И дауры были окончательно разбиты.

Укрепив Албазин и захватив с собой большую часть отряда, Хабаров двинулся вниз по Амуру «с большим ружьем, с

¹ Здесь и далее сведения без особых оговорок приводятся из Дополнений к актам историческим (ДАИ), том 3.

² Струг — деревянное плоскодонное речное судно (гребное или парусное) с отвесными бортами и заостренными оконечностями длиной от 20 до 46 метров, шириной 4,5—9 метров.

двумя пушками». На десятый день пути он встретил многочисленное даурское войско и смело вступил с ним в бой. Дауры не выдержали и отступили. Недалеко от этого места Хабаров поставил острог, в котором остались 20 казаков и 30 служилых для сбора ясака. Зимовать отряд возвратился в Албазин.

Богатый ясак отправил в том году в Якутск Ерофей Хабаров: четыре сорока и шесть соболей! Для доставки ясака вместе с донесением о делах на Амуре он выделил самых надежных людей: Тренку Ермолина Чечигина, Дружинку Васильева Попова и своего племянника Артемия Филиппова Петриловского.

Зима прошла в обычных заботах, в сборе ясака, в укреплении Албазина. Когда наступила весна, не дожидаясь возвращения посланных с приказами людей из Якутска, Хабаров стал готовить сплав по Амуру. Как только окончился ледоход, 2 июня 1651 года Ерофей Хабаров начал свой героический поход.

При появлении отряда Хабарова дауры уходили подальше от реки. Через два дня хабаровцы добрались до города князя Дасаула на левом берегу Амура, а на третий подплыли к городу Гуйгударову. Дауры встретили отряд на берегу и не давали ему пристать, но оружейные выстрелы заставили их отступить и запереться в самом городе. Началась осада. Перед боем Хабаров обратился к осажденным с речью, в которой призывал их добровольно «без драки сдаться и давать ясак государю по своей мочи». Несколько раз ходили хабаровцы на приступ. Под непрерывным градом стрел они шаг за шагом продвигались к крепости. «Всю ночь до схожево солнца» шла осада. Дауры в конце концов не выдержали, «десятка полтора, лишь те и ушли из города», а остальные были окружены и взяты в плен. Отряд захватил много трофеев, знамена, лошадей.

Вскоре флотилия отправилась дальше и через два дня подошла к городу, где правил князь Банбулай¹. Узнали тут, что ниже по реке за впадением в нее Зеи стоит «город крепкой и укреплен накрепко, а крепили... тот город всею Даурскою землею». Хабаров понял, что эта крепость является оплотом дауров на Амуре, и, поговорив с казаками, немедленно пошел к ней.

¹ Банбулаево городище располагалось в 45 километрах от Благовещенска, в районе селения Марково, в двух километрах к северу от него.

Подойдя к городу, хабаровцы захватили городские башни. После того как с больших судов стали палить пушки, а на берег были выведены кони, на которых казаки преследовали отступающих, даурские князья Туронча, Толга и Омутей согласились платить ясак русскому царю и быть под его «высокою рукою в вечном ясачном холопстве». Хабаров заставил князей дать присягу при всем народе. Оставив главных князей у себя аманатами, Хабаров, посоветовавшись «с ратными людьми служилыми и с вольными казаками» всех остальных отпустил по своим улусам. И с тех пор «они жили в тех своих улусах у города с нами за един человек и корм нам привозили и они к нам в город ходили беспрестанно, и мы к ним тоже ходили».

Не дождавшись никаких известий из Якутска, Хабаров отправил туда 2 августа Сергушку Андреева, Богдашку Габышева, Ивашку Телятева и Ефимку Самсонова с отпиской о своих действиях. В провозатые дал им 36 человек с тем, однако, чтобы от Тугирского волока те возвратились обратно.

Прошло три недели, и вдруг толмач Костка Иванов, приехавший к Хабарову от енисейского сына боярского Ивана Галкина, посланный к даурам, обнаружил, что все они ушли из улусов. Зимовать стало невозможно, так как запасов не было, а время шло к осени. Тогда, взяв аманатов, 7 сентября отряд пошел дальше.

Четыре дня плыли до того места, где Амур течет стиснутый Хинганским (Буреинским) хребтом, или до Камня, как его тогда называли. Через ущелье плыли два дня и ночь; еще через два дня, останавливаясь лишь изредка по пути в улусах, достигли устья реки Сунгари. После короткой остановки и расспросов плыли семь дней мимо берегов, где жили дучеры. Ниже по Амуру встретили новый народ. Хабаров называет их ачанами — гольдами. Землю они не пахали, скота не разводили, занимались только рыболовством.

29 сентября увидели селение на левом берегу Амура. Здесь решили зазимовать и поставили острог. Чтобы обеспечить себя продовольствием на зиму, снарядили два судна, на которых 5 октября отправились под парусами вверх по Амуру 100 человек. Это не осталось незамеченным.

Рано утром 8 октября около тысячи дучеров и ачан подошли к острогу и подожгли его со всех сторон. В остроге оставалось всего 106 человек, но устоять против ружей и пушек дучеры и ачаны не смогли. Их ряды дрогнули и откатились к Амуру, где были наготове большие струги.

На следующий день в острог возвратились казаки с богатым уловом рыбы. Острог основательно укрепляли, запасались продуктами, а свежую рыбу ловили подо льдом на железные крючки. 28 ноября, уже зимним путем, было отправлено 120 человек, которые благополучно вернулись, собрав хороший ясак.

Терентий Ермолин Чечигин и Артемий Филиппов Петриловский, посланные в Якутск, развернули энергичную деятельность. Набрали 144 «новоприборных охочих» человека. Воевода Францбеков выделил для Хабарова 30 пудов «зелья» — пороха и 30 пудов свинца. К началу августа 1651 года Терентий Чечигин был совсем готов в путь.

До наступления зимы казаки Чечигина добрались до Тугирского волока. Недалеко от волока они встретили нарочного от Хабарова с письмом к Чечигину с просьбой «поспешать» на Амур. И Чечигин, не останавливаясь на зимовку в Тугире, пошел дальше. Запас, взятый с собой, он оставил у Тугира на попечение восьми своих казаков и тринадцати старослужащих во главе с Ивашкой Артемьевым Портнягой и Никифором Хабаровым. Им приказано было ранней весной явиться со всеми запасами на Амур. Чечигин же 10 сентября пошел через волок и на Амуре стал спешно строить суда, чтобы успеть в этом же году соединиться с Хабаровым.

Когда Чечигин и Петриловский плыли по Амуру, то время от времени они посылали вперед легкие малые струги на разведку, но на след Хабарова напасть не удавалось. Приближалась зима. Стали на зимовку. Отряд Хабарова зимовал в разных местах: основные силы — в низовьях реки, а присланные — в верховьях. И никто из них ничего не знал друг о друге. С наступлением весны Чечигин отправил вперед на быстром струге пять служилых людей и двадцать одного казака во главе с Иваном Нагибой. Им было строго наказано плыть вниз десять дней и смотреть вокруг, чтобы не пропустить Хабарова. Плавание это оказалось настолько интересным, что на нем надо остановиться подробнее.

Из Банбулаева городка отряд Нагибы отправился 4 мая 1652 года. Десять дней плыли казаки, не спуская глаз с берега. За это время они пришли в страну дучеров. Вполне возможно, что где-то рядом находился отряд Хабарова, но встретить его не удалось. Оставалось предположить, что Хабаров ушел вниз к гилякам.

Нагиба посоветовался с товарищами и решил плыть дальше в низовья Амура. Вскоре казаки, сами того не зная, оказа-

лись в устье Амура, а затем и в Амурском лимане. Таким образом, отряд Нагибы был вторым после Пояркова русским отрядом, побывавшим в устье Амура.

Здесь Хабарова тоже не было: вероятно, разошлись с ним где-то в многочисленных протоках. Возвратиться домой можно было только морским путем, а струг Нагибы был совершенно непригоден для плавания по морю — не было даже паруса.

Несколько дней гребли вдоль берега, но встретились льды. Десять суток носило судно вместе со льдами по морю, пока не было раздвинуто у пустынного берега. Утонуло все снаряжение и продовольствие. Казаки с трудом, где по льдинам, где вплавь, добрались до земли. Измученные, побрели они вдоль берега, питаясь травой да ягодами, иногда трупами моржей и нерп. Через пять дней дошли до небольшой реки и решили здесь остановиться, построить новое судно. Работали без инструментов, не было даже топоров. И все же какое-то подобие судна через две недели было готово.

Снова поплыли по морю. Дойдя вдоль берега до устья реки Учальды, казаки увидели тунгусские юрты и остановились. Время было осеннее. Дождавшись зимнего пути, 15 декабря 1652 года на нартах отправились через горы. Спустя четыре недели вышли на реку Тугур¹, где набрали на гиляцкое стойбище. Казаки обязали гиляков платить ясак и сразу взяли семьдесят восемь соболей. Построили здесь острог, в котором и прожили до лета.

А 30 июня 1653 года на легком струге Иван Нагиба с четырьмя товарищами — Иваном Михайловым, Павлом Степановым, Федором Спиридоновым и Степаном Дмитриевым — поплыл вниз по реке. Выйдя в море, струг четыре недели плыл вдоль берега, а затем четыре дня поднимался вверх по реке Нангары (может быть, Лангары, к югу от залива Аян). Когда плыть стало невозможно, пошли пешком, через хребет Джугджур. Перевалив через него, путешественники попали на реку Ватангу (Ваган), по которой на легком суденышке, построенном на ходу, спустились до реки Ман. Затем вышли на Алдан и уже оттуда на Лену. 15 сентября 1653 года Иван Нагиба со своими спутниками добрался наконец до Якутска. Здесь он немедленно организовал смену своим товарищам, оставленным во главе с Иваном Уваровым на реке Тугур.

¹ Не нужно смешивать реки Тугир (теперь Тунгир) и Тугур. Первая — приток реки Олекмы, вторая впадает в юго-западную часть Охотского моря. На обеих реках были в то время поставлены остроги.

Тем временем отряд Чечигина, не дождавшись разведки Нагибы, в конце мая вышел к Хабарову. Долгожданная встреча состоялась у Хинганского хребта. Неделю казаки отдыхали.

В то время, когда велись поиски, Хабаров со своим отрядом зимовал в низовьях Амура, среди ачан. Пришлось ему здесь в марте отразить жестокое нападение более чем двухтысячного вооруженного маньчжурского войска.

Хабаров был уверен, что теперь русские твердой ногой стали на Амуре, и надеялся на государеву помощь. Он употребил всю свою энергию, волю, недюжинный ум и способности, чтобы с честью выполнить задание. Где лаской, где хитростью, а где и военной силой Хабаров покорил богатейшие области Приамурья. Но недалёковидность царского правительства привела к тому, что амурский вопрос, решенный в пользу России, был открытым еще целых двести лет.

У Хабарова осталось менее двухсот человек, а помощь от воевод все не подходила. Необходимо было во что бы то ни стало связаться с Якутском, и Хабаров поплыл вверх по Амуру. Он построил шесть дощаников и разместил на них все: пушки, запасы, лошадей.

22 апреля пошли в обратный путь. Большой частью гребли, а когда дул попутный ветер, поднимали паруса. Проплыли мимо земель натков, миновали устье реки Сунгари, добрались до Хинганского ущелья — амурских «щек» — и при выходе из него увидели спускающийся вниз отряд казаков. Это были Чечигин и Петриловский, которые привезли Хабарову людей, порох и свинец, а также и пушку.

По пути люди Хабарова ходили в соседние становища — улусы, собирали ясак, брали заложников. Один из заложников сообщил, что в устье Сунгари отряд Хабарова поджидало шеститысячное войско маньчжур, жаждавших отомстить за разгром в Ачанском остроге. Но битва не состоялась: суда Хабарова без остановки прошли эти места под парусами, преследовать же отряд по реке маньчжуры не решились.

В отряде между тем росло недовольство Хабаровым. Часть казаков пришла к нему, надеясь на быстрое обогащение за счет разбоя и грабежа местного населения. Они требовали от Хабарова военных действий, когда в этом совсем не было необходимости. Мирные взаимоотношения с местным населением их не устраивали. Перспектива зимовки в верховьях реки, где нечем было поживиться, не радовала, и они решились на открытое выступление против Хабарова.

Произошло оно в устье реки Зеи. Хабаров выбирал здесь

место для строительства русского города-крепости, который стал бы резиденцией властей на Амуре. 1 августа 1652 года Хабаров собрал своих сподвижников, чтобы обсудить предстоящие дела. Тут-то и показали себя заговорщики во главе со Степаном Поляковым, Косткой Ивановым и Логином Васильевым. Они не хотели мирно жить на одном месте. На трех дощаниках поплыли они вниз по Амуру, силой захватив с собой часть несогласных с ними казаков (около 30 человек), а также запасы пороха и свинца.

Хабаров с товарищами ездил к восставшим, уговаривал их, но бесполезно. 136 человек покинули отряд, захватив разного имущества на две тысячи рублей и войсковое знамя. У Хабарова осталось 212 человек, и положение отряда ухудшилось. Теперь местные жители уже не верили, что притеснять их больше не будут. Они отвечали упреками: недавно пошел вниз большой отряд, который громил и грабил селения.

Обо всем Хабаров сообщил якутскому воеводе в подробной отписке. В ней же просил он о помощи и намечал дальнейший план походов на другие реки — притоки Амура. А с бунтовщиками решил расправиться сам. 30 сентября Хабаров захватил их в остроге в низовьях Амура. По его приказу бунтовщиков жестоко избили батогами.

Побывавшие на Амуре рассказывали сибирским казакам и поселенцам о необычных богатствах земель того края. Говорили о хорошем климате, о золотых и серебряных россыпях и т. п. В рассказах было много прикрас, но свое дело они делали. Началось настоящее паломничество на Амур, приостановить которое было невозможно. За беглецами посылали погоню, но это не помогало. Часто служилые присоединялись к бежавшим и уходили на Амур сообща.

У якутского воеводы не хватало сил, чтобы закрепиться на Амуре, и он все время просил помощи у царя. А с последним своим донесением даже отправил в Москву хабаровца — Дружинку Васильева Попова, чтобы тот лично объяснил положение дел на Амуре.

В Москве еще до приезда туда Попова было решено послать на Амур трехтысячное войско под командованием князя Лобанова-Ростовского. В марте 1652 года для размещения людей, постройки дорог и ознакомления на месте со всеми делами на Амур был послан московский дворянин Дмитрий Иванович Зиновьев. В этом году он до Амура не добрался и зимовал на Чечуйском волоке — между Тунгуской и Леной.

Встреча Зиновьева с Хабаровым произошла только в первых числах августа 1653 года на устье реки Зеи. Зиновьев привез царские награды всем участникам похода. Прямой и честный Хабаров не понравился спесивому и властолюбивому московскому дворянину. В ответ на приказание Зиновьева отчитаться перед ним Хабаров спросил у посланца царскую грамоту, официальные полномочия. Это окончательно взбесило Зиновьева. Сохранились известия, что он, заподозрив «Хабарова в утайке ясака, требовал от него отчета и дерзость свою простер до того, что плевал Хабарову в лицо, драл за бороду и вооружил против себя товарищей героя»¹.

Уезжая с Амура, Зиновьев решил взять с собой в Москву самого Хабарова. Есть сведения, что он вез Хабарова арестованным, отобрал у него все имущество. Зиновьев распорядился построить три острога: в Лавкаевом улусе, на реке Урке и в устье Зеи. Главным вместо Хабарова он оставил служилого Онуфрия Степанова, который с отрядом до 1658 года разъезжал по Амуру, собирая с жителей ясак, вступая в частые стычки с маньчжурами.

К 1676 году на Амуре было уже много русских острогов. Владения русского царя распространялись до Зеи и ниже по Амуру. Центрами деятельности русских на Амуре стали Нерчинский острог и Албазин. В 1682 году были основаны поселения и остроги в устье реки Буреи, на Амгуни (у гиляков), Селемджинский и Долонский на Зее, несколько деревень вблизи Албазина и два острога на реках, впадающих в Охотское море: Удской и Тугурский (основанный Иваном Нагибой).

Что же случилось с Хабаровым? По прибытии его в Москву царь Алексей Михайлович пожелал видеть славного землепроходца. Хабаров был принят ласково, награжден званием сына боярского. Кроме того, он был назначен приказчиком поселений между Леной и Илимом, от Усть-Кута до Чечуйского волока. Имущество, отобранное Зиновьевым, было ему возвращено. Но по прибытии на Лену Хабарова вскоре арестовали и отправили в Якутский острог; так как он не мог сразу рассчитаться с долгами, сделанными перед даурским походом. Хабаров нашел поручителей и лишь тогда смог вернуться на свои земли. В ноябре 1667 года Хабаров просил тобольского воеводу П. Годунова отпустить его снова на Амур, но получил отказ.

¹ Н. Щукин. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии, описанные на основании подлинных бумаг якутского и нерчинского архивов. «Сын Отечества», 1848, книга 9, стр. 26.

Свои последние дни Ерофей Хабаров провел, по-видимому, или в Илимском остроге, или в деревне Хабаровке, около Усть-Киренги. Сын его Андрей впоследствии стал посадским человеком.

Только нерешительность царской дипломатии свела на нет результаты географических открытий славных русских землепроходцев Пояркова и Хабарова. Скромные русские люди совершали подвиги, достойные самого глубокого уважения и восхищения. Советский народ бережно хранит память о Ерофее Павловиче: огромный край и его центр носят имя Хабарова.

В море за перелевами земля



Первым на Камчатку попал коч Федота Алексеева Попова Холмогорца, а в конце XVII века туда сухим путем пришли казаки. Из Анадырского острога, основанного Семеном Дежневым, они настойчиво продвигались на юг, и теперь известно, что самые ранние походы русских на Камчатку относятся к 1686—1688 годам. Это походы Ивана Гольгина, Василия Кузнецова, Луки Морозко и других. Исторические походы Владимира Васильевича Атласова в 1697—1699 годах закрепили успехи русских. Атласов основал на Камчатке первые остроги.

Среди первых русских, появившихся в начале XVIII века в камчатских острогах, были Данила Яковлевич Анцыферов и Иван Петрович Козыревский. Оба они долгое время служили там, участвовали в походах и выделялись сметливостью и удалью. Козыревский вместе с отцом появился на Камчатке в 1700 году с первым приказчиком Тимофеем Кобелевым из Якутска, основавшим Большерецкий острог.

Анцыферов и Козыревский в начале 1711 года были участниками бунта против жестокого Владимира Атласова, закончившегося гибелью Атласова и приказчиков Чирикова и Миронова. После бунта казаки избрали своим атаманом Анцыферова, а Козыревского — есаулом. Под их руководством казаки продолжали верно служить на Камчатке, собирали ясак, проводывали все новые места, а вскоре сообщили сибирскому воеводе об убийстве нелюбимых и жестоких приказчиков и просили разрешения отправиться на приобретение новых земель, лежащих к югу от мыса Лопатка. О землях этих слышали они от местных жителей.

Несомненно, что Федот Алексеев Попов не мог не видеть во время своего исторического плавания хотя бы первого Курильского острова. И, наверное, он рассказал бы об этих островах, если бы остался в живых. А. С. Сгибнев даже утверждал, что «казак Михайло Стадухин... построил на устье реки Анадырь шитики и в 1656 году отправился на них с товарищи к югу, обогнул полуостров Камчатку и вошел в Охотское море, на берегу которого построил Тауйский острог»¹. Возражая Г. Миллеру и Ф. Врангелю, которые говорили, что Стадухин вышел на Пенжину сухим путем и с устья ее плывал по Ламскому морю, Сгибнев писал, что имел в руках документы о морском плавании Стадухина. Разыскать их пока не удалось. Наверное, в этих документах также есть упоминание о Курильских островах.

Первое известное упоминание о Курильских островах и Японии — это строки из замечательного отчета В. В. Атласова, написанного в 1700 году: «А против Первой Курильской реки, на море, видели вдаль, как острова кажется, и иноземцы сказывают, что подлинно там острова есть, и на тех островах города каменные, и в них люди живут царственные, а какого государства и какие люди, про то сказать не умеют»².

В 1702 году Михайло Наседкин, посланный приказчиком В. Колесовым в «Курильскую землю на немирных людей», доносил, что «они де шли в ту землю на собаках и проводывали от Курильского острогу дале в нос земли, и от того де места дале земли в нос нет, пришло море, только видеть в море за перелевами земля, а проводывать де той земли не на чем». Значит, Наседкин сам видел Курильские острова, побывал на южной оконечности Камчатки — Лопатке.

С тех пор интерес к Курильским островам значительно возрос. В 1710 году приказчику Миронову было дано распоряжение провести о Курильских островах более подробно. Но во время восстания казаков Миронов с другими приказчиками был убит. Данила Анцыферов и Иван Козыревский, возглавившие восстание, желая оправдаться перед сибирскими властями и памятуя о пользе государственной, решили исполнить приказ самостоятельно.

Об Анцыферове известно очень мало. Есть только указание на то, что родом он из Томска. А об Иване Козыревском

¹ А. С. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 69.

² Там же, стр. 72.

сохранилось больше сведений. Дед его — выходец из Польши. Отец Петр Федорович, в 1700 году появился на Камчатке с тремя сыновьями — Иваном, Петром и Михаилом. В 1705 году он погиб в стычке с камчадалами у речки, которая с тех пор и называется его именем.

Анцыферов и Козыревский в 1711 году ходили с Большой реки (Большерецка) до мыса Лопатка. Отсюда на байдарках смельчаки переправились на первый Курильский остров — Шумшу. «На сем острову живут иноземцы, званием Курила. И на дальние острова которые ходят и те головы свои бреют до затылку по тамошнему обычаю и кланяются на коленках. Також из дальних островов приходят ради покупки бобров и лисиц, и орлов, и орлового перья»¹. Так описал Козыревский первые впечатления об острове. Дальше первого острова в этот год не пошли. 29 сентября 1711 года путешественники возвратились в Большерецк. Этот день и считается датой открытия жемчужного ожерелья Дальнего Востока — Курильских островов. Вот как об этом событии Анцыферов и Козыревский докладывали царю: «А в нынешнем, государь, в 1711 году, мы, раби твои, с Большой реки, августа с 1 числа, в ту Курилскую землю край Камчадалского Носу ходили. И где прежде служилые люди у Курилского острогу были, и от того места до самого краю Камчадалского носу 2 дни ходу, и с того носу мы, раби твои, в мелких судах и байдарках за переливами на море на островах были и до той земли доходили, где велено нам, рабам твоим... проведать и дать той земле особый чертеж. И будучи мы, раби твои, за первым перелевом на первом острову на усть Кудтугана реки, те Курилские мужики, скопився в многолюдстве, дали с нами бой крепкой»².

Это первый письменный документ о посещении Курильских островов.

В феврале 1712 года Данила Анцыферов с 25 служилыми был убит камчадалами на реке Аваче. Козыревский же собирался побывать на Курильских островах и составить подробный чертеж. Установлено, что в этом году ему по каким-то причинам не удалось высадиться на Курильские острова. Доходил он только до Лопатки и составил подробный «Чертеж

¹ И. И. Огрызко. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953, стр. 179.

² Там же, стр. 177.

вновь Камчадалские земли и моря». Чертеж этот он составлял, используя рассказы жителей японских островов, суда которых разбилась у берегов Камчатки, и показания местного населения. В этом же году Козыревский действительно подал камчатскому приказчику Колесову «в Верхнем остроге в Ясашной избе за своею рукою, чертеж и доезд».

Но и на этом не кончились путешествия Козыревского к Курильским островам. В 1713 году он во главе 55 служилых и 11 камчадалов еще раз отправился «для проведывания морских островов и Японского государства». Вместе с ним был японец Сана с разбившегося судна. Козыревский на этот раз посетил два острова — Шумшу и Парамушир (возможно, побывал и на третьем — Онекотане). Он составил «чертеж как Камчадалского носу, також и Морским островам, коликое число островов от Камчадалского носу до Матмайского и Нифона островов...»¹. В 1714—1715 годах Козыревский собирал ясак по рекам Ича, Крутогорова, Конпакова на Камчатке и на двух Курильских островах. Ясак был по тем временам невиданный.

В 1717 году Козыревский постригся в монахи и стал монахом Игнатием в Успенской обители — между устьем р. Камчатки и Нижнекамчатским острогом. В 1720 году, поссорившись с братом своим Петром, напомнившим ему об участии в убийстве Атласова и других приказчиков, Иван-Игнатий Козыревский неосторожно ответил: «Которые де люди царевубийцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не великое дело, что на Камчатке приказчиков убивать»². Слова эти дошли до властей, и его арестовали.

В Якутске Козыревскому удалось оправдаться, и в 1721 году он строил Покровский, а в 1722 году Спасский монастырь. Затем он опять попался — присвоил деньги и в том же Спасском монастыре был посажен на цепь. В 1724 году он бежал, а после побега просился на Курилы и в Японию. В Якутске 6 июня 1726 года беседовал с ним Беринг. Козыревский представил Берингу историю проведывания Камчатки и Курил и чертеж Камчадалского носу и Морских островов, но в экспедицию его не взяли.

На карте, подаренной Берингу, у Лопатки было написано: «Первый перелев. В легких судах своею силою на скорое мож-

¹ ЦГАДА, портф. Миллера, № 533, тетр. 2, л. 4.

² И. И. Огрызко. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953, стр. 177.

но до обеда из утра в перед и назад сходить. А иноземцы ска- зывали: против сего перелеву например шириною и в перед таковы ж есть, но токмо до Итурупы острова три перелева широки, которые подписью объявил на чертеже при сем же»¹.

Дальше вместо Курильских островов Козыревский на суд- не «Эверс» ходил по Лене до устья в 1727—1729 годах. В 1730 году поехал в Москву, там добился у сената решения (23 октября 1730 года) о постройке Успенского монастыря на Камчатке и об ассигновании на это 500 рублей.

А затем опять всплыло дело об убийстве Атласова. И как ни доказывал Козыревский, что он хотя и был в заговоре, но сам никого не убивал,—ничего не помогло. Козыревский оказался в московской тюрьме, где и скончался 2 декабря 1734 года.

После путешествия Атласова походы русских людей из Якутска на Камчатку стали обычным делом, но все они были сухопутными вдоль берега Охотского моря, в обход Пенжин- ского залива, и требовали много времени. От Якутска до Ана- дырского только острога шли полгода! Да и, кроме того, такие путешествия были очень трудны как для самих путешествен- ников, так и для местных жителей, которым приходилось обеспечивать приезжающих всем необходимым. С 1703 по 1716 год по дороге из Анадырска на Камчатку погибло око- ло 200 человек. Поэтому возник вопрос об отыскании морско- го пути на Камчатку.

Первые попытки были сделаны в начале XVIII века, когда Охотск рос как порт, когда укреплялось его положение и влия- ние во всем бассейне Охотского моря. В 1710 году по распоря- жению сибирского губернатора Гагарина якутский казначий десятник Василий Савостьянов должен был «проводывать пу- ти к Тауйскому и Ламскому острогам через Ламское море», то есть искать путь с Камчатки к северо-западному бере- жью Охотского моря.

Вслед за этим якутский воевода Д. Траурнихт в 1711 году послал охотского приказчика Петра Гуторова, который из Та- уйского острога попытался добраться до Камчатки морем. Подготовка к походу была проведена тщательная, но сам Гу-

¹ И. И. Огрызко. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953, стр. 200.

торов в мореходном деле был неопытен, к тому же не было и мореходных инструментов. На ботах-однодеревках Гуторову с большим трудом удалось добраться до устья реки Иглиган (теперь Сиглан) и на этом закончить свое плавание, хотя из его донесения видно, что он собирался пройти дальше, в Пен- жинскую губу¹.

В 1713 году Петр I подписал указ об отыскании морского пути на Камчатку. Исполняя приказ царя, сибирский губер- натор Гагарин послал в Охотск сына боярского Ивана Соро- коумова. Но выбор был крайне неудачен. Сорокоумов без вся- кой причины напал на Охотский острог и взял его приступом, а о приказе забыл и занялся пьянством и грабежом.

Когда такие сведения дошли до Гагарина, он деятельно принялся за организацию новой экспедиции. Петр I повелел прислать из Петербурга в Охотск опытных мореходов и ко- раблестроителей, выходцев из Охотска. По размаху принимае- мых правительством мер можно было судить о том значении, какое придавалось регулярному мореплаванью из Охотска на Камчатку и обратно.

В состав экспедиции вошли: начальник Кузьма Соколов, мореходы Никифор Моисеев Треска, Яков Власов Невейцын, Андрей Яковлев Буш, плотники Кирилл Плоских и Варфоло- мей Федоров да 21 служилый с пятидесятником Михаилом Кривоносовым во главе. Экспедиция прибыла в Охотский острог 23 мая 1714 года. Прежде всего Соколов отправил в Якутск продолжавшего бездельничать Ивана Сорокоумова с его командой, а сам принялся за постройку судна.

В 75 верстах вверх по течению реки Кухтуй было выбрано плотбище, прозванное Соколовским. Строил судно Кирилл Плоских, и на это ушел весь 1715 год. В мае 1716 года лодья была спущена на воду. Она была сделана «наподобие русских лодий, на которых прежде сего из Архангельского города хо- дили в Мезень, в Пустозерский острог и на Новую Землю»². Судно получилось прочным, хорошо держалось на волне и слушалось руля. Длина его была восемь с половиной саже- ней, ширина три, осадка три с половиной фута. Эта лодья — первая, построенная в Охотске, да и вообще на всем море- океане Восточном русскими специалистами-кораблестроите- лями.

¹ Летопись занятий в Археологической комиссии, 1862, вып. 1, стр. 12—14.

² Г. Ф. Миллер. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных, СПб, 1758, стр. 318.

Лодья получила название «Восток». В июне 1716 года экспедиция отправилась в неизвестный путь. Мореплаватели благополучно прошли до Тауйской губы, до устья Олы-реки. Выйдя оттуда за полуостров, который теперь называется полуостровом Кони, лодья попала в полосу свежего ветра, который дул в направлении Камчатки, и, подхваченная им, вскоре оказалась неподалеку от мыса Утколокского (или, может, Омгона) у реки Тигиль. Но не суждено было мореходам так просто попасть на Камчатку. Ламское море оправдало свою славу изменчивого и бурного. Ветер переменился, усилился, и путешественники снова оказались там, откуда пришли. Чтобы лодью не выбросило на берег, пришлось стать на якорь и ждать прекращения шторма.

Когда наступила долгожданная погода, судно снялось с якоря и на этот раз без приключений дошло до устья реки Тигиль. Отсюда вдоль берега плыли на юг до устья реки Крутогоровой. Здесь камчатские казаки помогли команде ввести лодью в реку Конпаковую.

Лодья зазимовала на Камчатке. Соколов побывал в Большерецке и Нижнекамчатске. Возможно, что он повидался и с Козыревским, который находился в эту зиму на Камчатке. Соколов выполнил все наказы и даже помог казакам навести порядок. А ранней весной в мае 1717 года лодья «Восток» пустилась в обратный путь. Мореход Треска держал курс к Тауйской губе. На четвертый день плавания судно встретило тяжелые льды. Лодью затерло.

Пять с половиной недель продолжалось вынужденное скитание по морю. Наконец льды расступились, и судно направилось к Тауйской губе. Когда подошли к берегу между Олой и Тауйским острогом, стали на якорь: команда была так измучена, что без отдыха нельзя было идти дальше. В Охотск прибыли 8 июля. Морской путь на Камчатку был открыт. А. С. Пушкин писал об экспедиции Соколова—Трески: «Открытие пути через Пенжинское море имело важное следствие для Камчатки. Суда с казаками приходили ежегодно, экспедиции следовали одна за другою»¹. Теперь искать «земли за перелевами» стало проще. Не обязательно для этого было совершать путешествие до Анадырского острога, а потом ехать через всю Камчатку.

В 1719 году по указу Петра I снаряжалась экспедиция, в которой впервые участвовали геодезисты, окончившие курс

наук в Морской академии, первые флотские офицеры, прибывшие на Тихий океан — Иван Михайлович Евреинов и Федор Федорович Лужин.

В открытой инструкции от 2 января 1719 года говорилось: «Ехать вам до Таболска и от Таболска взять провожатых ехать до Камчатки и далее куды вам указано. И описать тамошние места, где сошлася ли Америка с Азией, что надлежит зело тщательно зделать не только сюд и норд, но и ост и вест, и все на карту исправно поставить»¹. Кроме того, геодезисты имели секретную инструкцию («... и далее куды вам указано»). Курильские острова были особым предметом их исследований.

Плавание было совершено на той же самой соколовской лодье «Восток». Она вышла из Охотска в сентябре 1720 года под командой Кондратия Мошкова и Андрея Буша, благополучно подошла к берегам Камчатки и зазимовала в реке Иче, а ранней весной перебралась в Большерецк.

22 мая 1721 года экспедиция покинула Большерецк и направилась к шестому острову Курильской гряды. Описания этого плавания не сохранилось. О нем можно судить лишь по некоторым документам да по составленной карте. Ясно одно: экспедиция осмотрела первые шесть островов. На острове Райкоке искали таинственную серебряную руду, о которой доносил в свое время Козыревский, пытались найти эту руду на следующих островах, а может быть, отыскивали морской путь в Японию. Геодезисты осмотрели острова Матуа, Расшуа, Ушишир, Кетой и стали на якорь у острова Симушир. Штормом сорвало лодью с якоря, долго носило по морю и на седьмые сутки принесло к острову Парамуширу. Ничего больше не оставалось делать, как идти на Камчатку. В конце июня лодья пришла в Большерецк.

Двадцать лет потребовалось для того, чтобы освоить Камчатку, проложить туда морской путь и нанести на карту Курильские острова, открытые Игнатием-Иваном Козыревским.

¹ Полный Свод Законов Российской Империи. Т. V, № 3266, стр. 607.



ва, подтвердившим предположение, что Азия отделена от Америки проливом.

Офицер русского флота Витус Ионссен Беринг возглавил величайшую географическую экспедицию. Грандиозная по масштабам Великая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция охватила огромные пространства севера Сибири и Дальнего Востока. Многочисленные отдельные отряды под началом опытных морских офицеров в течение десяти лет описывали, наносили на карты береговую черту Севера и Северо-Востока Азии.

Экспедиция эта была призвана завершить и научно обосновать все открытия землепроходцев. Кроме того, существовала еще одна причина, которую особо подчеркивал Петр I в инструкции руководителям экспедиции. Сведения о великом географическом открытии Дежнева и Попова в течение длительного времени были похоронены в сибирских архивах. Ученые в России и в Европе не имели ясного представления о том, соединяется ли Азия с Америкой или между ними есть пролив и, следовательно, возможно ли плавание из Северного

Наступление русских на Востоке России продолжалось. Великая Сибирско-Тихоокеанская экспедиция, организованная по повелению Петра I, явилась логическим завершением многочисленных путешествий мореходов и землепроходцев в XVII веке. За кратчайший исторический срок, менее чем за одно столетие, русские землепроходцы сумели пройти всю Сибирь, выйти к берегам Восточного, или Тихого, океана, обосноваться на севере Сибири и завершить свои походы крупнейшим географическим открытием Ф. А. Попова Холмогорца и С. И. Дежнева.

Ледовитого океана в Восточный, или Тихий, океан. Слухи о Японии, Курильских, Шантарских островах, о близком соседстве Америки с российскими владениями доходили до Европы и требовали подтверждения. Россия была жизненно заинтересована в этом. И Петр I незадолго до своей смерти, 23 декабря 1724 года, подписал указ о снаряжении экспедиции. В написанной лично им инструкции начальнику экспедиции капитан-командору В. И. Берингу говорилось:

«1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах возле земли, которая идет на Норд, а по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст (берег.— А. А.) называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюды»¹.

Витус Ионссен Беринг родился в 1681 году в Дании в городе Хорсенсе. О детских и юношеских годах его сохранилось мало сведений. Известно, что на голландском корабле он плавал в Ост-Индию. Возвратившись оттуда в 1703 году в Амстердам, В. И. Беринг был приглашен Петром I на службу в Балтийский флот с чином подпоручика. С этого времени и до конца своих дней он жил в России, честно и беззаветно служа новой родине. Здесь его называли Иваном Ивановичем.



Витус Беринг.

¹ Цит. по кн. А. И. Алексеева «Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота». Хабаровск, 1958, стр. 38.

В 1704 году Беринг был участником Азовского похода Петра I. В 1705 году командовал шхуной и участвовал в строительстве крепости на острове Котлин (будущий Кронштадт), доставляя туда строевой лес. В 1710 году в чине капитан-лейтенанта (капитан-поручика) Беринг был переведен в Азовский флот, а в 1711 году участвовал в русско-турецкой войне, командуя шнявой¹ в Прутском походе Петра I. Везде он обнаруживал отличное знание морского дела, был исполнительным, добросовестным и честным офицером.

Переведенный в 1712 году снова в Балтийский флот, Беринг принял активное участие в длительной войне России со Швецией, известной в истории под названием Северной. По личному поручению Петра провел он из Копенгагена в Кронштадт корабль «Перл», а из Архангельска вокруг Скандинавии в Ревель (Таллин) — новый корабль «Селафаил».

В 1717 году он был произведен в капитаны 3-го ранга, в 1720-м — в капитаны 2-го ранга, а на следующий год командовал шестидесятипушечным кораблем «Марльбург». В 1724 году Беринг по неизвестным причинам вышел в отставку, но вскоре специальным указанием Петра был возвращен на флот с чином капитана 1-го ранга. Этому опытному и способному моряку Петр I и поручил возглавить экспедицию 1725—1730 годов, которая получила затем название Первой Камчатской экспедиции. Помощниками Беринга были назначены лейтенанты М. П. Шпанберг и А. И. Чириков. В составе экспедиции кроме офицеров было свыше 60 нижних чинов.

Экспедиция отправилась из Петербурга в Охотск в начале 1725 года, а прибыла туда только в январе 1727 года. Надо сказать, что из Охотска после походов Соколова—Трески и Евреинова—Лузина уже регулярно плавали суда на Камчатку. В Охотске, по рекам Охоте и Кухтую, а также неподалеку от Охотска, в Ураке, строились мореходные суда.

Летом 1727 года спустили на воду построенный в Охотске шитик «Фортуна», и на нем перевезли все грузы и личный состав экспедиции в Большерецк. Оттуда с невероятными трудностями на собаках все снаряжение экспедиции переправили в Нижнекамчатск, где в апреле заложили судно для предстоящего похода. Оно было спущено на воду 8 июня 1728 года и названо «Св. Гавриилом».

13 июля 1728 года экспедиция вышла в море и направилась к устью Анадыря. 1 августа был открыт залив Св. Креста.

¹ Шнява — двухмачтовое морское судно.

Все вновь открываемые места Беринг называл по церковному календарю и никогда не давал им имен участников экспедиции и даже лиц царской фамилии (только один остров Шумагина был назван в честь погибшего матроса). Так, в данном случае «поелику в сие число празднует церковь наша происхождение древ честного и животворящего Креста, то и назвал он губу, в коей находился, губою Св. Креста», — отметил В. Н. Берх¹. На том же основании был назван и открытый 10 августа остров именем Св. Лаврентия.

Войдя в пролив, называемый теперь Беринговым, и достигнув широты 65°30', Беринг 13 августа собрал совет офицеров, чтобы обсудить, что делать дальше. Из-за густого тумана при прохождении пролива с судна не был замечен американский берег, поэтому нужно было принять решение о дальнейших планах экспедиции.

На совете М. П. Шпанберг предложил плыть на восток до 16 августа и затем повернуть обратно, считая, что если и дальше нигде не будет видно американской земли, то, следовательно, она не соединяется с азиатской.

Другого мнения придерживался А. И. Чириков, который настаивал на плавании вблизи берега до тех пор, пока судно не подойдет к устью Колымы. В этом случае было бы совершенно точно доказано существование пролива между Азией и Америкой. Но начальник экспедиции послушался совета Шпанберга, и «Св. Гавриил», добравшись до широты 67°18', то есть находясь уже в Чукотском море, повернул обратно.

В проливе между Азией и Америкой судно снова застиг густой туман, и увидеть берега Америки на этот раз тоже не удалось. В проливе был открыт остров Диомида (на самом деле там два острова и скала; другое их название — острова Гвоздева).

1 сентября экспедиция возвратилась в Нижнекамчатск, где и зимовала. В следующем году Беринг предпринял еще одну попытку пройти на восток в поисках земли, о которой он слышал от Козыревского, когда был на Камчатке, но помешали сильный ветер и туман. Беринг дошел морем до Большерецка, а оттуда 23 июля 1729 года прибыл в Охотск. В марте 1730 года после пятилетнего отсутствия экспедиция возвратилась в Петербург.

Несмотря на то, что экспедиция не разрешила окончательно вопроса о существовании пролива между Азией и Амери-

¹ В. Н. Берх. Первое морское путешествие россиян. СПб, 1823, стр. 44.

кой, значение ее в связи с географическими открытиями было велико. Кроме того, Беринг представил много очень интересных этнографических сведений о якутах, чукчах, камчадалах, коряках. Экспедиция произвела несколько точных астрономических наблюдений и составила карту Чукотки на основе достоверных данных.

Опыт этой экспедиции показал, что корабли, построенные на самом краю Восточной Сибири, на Охотском побережье, отличались хорошими мореходными качествами и могли совершать дальние плавания. В то время, когда «Св. Гавриил» и «Фортуна» в 1729 году возвращались в Охотск, там уже снаряжалась следующая экспедиция под начальством казачьего головы Афанасия Федотовича Шестакова. Шестаков представил правительству проект своей экспедиции и карту, на которой была нанесена Америка и множество островов. Он обязался проверить и исследовать эти сведения, а также покорить чукчей и коряков. Благодаря последнему поручению экспедиция носила несколько военный характер. Разрешение на экспедицию последовало 27 марта 1727 года. В составе ее были: 400 назначенных казаков под начальством капитана Дмитрия Ивановича Павлуцкого, штурман Яков Генс, подштурман Иван Федоров, геодезист Михаил Спиридонович Гвоздев, матросы, корабельные мастера, люди разных специальностей.

На охотских верфях-плотбищах опять застучали топоры: началась постройка новых кораблей для экспедиции. В течение 1729 года были выстроены два бота — «Восточный Гавриил» и «Лев». К экспедиции присоединились и суда Беринга — «Св. Гавриил» и «Фортуна». Участниками ее были опытные мореходы Мошков и Треска, но в целом она оказалась крайне неудачной, хотя и была отмечена одним великим событием.

Начальник экспедиции Шестаков был убит в схватке с чукчами, а бот «Лев» сожжен ими во время зимовки. Возглавлявший экспедицию Д. И. Павлуцкий отправил оставшиеся корабли по разным маршрутам. Наиболее примечательно плавание «Св. Гавриила». Летом 1732 года совершенно дряхлый штурман Яков Генс передал в Нижнекамчатске подштурману Ивану Федорову судно, на котором находились Гвоздев и Мошков. Впоследствии М. С. Гвоздев писал, что задачи экспедиции были поставлены Д. И. Павлуцким обширные. В своем рапорте от 1 сентября 1733 года Гвоздев сообщал: «Велено нам обще со штурманом и подштурманом иттить на

боте «Гавриил» кругом Камчатского носу к Анадырскому устью и против Анадырского носу, которая называется Большая Земля», и проведать, какие там живут люди, «осмотреть и вновь прискивать и ясак збирать с таких, с которых ясаку и зборе не бывало, и том мне иметь крепкое старание»¹.

23 июля 1732 года бот вышел из Нижнекамчатска. 3 августа «Св. Гавриил» оказался в устье реки Анадырь. Отсюда решили идти к тому острову, у которого был в 1728 году Беринг и который видел Мошков. И «через одного морехода пошли того острова искать и пришли к Чюкоцкому носу к южной стороне 5 августа»².

И так двигаясь от мыса к мысу вдоль берега, бот приближался к заветной цели. По пути не забывали и о делах насущных: собирали ясак там, где это удавалось. 13 августа была штилевая погода, и Федоров отдал якорь у мыса Дежнева. С группой матросов на берег ходил Гвоздев. Он видел чукотское селение, чукчей. На просьбу служилого Пермякова дать ясак они ответили категорическим отказом.

Переждав штиль, 15-го снялись с якоря и следующие два дня осматривали остров — один из островов Гвоздева, или Дномиды (вероятно, это был остров Ратманова), а Гвоздев опять ходил на берег. Бот снова оказался у мыса Дежнева, а затем у острова. Только 20 августа путешествие на восток было продолжено. Бот подошел ко второму острову — острову Крузенштерна. Отсюда увидели берега Америки. Это случилось 21 августа 1732 года. «Св. Гавриил» направился к этим берегам и вскоре подошел к американской земле в районе теперешнего мыса Принца Уэльского.

Велико было желание экипажа высадиться на неизведанный берег. Предприняли несколько попыток, но мешал штормовой ветер. Бот пошел на юг и на следующий день подошел к острову (Кинга), с которого к боту приезжал чукча. От него Федоров и Гвоздев много узнали о Большой земле. Продолжать поход было трудно, так как кончились продукты и свежая вода, да и судно было в плохом состоянии. Матросы обратились к Гвоздеву и «просили о возврате, чтобы возвратиться на Камчатку без обчего согласия, понеже де кормов у них малое число, також де и не могут из судна воды уливать»³. 28 сентября бот с трудом добрался до устья Камчатки.

¹ В. А. Дивин. К берегам Америки. М., 1956, стр. 20.

² Там же, стр. 21.

³ Там же, стр. 26.

Так русские люди впервые подошли к берегам Америки. Они пересекли Берингов пролив по всей его ширине и побывали на островах Гвоздева.

Иван Федоров умер в 1733 году. Михаил Гвоздев долго еще пробыл в Сибири и на Дальнем Востоке. Он участвовал в плавании Шпанберга к берегам Японии, служил в Иркутске у Ф. И. Соймонова. В 1758 году просился в отставку по старости, а о дальнейшей его судьбе ничего пока неизвестно.

Первая экспедиция Беринга была разведкой, прологом к дальнейшим исследованиям Северо-Востока Азии. Сам Беринг хорошо это понимал и писал по возвращении, что «Америка, или инья, между оной лежащая земля, не очень далеко от Камчатки...»

Не без пользы было, чтоб Охотской или Камчатской водяной проход, до устья реки Амура и далее, до Японских островов, выведывать...

Ежели за благо рассуждено будет, северные земли или берег от Сибири, а именно от реки Оби до Енисея, а оттуда до реки Лены, к устьям оных рек можно свободно и на ботах или сухим путем выведывать¹.

В этих словах Беринга заключается суть его проекта, данного по прибытии в Петербург в Адмиралтейств-коллегию и озаглавленного «О мерах к устройству Охотского края и Камчатки, о проведывании пути к Америке и Японии для учреждения с оными странами торговли и о проведывании северного берега Российской империи между Обью и Леной».

В проекте Беринг предусматривал многие мероприятия по устройству Охотско-Камчатского края и Чукотки и выдвигал требование о создании сильного военного и торгового тихоокеанского флота, предполагал устройство в Охотске порта. Большинство из пунктов программы Беринга вошло затем в инструкцию, данную Адмиралтейств-коллегией первому командиру Охотского порта Г. Г. Скорнякову-Писареву. Правительство приняло предложения Беринга, но они были существенно дополнены и расширены после обсуждения.

16 марта 1733 года последовал именной указ об организации экспедиции, которая теперь по праву называется Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедицией. Начальником ее был назначен Беринг, помощниками — прекрасно себя зарекомендовавший А. И. Чириков и М. П. Шпанберг. Началась длительная подготовка к экспедиции. Были написаны самые подроб-

¹ Цит. по статье А. И. Алексеева «Витус Беринг» в кн.: Люди русской науки. М., 1962, стр. 293.

ные инструкции для семи ее отрядов, которые должны были действовать на северном побережье от Оби до Амура. Северными отрядами экспедиции в разное время командовали доблестные русские морские офицеры, воспитанники петровской Морской академии — Степан Малыгин, Дмитрий Овцын, Дмитрий и Харитон Лаптевы, Петр Ласиниус, Василий Прончищев, Семен Челюскин, Федор Минин, Дмитрий Стерлегов.

Самостоятельную группу, так называемую «академическую экспедицию», составлял отряд профессоров, адъюнктов и студентов Академии наук. В этом отряде находился будущий известный исследователь Камчатки С. П. Крашенинников.

Главный отряд, называемый иногда Второй Камчатской экспедицией, под непосредственным руководством Беринга и Чирикова должен был отправиться к берегам Америки и исследовать северную часть Тихого океана; отряд, руководимый Шпанбергом, — описать Курильские и Шантарские острова и Японию.

Первые отряды небывалой по масштабам экспедиции начали выезжать из Петербурга в феврале 1733 года. Естественно, что руководить такой экспедицией было сложно. Большею частью отряды действовали самостоятельно в соответствии с данными им инструкциями, но систематически посылались Берингу отчеты, и он, особенно вначале, до отправления в историческое плавание, деятельно руководил всей работой.

Беринг прибыл в Якутск в октябре 1734 года. Еще раньше туда прибыл Шпанберг, вскоре отправившийся в Охотск подготавливать суда. Три года продолжалась в Якутске подготовка к отправлению в Охотск всего необходимого. Причиной кажущейся медлительности были трудности, которыми сопровождался этот самый сложный этап экспедиции. Достаточно сказать, что для пропитания участников экспедиции требовалось в год 16 000 пудов различных продуктов. Доставляли их сначала в Якутск, а оттуда в Охотск. Такие тяжелые предметы, как, например, железные якоря и бухты каната для кораблей, приходилось распиливать или разрубать на части, перевозить в таком виде в Охотск и там снова соединять или сращивать. Тысячеверстный путь от Якутска до Охотска таил на каждом шагу опасность. Дорога проходила горными тропами, и пробираться по ним можно было только верхом на лошадях. Таким путем перевозили все грузы. Многочисленные горные речки и реки приходилось переходить вброд. Метеорологические условия тоже были очень сложными.

Все участники Тихоокеанской экспедиции собрались в Охотске к осени 1737 года. Там под наблюдением Шпанберга были выстроены два новых судна: бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюпка «Надежда» и отремонтированы старые боты «Гавриил» и «Фортуна». С первыми тремя Шпанберг вышел в плавание к Курильским островам и берегам Японии 18 июня 1738 года.

На охотских верфях для главного отряда экспедиции строились суда: двухмачтовые пакетботы «Св. Петр» и «Св. Павел» длиной по 80 футов, поднимавшие по 6 000 пудов груза. В июне 1740 года суда были спущены на воду, но смогли выйти в море только 8 сентября. Пакетботом «Св. Петр» командовал Беринг, а пакетботом «Св. Павел» — Чириков.

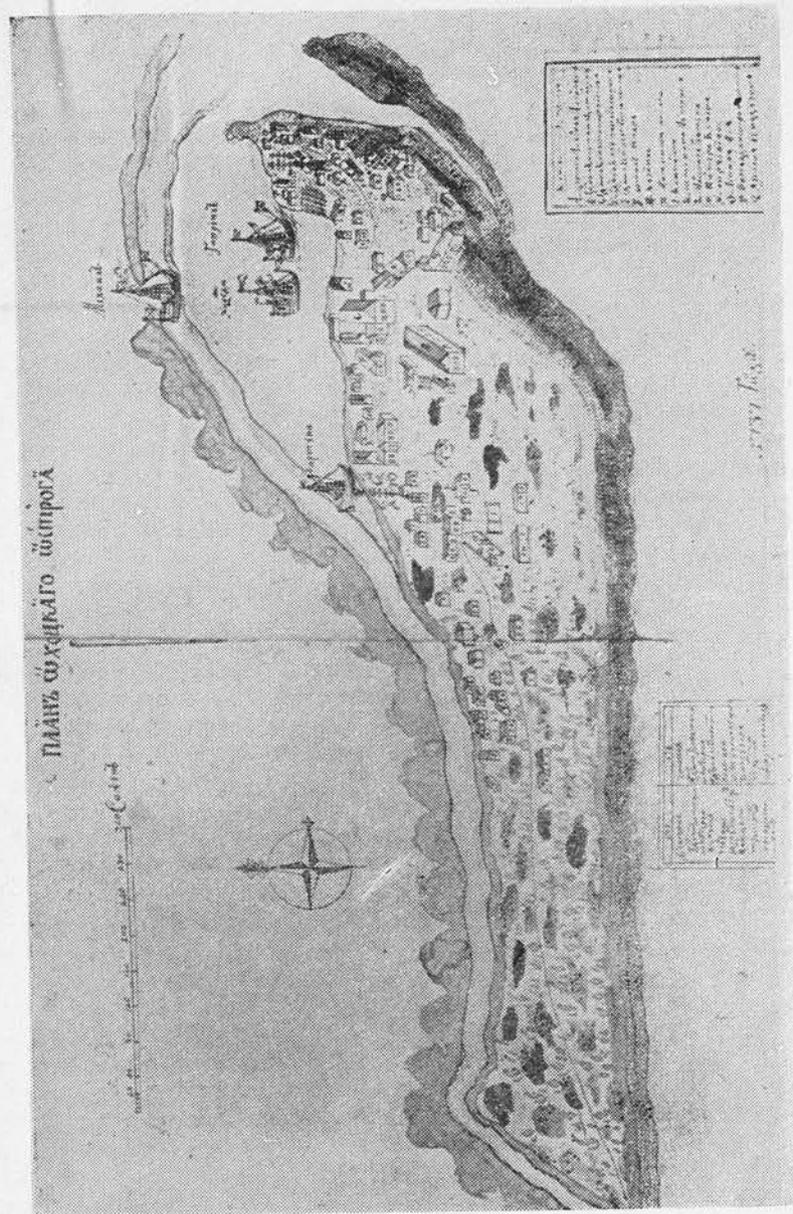
О детских годах Чирикова известно очень мало. Родился Алексей Ильич Чириков в 1703 году. В 1715 году он был определен в Навигацкую школу в Москве. На следующий год Чирикова перевели в Морскую академию в Петербург, которую он успешно закончил в 1721 году, получив чин унтер-лейтенанта. Как один из лучших офицеров, он был оставлен в академии преподавателем навигации. В 1724 году был зачислен в состав первой экспедиции Беринга, а в 1730 году по возвращении произведен в капитан-лейтенанты.

Но отдыхать долго капитан-лейтенанту Чирикову не пришлось: он снова должен был отправиться на Восток, на этот раз помощником начальника экспедиции.

В Авачинской губе, куда уже ранее были посланы штурман Иван Фомич Елагин и подштурман Василий Андреевич Хметевский, все было готово для зимовки. Прошла она благополучно, и весной пакетботы собрались в путь. 4 июня 1741 года суда вышли в море. У Беринга было 77 человек команды, у Чирикова — 75. С Берингом шли лейтенант Свен Ваксель, мастер Софрон Хитрово, натуралист Георг Стеллер и разжалованный в матросы лейтенант Дмитрий Овцын.

Суда следовали на юго-восток, чтобы выяснить, существует ли мифическая Земля да Гамы. Совместное плавание продолжалось до 20 июня. Убедившись за это время в том, что такой земли в показанном на карте районе не существует, суда повернули на северо-восток. 20 июня во время сильного шторма пакетботы потеряли друг друга из виду.

Некоторое время Беринг оставался на месте, надеясь вновь встретиться с Чириковым, а затем направился на юг. Беринг решил еще раз посетить те места, где можно было искать Зем-



План Охотска времен экспедиции Беринга.

лю да Гамы. 25 июня судно повернуло на северо-восток и двигалось этим курсом. После двадцатидневного перехода, 16 июля, находясь в широте 58°14', моряки увидели на горизонте высокие горы. Это была Америка. Среди гор выделялась одна, названная Берингом горой Св. Ильи. 18 июля приблизились к берегу настолько, что видели великолепный лес у самого моря. Дальнейшее плавание проходило медленно: боялись наскочить на прибрежные камни.

20 июля подошли к острову Каяк (Беринг назвал его островом Св. Ильи). На берег был послан «для сыскания гавани» Софрон Хитрово с командой из 15 человек. На другой шлюпке на остров был высажен натуралист Г. Стеллер в сопровождении казака Фомы Лепихина. В течение шести часов Стеллер сумел произвести многочисленные наблюдения, собрать богатые коллекции, сделать ценные находки.

Беринг торопился с выходом. Его беспокоил обратный путь. В ответ на нападки Стеллера он с горечью заметил: «...Мы воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как еще далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку не хватит...».

На рассвете 21 июля пакетбот «Св. Петр» снялся с якоря и взял курс на юго-запад, придерживаясь берегов Америки. 26 июля прошли близко от острова Кадьяк, который был виден с судна. 2 августа открыли остров Укамок. Условия плавания ухудшились. Из-за недостатка свежей пищи появились больные, началась цинга. В конце августа умер матрос 2-й статьи Никита Шумагин. Его похоронили на одном из островов, названных Шумагинскими. Во время стоянки у этого острова впервые встретились с жителями Алеутских островов — алеутами, которые подъезжали к судну на байдарках. Несмотря на то, что времени было мало, Стеллер, Ваксель и Хитрово сумели и здесь произвести достаточно точные и подробные наблюдения.

Путь от Шумагинских островов к Камчатке становился все более трудным. Начался сентябрь, а с ним и штормовая погода. С 8 сентября штормы почти не прекращались, а 23 сентября разразился шторм такой силы, что старый штурман Эзельберг, избороздивший все моря и океаны, признавался, что не видывал в своей жизни ничего подобного. Положение судна было тяжелым. Большая часть команды болела, не хватало воды и продуктов, члены экипажа, даже не больные

цингой, были до того измучены качкой, что не могли ничего делать. С каждой новой волной ожидали гибели судна.

Наступил октябрь. Бури не утихали, люди умирали один за другим. К концу месяца скончались от цинги и голода двенадцать человек. Тяжело заболел капитан Беринг. Он не мог подниматься, и управляли судном Ваксель и Хитрово.

Два месяца непрерывных мучений, когда не было возможности ни лежать, ни сидеть, ни стоять, смерть товарищей угнетали оставшихся в живых. Мало кто надеялся возвратиться на Камчатку. Понятна была поэтому радость, когда 4 ноября увидели перед собой прямо по курсу на расстоянии около 15 миль высокую землю. Всем хотелось, чтобы это была Камчатка. Многие даже узнавали очертания берегов.

Вечером 5 ноября пакетбот «Св. Петр» выбросило на берег. Это был остров — теперь остров Беринга в группе Командорских островов. Стали готовиться к зимовке: нарыли землянок, запасались топливом. Остров был богат морским зверем. Больше всего пришлась по вкусу морская корова, описанная Стеллером (теперь она вымерла).

Такие тяжелые испытания были уже не под силу больному шестидесятилетнему капитан-командору Берингу, и 19 декабря 1741 года он скончался. «В яме (землянке.— А. А.), в которой он больной лежал, песок со сторон всегда осыпался, заваливая у него ноги, коего он напоследок больше огребать не велел, сказывая, что ему от того тепло, а впрочем де он согреться не может. И так песку на него навалилось по пояс; а как скончался, то надлежало его из песку вырывать, чтоб тело пристойным образом предать земле», — вспоминал Г. Ф. Миллер.

Сорок шесть человек благополучно перезимовали, а весной 1742 года из остатков пакетбота и из плавника начали строить новое судно, которое летом было готово. 13 августа вышли к берегам Камчатки, а 26 августа почти на веслах вошли в Петропавловскую гавань, где все считали их погибшими.

Разлучившись с Берингом 20 июня, Чириков продолжал путь самостоятельно сначала на восток, а потом на восток-северо-восток. 15 июля увидели землю. В журнале Чирикова есть запись: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю, на которой горы высокие, а тогда еще не очень было светло, того ради легли на дрейф; в 3-м часу стало быть землю свободнее видеть»¹.

¹ В. А. Дивин. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953, стр. 159.

Это была Америка. Пакетбот находился вблизи мыса Аддингтона острова Бейкер в широте 55°20'. Чириков послал к берегу шлюпку с штурманом А. М. Дементьевым. Она не вернулась. Искали ее неделю и затем послали вторую — с боцманом Сидором Савельевым. Но не возвратилась и вторая шлюпка. Гибель посланных так и осталась загадкой.

Чириков долго еще был у берегов Америки, но продовольствие кончалось, и 6 августа пакетбот пошел к Камчатке. На обратном пути открыли несколько островов Алеутской гряды: Умнак, Уналашку и другие. 20 сентября с острова Адак в группе Андреяновских островов приехали на байдарках «американцы». В начале октября был открыт остров Агатту из группы Ближних островов. Чириков, как и многие из команды, был болен. Пакетбот вел штурман Иван Фомич Елагин. Вскоре умерли офицеры И. Чихачев и М. Плаутин. Лишь 22 октября удалось войти в Петропавловскую гавань. Из 75 человек возвратились 51, а из офицеров только двое — Чириков и Елагин.

После смерти Беринга экспедицию возглавил Чириков, который ходил на поиски пакетбота «Св. Петр», был рядом с островом Беринга и не знал, что там лихорадочно готовятся, строят суденышко, чтобы добраться до Камчатки. Так ему и не удалось найти товарищей — они добрались сами.

Недолго прожил Чириков. Отправившись на Камчатку, в Сибирь 22-летним офицером, вернулся он в Петербург через 20 лет больным, измученным лишениями, морскими походами и несправедливостями. В 1746 году Чирикова произвели в капитан-командоры, а в 1748 году он скончался в возрасте всего 45 лет. Недавно в Ленинграде обнаружили место, где похоронен этот замечательный путешественник и труженик науки.

Героическое плавание русских моряков завершилось открытием Северной Америки со стороны Тихого океана и открытием Алеутских островов, а отряды Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции в это время заканчивали свои работы по описи всего северного побережья Сибири. Инициатор, организатор и руководитель экспедиции Витус Ионссен Беринг до конца исполнил свой долг перед Родиной. На всех картах мира море, по которому он плавал, носит имя Беринга; пролив между Азией и Америкой назван Беринговым, острова, куда выбросило пакетбот «Св. Петр», называются Командорскими, а остров, где отважный капитан-командор нашел вечный покой, именуется островом Беринга.



Более четырех десятков лет провел В. А. Хметевский в Охотско-Камчатском крае. Экспедиция Беринга, строительство Охотского порта, экспедиция Креницына, побег Беньовского с Камчатки — вот далеко не полный перечень важнейших событий на Дальнем Востоке, в которых ему довелось в какой-то мере участвовать. А известно об этом замечательном человеке очень мало.

Василий Андреевич Хметевский родился в 1698 году. Это и все, что мы знаем о нем до 1726 года¹, когда Хметевский «показан в службе». Вполне закономерно

предположить, зная обстоятельства жизни Хметевского, что образование он получил в единственном тогда учебном заведении — Навигацкой школе, впоследствии Морской академии.

17 апреля 1733 года Хметевский определен в ранг подштурмана, а 1 января 1738 года стал штурманом. С 1734 года Хметевский был в экспедиции Беринга под началом М. П. Шпанберга. Готовясь в плавание к берегам Северной Америки, Беринг и Чириков решили прежде создать базу на Камчатке. С этой целью 29 сентября 1739 года из Охотска в Большерецк был отправлен бот «Гавриил» под командой Ивана Фомича Елагина. Вместе с ним отправились штурман В. А. Хметевский и гардемарин И. Б. Синдт. Кроме них, было 9 человек команды.

Елагину были приказано, «чтоб по прибытии к Большой реке (Большерецку.— А. А.) порученной в его команду бот Гавриил поставил в удобное место, дабы чрез зиму ото льду и прочаго какого повреждения не учинилось и итить ему зим-

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XII, СПб, 1888, стр. 351,

произведено подробное обследование с промером, а 19 июля— к Тауйскому острогу «и от Охоцка до Тауи берег и губы описал»¹. Работа осложнялась тем, что «взятые Охотской канцелярии служилые два человека для показания на приморском берегу мест никаких не знают»².

Несмотря на это, описание побережья от Охотска до Тауйска дано очень подробное. Карта, составленная Хметевским, сохранялась в течение всего XVIII века, и ее копировали другие мореходцы. Об этом, в частности, пишет исследователь Охотского моря начала XIX века А. Е. Шаховской. «До издания меркаторской карты Охотского моря и Восточного океана Г. Вице-Адмиралом Сарычевым в 1802 году, на охотских мореходных судах не употреблялось никаких печатных карт Охотского моря. Служившие до того времени в Охотске морские офицеры для плаваний своих употребляли рисованные карты, скопирывая их один у другого». «Так как все эти карты,— продолжает он далее,— очень сходны, то естественно предположить, что они являются копиями карты Василия Хметевского, сделанной в 1743—44 гг.»³.

Говоря о наиболее удобных для стоянки судов гаванях, Хметевский отмечает Шилкапскую, Ейринейскую и Мотыклейскую губы-заливы. Он пишет: «а в описанном мною берегу натуральных гаваней удобных хотя и не нашлось однако от неблагоприятного ветра безопасных мест по отстою судов находятца некоторые губы а имянно в Шилкапцкой губе две внутренние губки одна называемая Шилкапцкая губка. Во онаю и речка Шилкапка пала хотя устье и мелко но большую воду бывает девять фут а в губе в малую воду три и до семи сажень грунт песок серой... а другая губа называемая Ейрилейская. Во оной губе глубине от пяти до пятнадцати сажень грунт песок серой, а третья Мутыклейская губа глубиною от двенадцати до двух сажень в малую воду...»⁴.

Отсюда Хметевский «дошел обстоятельным описанием без проронку до Туманы реки в прошедшем августе в 24-м числе»⁵. На следующий день «Большерецк» отправился дальше, но из-за противных ветров вынужден был стать на оба якоря. 26-го шторм усилился до такой степени, что «тем штормом оторвало оба якоря и тогда я лежал на дрейфе (лежал в дрей-

¹ ЦГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 53, л. 825 об.

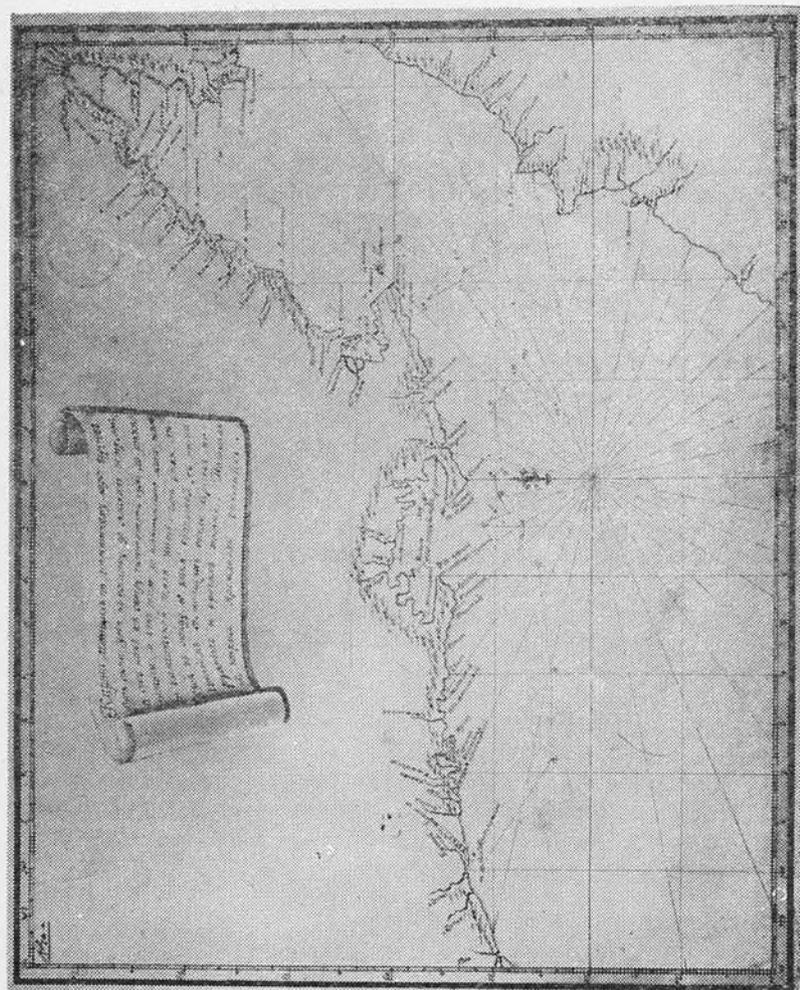
² Там же.

³ Там же, ф. 913, оп. 1, д. 297, л. 5 об.

⁴ Там же, ф. 216, оп. 1, д. 53, л. 825 об.

⁵ Там же, д. 57, л. 418.

Карта северной части
Охотского моря, состав-
ленная по работам
В. А. Хметевского.



фе.— А. А.) под фоком сутки, то от великого волнения заливало валами судно и тем залитием из нактоуза выбило один компас и унесло в море а люди едва могли удержатца за снасти, ибо оным залившимся валом раздробило палубу»¹.

После того как утих шторм, Хметевский снова принужден был пойти в реку Туману, откуда организовал поиски якорей, но найти их не мог, так как выброшенные на том месте буи отсутствовали,— вероятно, были сорваны штормом.

2 сентября «Большерецк» отправился к реке Вилиге, чтобы продолжать опись Пенжинской губы, но противные ветры и отсутствие провианта заставили его «с общего согласия всей команды служителей» следовать прямо на Камчатку. Когда 6 сентября подошли к берегу, то опознать его не могли, а по счислению находились в широте 60° и двинулись вдоль берега на юг.

Только 12 сентября удалось опознать реку Морошечную и войти туда. Отсюда Хметевский послал рапорт Шпанбергу и нарочного в Нижнекамчатск за смолой и якорем, а сам на следующий день отправился к Большерецку.

Но с погодой не повезло. С 15 по 19 сентября продолжался шторм страшной силы «и от одного шторма видели смертную гибел, уже не чаяли получить спасение, что парусы изодрало и валами всегда покрывало все судно и от того сильного заливания оторвало нактоус, збросило и с компасами в море, тако ж некоторых и служителей едва ж могли на судне за снасти удержатца, а нактоус едва ж могли поймать, а в каюте была всегда вода, а из интрюма безпрестанно ж в две понпы выливали и едва могли уливатца, ежели бы оной шторм продолжался хотя б еще половина дни, то бы никакого можно спасения получить, понеже служители от мокроты и заливания валами обезсилели и не имели пропитания, понеже чтоб перемятца с вахты было невозможно»².

Когда шторм утих, Хметевский вынужден был зайти для зимовки в ближайшую реку Хариузовку. 22 сентября судно вошло туда и стало на зимовку. При судне был оставлен караул, а все прочее во главе с Хметевским, построив две юрты и баню, обосновались в верховье реки.

Готовясь к летней навигации и принимая все меры к ремонту «Большерецка», Хметевский в течение зимы обрабатывал материалы описи и составлял карту. Вместо умершего

штурмана А. Шабанова на «Большерецк» был прислан один из опытейших штурманов Охотской флотилии Михаил Васильевич Неводчиков, который помог Хметевскому в рисовании карт. После зимовки Хметевский и Неводчиков продолжали съемку побережья и довели ее до Большерецка. Остались неописанными Гижигинская и Пенжинская губы.

Не все участники Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции возвратились в Петербург после ее окончания. Многие были оставлены в Тобольске и в Томске под командой мичмана Василия Алексеевича Ртищева из отряда Петра Ласиниуса. 5 сентября 1751 года Хметевский, оказавшийся в их числе, был произведен в лейтенанты.

В Охотске, когда ушли оттуда отряды экспедиции Беринга, сложилась такая обстановка, что заведовать морской частью порта было некому. Начальник порта, сухопутный офицер, премьер-майор Афанасий Зыбин был деятельным человеком, но в морском деле не разбирался и просил в помощь морского офицера. 2 марта 1752 года Адмиралтейств-коллегия предписала находившемуся в Сибири лейтенанту Хметевскому с четырьмя матросами отправиться в Охотск «ради транспортировки там судов и описания Пенжинского моря».

1753 год был крайне неудачным в жизни Хметевского. Приняв начальство над морской частью в Охотском порту, весной он энергично принялся за дело и вскоре снарядил целых три судна. Но все они потерпели крушение.

Не избежал печальной участи и пакетбот «Св. Иоанн» под командованием самого Хметевского. 2 октября он вышел из Охотска и 12-го разбился вблизи Большерецка, причем погибло пять человек, пропало 10 тысяч рублей серебряной монеты и все грузы. А. С. Сгибнев писал, что в течение 1753 и 1754 годов на берег буруном было выброшено 3 099 рублей 50 копеек, а затем в течение почти целого столетия жители Камчатки находили после каждого шторма серебряные монеты¹.

В Сибири в это время организовалась экспедиция для сплава по реке Амур, получившая впоследствии название Нерчинской. Во главе ее был поставлен находившийся в Сибири после каторжных работ на Охотском солеваренном заводе известный русский ученый-гидрограф и видный государственный деятель Федор Иванович Соймонов. 12 января 1754 го-

¹ ЦГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 57, л. 418.

² Там же, л. 418 об.

¹ А. С. Сгибнев. Охотский порт. «Морской сборник», 1869, СПб, № 11, часть неоф., стр. 39.

да последовало решение Адмиралтейств-коллегии, чтобы «бывших в Камчатской экспедиции офицеров и служителей, которые ныне в Сибири имеютца»¹, отдать в распоряжение сибирского губернатора В. А. Мятлева, следовательно, в подчинение Ф. И. Соймонова.

Когда в Охотске в 1754 году арестовали А. Зыбина, Хметевский принял Охотский порт и управлял им до конца 1755 года, а затем отправился в Томск, где получил назначение в Нерчинскую экспедицию. Но и здесь его пребывание было недолгим. Вскоре он опять возвратился в Охотск. 4 марта 1756 года на смену Зыбину, снова управлявшему к тому времени портом, был послан В. А. Ртищев, который только 2 августа 1760 года сумел вступить в должность командира Охотского порта.

В течение всего этого смутного времени Хметевский по-прежнему заведовал морской частью порта, снаряжая, строя и отправляя суда Охотской флотилии во все населенные пункты побережья Охотского моря, Камчатки и на Алеутские острова. 18 марта 1756 года он был произведен в капитан-лейтенанты, а 8 февраля 1758 года — в капитаны 3-го ранга.

7 сентября 1760 года сенат предписал Соймонову, ставшему к этому времени сибирским губернатором, назначить Хметевского командиром на Камчатку. Соймонов, к сожалению, не смог исполнить этого предписания, так как дело о крушении пакетбота «Св. Иоанн» было еще не окончено, Хметевский находился под следствием и потому не мог быть назначен на подобную должность.

В 1761 году по распоряжению Соймонова Хметевский был послан для описи Пенжинской и Гижигинской губ. Шестидесятитрехлетний моряк-гидрограф прекрасно исполнил поручение. С 17 марта по 5 апреля 1761 года на бригантине «Елизавета» он сделал опись от Гижиги до Каменского острога, после чего оставался в Тигильской крепости. На следующий год работы были продолжены. С 10 июня по 20 июля Хметевский закончил опись Гижигинской и Пенжинской губ, а затем прибыл в Охотск. Существенную помощь в описи оказал ему Иван Андреевич Балакирев². С 1764 года Хметевскому пришлось работать с новым начальником Охотского порта полковником Ф. Х. Пленисером.

¹ ЦГА ВМФ, ф. 214, д. 73, лл. 17—18.

² И. А. Балакирев — один из активных деятелей Охотского порта, участник экспедиции П. К. Креницына. Удалось установить дату рождения И. А. Балакирева — 1722 г. (ЦГА ВМФ, ф. 214, д. 86, л. 378).

Хметевский все еще был под следствием за крушение пакетбота в 1753 году. 12 августа 1764 года он обратился с письмом к члену Адмиралтейств-коллегии контр-адмиралу Алексею Ивановичу Нагаеву. В этом письме он высказал все обиды, накопившиеся за тридцатилетнюю службу на Крайнем Северо-Востоке Азии. Он просил об окончании следствия, возмущался тем, что вести его поручили сухопутному офицеру, и, наконец, писал следующее: «К тому же и тем пред своею братьею обижен хотя я имею честь афицерскую сначала из штурманов произведен афицерского ранга в мичманы, а из мичманов в корабельные лейтенанты, а из лейтенантов в капитан-лейтенанты, и ни на один ранг патента не имею, а без патента никто и афицером не признавает»¹.

Оказывается, Хметевский не только не знал о своем уже состоявшемся производстве в капитаны 3-го ранга, но даже не имел патентов на ранее присвоенные чины. Нагаев дал ход прошению Хметевского, и вскоре все было поправлено.

До 1771 года престарелый Хметевский, не получая отставки, продолжал оставаться в Охотском порту, в охотской портовой конторе. Но в 1771 году на Камчатке произошло нашумевшее на весь мир событие. Сосланный туда полковник польских конфедератов М. А. Беньовский организовал массовый побег политических, уголовных преступников на судне «Св. Петр», а также завербовал часть служащих и казаков Большерецка и Нижнекамчатка. Между ними оказались и будущие шелиховские мореходы Герасим Измайлов и Дмитрий Бочаров.

Вести о таком неслыханном происшествии дошли до сибирских властей, и для управления Камчаткой, производства следствия о бунте и наведения порядка был послан туда Хметевский. 5-го сентября 1771 года он отправился в путь. В должности главного командира Камчатки он пробыл до июля 1773 года, когда сдал дела Тимофею Ивановичу Шмалеву. Прибыв в Охотск, Хметевский вместе с Ртищевым отправились в Иркутск, чтобы получить отставку.

В. А. Хметевский пробыл в Сибири, на Чукотке и Камчатке 41 год, и только 31 декабря 1776 года, когда Василию Андреевичу было 78 лет, в Адмиралтейств-коллегии разбирались вопрос об его увольнении. В решении по этому поводу, весьма ярко характеризующем отношение высшего начальства к офицерам, говорилось: «Хотя служба его Адмиралтейской колле-

¹ ЦГА ВМФ, ф. Гидрографии, д. 4, л. 86.

гии и неизвестна, ибо производил он ее в Камчатке, где 41 год был, но в разсуждении его крайней старости, ибо имеет 78 лет, и долговременной службы представляется к отставке с чином. Что же до пенсиона касается, то неизвестно ей число сделанных компаний, но в разсуждении его лет тамошняго долговременного бытия и 35 лет в офицерском чине и к оному всеподданнейше представляет»¹.

10 января 1777 года Хметевский получил отставку с чином капитана 2-го ранга и пенсией. Сведения о последних годах его жизни, обстоятельствах, месте и дате смерти не сохранились. Но и то, что нам известно об этом скромном труженике, неутомимом исследователе Охотского моря, достаточно ярко рисует деятельность этого замечательного человека на Крайнем Северо-Востоке России. Имя его увековечено на географической карте: большой полуостров на Охотском побережье называется полуостровом Хметевского.

¹ Материалы для истории русского флота, ч. XII, СПб, 1888, стр. 35.

Д в о е и з м н о г и х



Вести о новых исследованиях в Тихом океане, о Командорских и Алеутских островах, открытых Берингом и Чириковым, быстро распространились среди жителей Сибири. Многим захотелось попытаться счастья в неведомых краях. Одним из таких смельчаков был крестьянский сын, уроженец деревни Ярковой Тобольского уезда Емельян Софронович Басов.

Известно, что в службу он вступил в 1726 году, когда был записан в казаки, в партию казачьего головы А. Ф. Шестакова, ходившего к чукчам. Намереваясь организовать исследование Охотско-Чукотского края и Камчатки, Шестаков из Якутска отправил вниз по Лене судно «Эверс» к морю «для проведывания пути в Камчатку», тот самый «Эверс», на котором пытал счастье неугомонный монах Игнатий Козыревский. Вот с ним-то судьба и свела Емельяна Басова.

После того как судно во время плавания было разбито, пришлось построить три шитика и продолжать путь на них. До моря не дошли и плыть дальше не решились. «Остановившись, не доходя устьев Лены, при урочище Быков мыс, они проведывали оттуда,—передает А. Полонский,—куда возможно впредь большими морскими судами иметь плавание»¹.

Басов возвратился в Якутск и был назначен в 1733 году в строящийся Охотский порт, где первым командиром был сподвижник Петра I Г. Г. Скорняков-Писарев, сосланный в Сибирь за ссоры с всесильным Меншиковым. При Скорня-

¹ Архив Всесоюзного Географического общества, раз. 60, оп. 1, д. 2, л. 2.

кове-Писареве «Басов находился постоянно, пять лет, для разных поручений и произведен им в сержанты»¹.

В 1737 году Басов совершил переход морем на Камчатку, где занимался сбором ясака и основательно познакомился с полуостровом, побывав там во многих населенных пунктах. В 1738 году сержант охотской нерегулярной команды Емельян Басов был послан в Якутск для наблюдения за доставкой оттуда в Охотск провианта.

Якутские власти в этом же году отправили Басова «с соболями и лисицами» в Москву в Сибирский приказ. Басов поехал с твердым намерением добиться разрешения на экспедицию на «Курильские и прочие неизвестные острова». Пребывание на Камчатке, где не прекращались разговоры о Курильских островах, встречи с Игнатием Козыревским и, наконец, договоренность с якутскими служилыми Суховым и Хабаровым помогли созреть такому решению.

И в Москве, после того как были улажены ясачные дела, Басов подал челобитную о разрешении ему с компанией ходить на острова «для привода в подданство живущих там». Такое разрешение последовало от Сибирского приказа 5 февраля 1739 года. Указ был послан и в Иркутск, и Басов, прибыв туда, принял от иркутских властей «для подарков неясачным 20 медных котлов, 3 половинки сукна, 2 тюня китайки и 2 пуда шары (китайский табак.— А. А.), бисер, корольки, иглы и для обережи (охраны.— А. А.) 15-ть ружей и 1 п. пороху»².

Новый начальник Охотского порта, бывший петербургский полицеймейстер, так же как и Скорняков-Писарев отбывавший здесь ссылку, Антон Эммануилович Девиер, не одобрил затеи Басова, помощи ему не оказывал, но все-таки отпустил с расчетом, чтобы тот все делал за свой счет, а не за счет государства.

Осенью 1741 года из Охотска в Большерецк на казенном галиоте «Охотск» были доставлены важные государственные преступники (в числе их был и князь Александр Долгорукий). Конвоировал их сержант Басов. Сдав арестантов, он вплотную занялся своими делами.

В 1742 году в Большерецке находился М. П. Шпанберг. К нему и обратился Басов с просьбой дать байдару для плавания к Курильским островам. Видимо, много интересного на-

говорил ему Козыревский, если Басов решил начать именно с Курильских островов. Шпанберг дал одну такую байдару, но плыть Басову на ней дальше первого острова не пришлось. Шпанберг распорядился возвратить байдару в Большерецкий острог.

Тогда Басов отправился в Нижнекамчатск, где уже было хорошо известно от участников экспедиции Беринга и Чирикова о существовании к востоку от Камчатки большой гряды неизвестных ранее островов, богатых звериными промыслами. На них-то и задумал побывать Емельян Басов.

В Нижнекамчатске он сумел заинтересовать своим планом богатого камчатского купца Никифора Трапезникова и московского купца Андрея Серебренникова. На свои сбережения и на капиталы купцов Басов построил шитик «Петр» с «гребями (веслами.— А. А.) и парусами длиною по килю, от корга (носа судна.— А. А.) до корга, в сажень, шириною внутри 7 аршин и вышиною внутри же 3 аршина»¹. На таком утлом суденышке Басов, сам за морехода, отправился летом 1743 года из Нижнекамчатска на восток.

На пятые сутки шитик выбросило на остров. По свидетельству одного из участников экспедиции Беринга Петра Верхотурова, участвовавшего в плавании Басова, шитик оказался недалеко от того места, где потерпел крушение Беринг, то есть на острове Беринга. Во время зимовки промышленники добывали котиков и бобров, которых повсюду было множество. Промысел был удачным, и «Петр» возвратился на следующий год в Нижнекамчатск, имея на борту 1200 бобров и 4000 котиков. По тогдашним ценам добыча была реализована на 64 тысячи рублей².

Басов не оставался без дела. Едва закончив расчеты по первому плаванию, он собрался во второе (1745—1746 годы). По-прежнему компаньоном Басова оставался Трапезников. Только мореходом на этот раз был Евтихей Санников. Во время промысла шитик Басова побывал у острова Беринга. Был открыт остров Медный, названный так потому, что на нем были найдены месторождения меди.

В следующую кампанию (1747—1748 годы) Басов снова был на Командорских островах, сосредоточив все внимание на острове Медном. С ним были Н. Трапезников и недавно по-

¹ Архив Всесоюзного Географического общества, раз. 60, оп. 1, д. 2, л. 4.

² Р. В. Макарова. Экспедиция русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. «Вопросы географии», сб. 17, 1950, стр. 35.

¹ Архив Всесоюзного Географического общества, раз. 60, оп. 1, д. 2, л. 2.

² Там же, л. 2 об.

явившийся в Нижнекамчатске купец Андреян Толстых, будущий первооткрыватель группы островов Алеутской гряды, названных по его имени Андреяновскими. Мореходом шел Дмитрий Наквасин. Как и первые два, этот поход увенчался большим успехом: на шитике было привезено в Нижнекамчатск драгоценных звериных шкур на 50 тысяч рублей.

Серьезно увлекся Басов идеей добывания медной руды на острове Медном и использовал третье путешествие для тщательного осмотра месторождений. А в четвертое плавание он сам не пошел. В 1749—1750 годах шитик «Петр» возглавил мореход Д. Наквасин. И это плавание закончилось благополучно.

Басов не думал больше о промыслах. Он стал добиваться организации специальной экспедиции по разведке и добыче меди: обивал пороги камчатских властей, писал челобитные в Иркутск и Петербург, не жалел своих денег. Но вышло так, что показания Басова о богатстве медных месторождений на острове Медном не подтвердились. Затраченные на исследования деньги были взысканы с Басова, и вскоре он, один из богатейших людей Камчатки, превратился в нищего.

Басов по-прежнему был уверен, что на острове много меди, и пошел на преступление. Чтобы раздобыть денег, он занялся изготовлением фальшивых монет, но вскоре же был на этом пойман. 11 февраля 1756 года его арестовали и отправили в Иркутск. После долгого следствия и суда Басов был приговорен к публичному наказанию — битью кнутом и вечной каторге.

22 июля 1763 года он был отправлен на Нерчинские заводы, где 4 сентября над ним учинили публичное наказание. По некоторым данным, умер он в 1765 году.

Значение плаваний Басова велико и состоит в том, что они положили начало исследованию островов к востоку от Камчатки, их освоению и присоединению к России. Из небольшой компании Басова выросла впоследствии знаменитая Российско-Американская компания.

А теперь несколько слов о другом смельчаке, открывшем путь промышленным людям к Алеутским островам. В архиве внешней политики России хранится документ о Михаиле Васильевиче Неводчикове. На документе размашистым почерком известного деятеля Охотско-Чукотско-Камчатского края Ти-

¹ Р. В. Макарова. Экспедиция русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. «Вопросы географии», сб. 17, 1950, стр. 35.

мофея Ивановича Шмалева написано: «От роду 67 лет уроженец города Тобольска в штрафах и наказаниях не бывал»¹. Этот документ, оказавшийся послужным списком Неводчикова, а также другие документы, встреченные в различных хранилищах страны, дали возможность более полно рассказать о его жизни и деятельности. Приписка Т. И. Шмалева, относящаяся к 1775 году, позволила считать годом рождения М. В. Неводчикова — 1708-й.

Богатая добыча, привезенная Е. Басовым с островов, тревожила охотских и особенно камчатских купцов. Чтобы легче было осуществить далекое плавание на шитиках, купцы, мореходы и все желающие принять в нем участие объединялись в компании. Каждый вносил свой пай, в соответствии с которым распределяли потом добычу.

В 1745 году купцы Никифор Трапезников и Афанасий Чебаевский попытались организовать такой поход на Алеутские острова, где еще не бывал Басов. Для этого на реке Камчатке построили судно «Св. Евдоким» и набрали 45 добровольцев. Передовщиком, то есть ответственным за промыслы, был поставлен Яков Чупров, а мореходом — тобольский посадский, один из опытейших мореходов Охотской флотилии Михаил Неводчиков. С. И. Марков без ссылок на источники пишет, что Неводчиков пришел в Сибирь из Великого Устюга, где «был сначала мастером чернения по серебру»². Не имея возможности ни подтвердить ни опровергнуть последнее утверждение автора, можно с уверенностью сказать, что в Сибирь приходиться Неводчикову не нужно было, так как родился он в Тобольске, и, следовательно, утверждение С. И. Маркова ошибочно.

В 30—40-е годы XVIII века — годы камчатских экспедиций и организации порта на Тихом океане — многие из жителей Тобольска и в числе их Михаил Неводчиков попали на берега Тихого океана. Неводчикову довелось участвовать в работе, проводимой Берингом. Известно, что Шпанберг взял его в 1742 году в экспедицию. Там он занимался гидрографическими работами, снимал побережье Охотского моря вместе с Хметевским, рисовал карты.

А в 1743 году «по знанию моему, — пишет сам Неводчиков, — взят был из Большерецка бывшим тогда мичманом, а ныне капитан лейтенантом Хметевским, вместо умершего

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 7, л. 282 об.

² С. И. Марков. Летопись Аляски. М., 1948, стр. 30.

штюрмана Шаганова для таковой же описи Пензинской (Пенжинской.— А. А.) губы от Харьюзовой к Тигилю и Камтаны; и от толь до Большой реки (Большерецка.— А. А.) устье»¹. Здесь речь идет о гидрографических работах В. А. Хметевского в 1743—1744 годах.

Когда встал вопрос о плавании к Алеутским островам, то вполне естественно оказалось, что мореходом должен в такой ответственный путь идти опытный моряк и весьма искусный картосоставитель Михаил Неводчиков. 19 сентября 1745 года «Св. Евдоким» ушел в море из Нижнекамчатска и, довольно быстро двигаясь в юго-восточном направлении, достиг Ближних островов Алеутской гряды. Это были острова Атту и Агатту. На Агатту Неводчиков высадился и затем перешел на Атту, где промысляли морского зверя до осени 1746 года. Первая зимовка русских на Алеутских островах унесла несколько человек, но промысел был удачен и обещал по возвращении на Камчатку всем пайщикам богатый выдел, или пай. Промыслом больше занимался Яков Чупров, а Неводчиков трудился над географическими картами и описанием островов.

Именно он составил первую карту островов Агатту, Атту и Семичи, впоследствии представленную в сенат, поэтому он считается первооткрывателем этой группы островов. С его именем связано начало колонизации русскими Алеутских островов и Северной Америки, колонизации, получившей полную поддержку правительства при Шелихове и Баранове в конце XVIII века.

Возвращение «Св. Евдокима» на Камчатку было неудачным. Осенью 1746 года более полутора месяцев носило его по бурному морю, а потом судно было выброшено на берег Карагинского острова. Погибло все с таким трудом приобретенное на Алеутах богатство. Зимовали на острове. Во время зимовки часть промышленников погибла от цинги и голода. Оставшиеся в живых на самодельных байдарках возвратились 20 июля 1747 года в Нижнекамчатск.

Началось массовое паломничество русских мореходов, казаков, промышленников на Алеутские острова. По пути Неводчикова отправлялись в разные годы Алексей Воробьев, Тимофей Первалов, Степан Глотов, Потап Зайков, Андрея Толстых, Петр Башмаков и другие.

А Неводчиков возвратился в Охотский порт и по 1770 год,

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 6, л. 15.

не пропуская ни одной навигации, плавал из Охотска в Большерецк и обратно. Дубель-шлюпка «Елизавета», бригантина «Михаил», пакетбот «Св. Иоанн», галиот «Св. Павел», бот «Св. Гавриил» и многие другие суда Охотской флотилии прошли через руки Михаила Васильевича Неводчикова. Неводчиков был штурманом на боте «Св. Гавриил», одном из четырех судов экспедиции Петра Кузьмича Креницына, и находился в это время в подчинении у прапорщика Афанасия Дудина Большого. В 1767 году он сдал в Большерецке бот П. К. Креницыну, а сам на боте купца Засыпкина возвратился в Охотск.

В 1768 году Неводчиков строил суда на Охотских верфях, а на следующий год ему пришлось совершить еще один рейс на Камчатку. На галиоте «Св. Павел» он доставил в Большерецк комиссию, возглавляемую полковником Зубрицким, и через год возвратился в Охотск. Это было его последнее плавание.

С 1771 года Неводчиков был определен в Охотскую навигацкую школу, где «обучал школьников рисованию карт»¹. Ему также была поручена проверка журналов плаваний судов. К голосу опытного штурмана флотилии прислушивались все мореходы. Не случайно Т. И. Шмалев в одном из своих «примечаний» сообщал, что при написании его пользовался различными сведениями, а «особливо от подштурмана Михаила Неводчикова и начального компанейщика Камчатского купца Никифора Трапезникова»².

В 1775 году Неводчиков участвовал в работе по проектированию переноса Охотского порта на устье реки Ульи: сделал промер устьевой части реки и составил ее план. Ему же принадлежит и план Охотского порта, подписанный Т. И. Шмалевым в 1775 году, и многие другие карты и планы Охотского моря и Камчатки³.

Михаил Неводчиков прожил большую и трудную жизнь, отдав всю ее развитию мореплавания на Тихом океане, делу освоения дальневосточного края. Походы мореходов XVIII века на Алеутские острова и в Северную Америку — это славный период истории русского народа, период массовых открытий, за которыми последовало изучение, освоение и заселение далеких островов.

¹ АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 538, л. 288.

² Там же, д. 5, л. 1 об.

³ А. И. Алексеев. Братья Шмалевы. Магадан, 1958, стр. 54, 55.



В результате плаваний В. И. Беринга и А. И. Чирикова стало известно, как писал М. В. Ломоносов, что «Америка против Камчатки лежащая начинается островами, каков есть Берингов и его соседственные, и потому не без основания утвердить можно, что виденные места, мимо коих шли помянутые мореплаватели, суть острова, и составляют Архипелаг»¹.

Вслед за Берингом и Чириковым к неизвестным землям устремились многие русские землепроходцы, мореходы, купцы. Сибирские губернаторы всячески поощряли такую инициативу. Один из них, известный ученый, моряк, гидрограф Ф. И. Соimonов организовал специальную экспедицию в район Берингова пролива под руководством лейтенанта И. Б. Синдта.

Заинтересовался Алеутскими островами и М. В. Ломоносов. В 1763 году он обратился к наследнику царского престола Павлу, занимавшему должность генерал-адмирала, с «Письмом о северном ходу в Ост-Индию Сибирским океаном». По мысли Ломоносова, можно было в высоких широтах пройти Северным морским путем к Камчатке. Морская комиссия, рассматривавшая проект Ломоносова, согласилась с его доводами, и 14 мая 1764 года последовал указ о снаряжении экспедиции под начальством В. Я. Чичагова. Одновременно пришло распоряжение об организации экспедиции П. К. Креницына, который должен был встретиться с В. Я. Чичаговым в районе Берингова пролива и нанести на карту Алеутские

¹ М. В. Ломоносов. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. — В кн.: Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова. СПб, 1854, стр. 65.

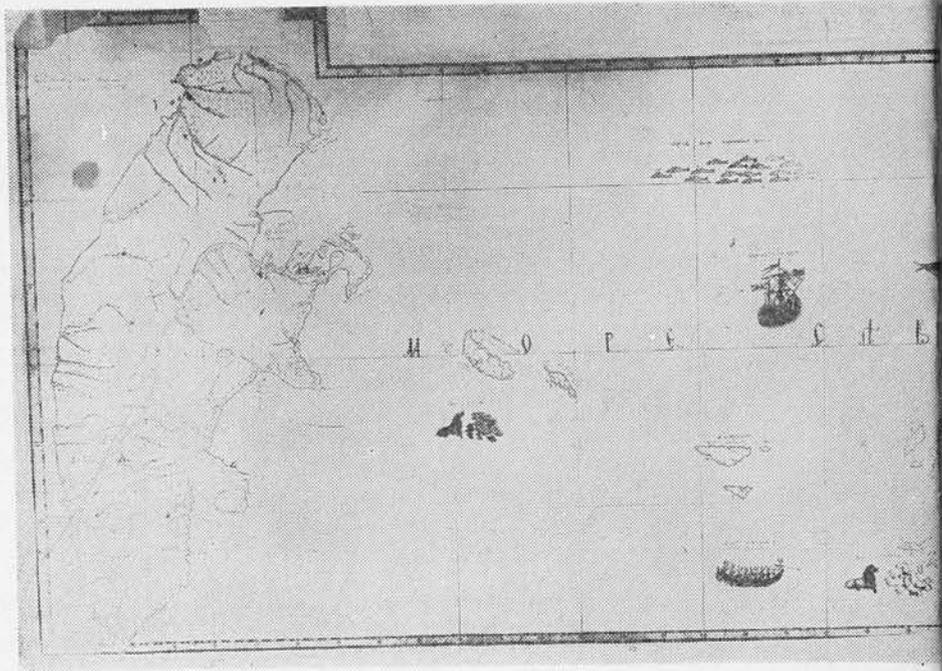
острова. Все это содержалось в строжайшей тайне, и указ об экспедиции не передавался даже сенату.

Как известно, в результате двух попыток Чичагову не удалось пройти к востоку от Шпицбергена, и на этом плавание закончилось. Судьба же экспедиции Креницына была иной. Выехав 1 июля 1764 года из Петербурга, только в октябре 1765 года Креницын со своим помощником М. Д. Левашевым и основным составом экспедиции прибыл в Охотск. По пути, в Тобольске, от нового сибирского губернатора Д. И. Чичерина Креницын получил инструкцию, десять штурманских учеников навигацкой школы, команду и припасы. В инструкции Чичерин писал: «За главнейшее основание порученной вам экспедиции поставляю несколько уже известных, сысканных купцами Алеутских островов, основательное описание и положение оных на карту сделать, а особливо большого и многолюдного острова Кадьяк; приложив всевозможное старание, обходя его вокруг описать весьма нужно: остров то или матерая земля, ибо на показании бывших на том острове наших людей, утвердиться не можно»¹.

Охотские власти предоставили в распоряжение экспедиции все средства порта. Было снаряжено четыре судна: бригантина «Св. Екатерина» (72 человека) под командой П. К. Креницына, гукор «Св. Павел» (52 человека) под командой М. Д. Левашева, галиот «Св. Павел» (43 человека) во главе со штурманом Афанасием Дудиным-вторым и бот «Св. Гавриил» (21 человек) — командир штурман Афанасий Дудин-первый.

10 октября суда вышли в море и через несколько дней потеряли друг друга из виду. Всем им не удалось благополучно подойти к Камчатке: осенние охотские штормы сделали свое дело. «Св. Екатерину» в ночь на 25 октября море выбросило в 25 верстах выше Большерецка. Команда с большим трудом перебралась на берег. Гукор «Св. Павел» сумел войти в устье реки Большой, но вынужден был также выброститься на берег, так как оба каната лопнули. «Св. Гавриила» постигла та же участь, что и гукор «Св. Павел». Самая же интересная судьба у галиота «Св. Павел». Он был вынесен в Тихий океан через Первый Курильский пролив, и его около месяца носило по океану. 21 ноября галиот сумел подойти к Авачинской губе, но льдом был снова отнесен в море, «странствовал еще целый

¹ А. П. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. Записки Гидрографического департамента, ч. X, 1852, стр. 78—79.

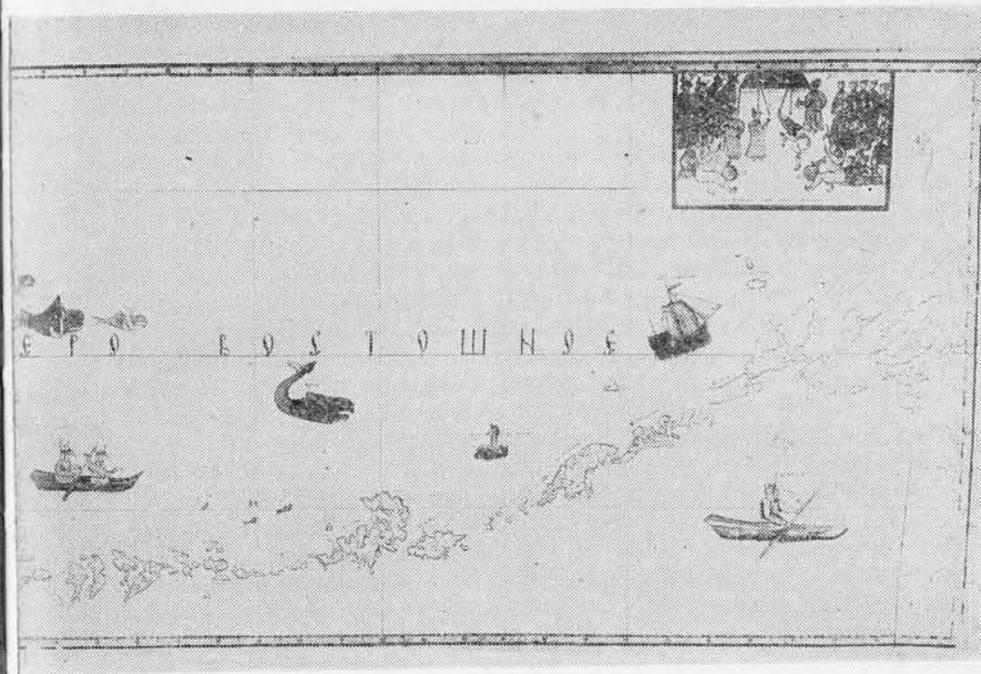


Карта Алеутских островов и Камчатки, составленная участниками

месяц, потерял бушприт, рею, все паруса и канаты и, уже не имея ни воды ни дров, пустился прямо к берегу, и выскочил на седьмой Курильский остров¹. При крушении погибло 30 человек, спаслось только 13, в том числе командир. Зимовку провели на острове и на следующий год добрались до Большерецка.

Неудачи не сломили воли руководителей экспедиции. В Большерецке приготовили к дальнейшему плаванью гукор «Св. Павел» и бот «Св. Гавриил». Креницын вызвал из Нижнекамчатска известных камчатских мореходов Степана Глотова и Ивана Соловьева. 17 августа 1767 года суда вышли из Большерецка и, обогнув Камчатку, 6 сентября прибыли в Нижнекамчатск. По пути выяснилось, что бот «Св. Гавриил»

¹ А. П. Соколов. Летопись крушений и пожаров судов русского флота (1713—1853). СПб, 1855, стр. 14.



экспедиции П. К. Креницына.

дал течь и для дальнейшего плаванья непригоден. Креницын воспользовался галиотом «Св. Екатерина», оставшимся здесь после плаваний к Берингову проливу И. Б. Синдта. Зима ушла на ремонт судов, подготовку экспедиции, расспросы мореходов в Нижнекамчатске.

23 июля 1768 года галиот «Св. Екатерина» и гукор «Св. Павел» из устья реки Камчатки отправились к Алеутским островам. 30 июля они прошли проливом между островами Беринга и Медным. 11 августа суда разошлись. Креницын описал острова Сигуам и Амухту, а Левашев — остров Акутан. У Уналашки они встретились, подошли к острову Унимак, нанесли его на карту. 1 и 2 сентября оба судна описывали побережье полуострова Аляски, а 5-го вновь разошлись, на этот раз уже надолго. Некоторое время они продолжали свою работу, а затем стали на зимовку.

Креницын зимовал в заливе своего имени на восточном побережье острова Унимак, а Левашев — на Уналашке, в Ка-

питанском заливе. Зимовка была тяжелой, особенно для Креницына. С местным населением очень долго не удавалось наладить дружественных отношений, и это сказывалось на состоянии экипажа. Во время зимовки от цинги погибло 60 человек, а оставшиеся в живых 12 человек были настолько слабы, «что ежели бы капитан-лейтенант Левашев не пришел к нему (Креницыну.— А. А.) со своими людьми, то бы не с кем было и судном управлять»¹.

Левашеву, зимовавшему в таком месте, где было постоянное селение, удалось договориться с алеутами и через них 10 мая 1769 года установить связь с начальником экспедиции, а затем и прийти ему на помощь. Это произошло 6 июня 1769 года, а 23 июня суда покинули печальное место зимовки Креницына. В числе многих там остались лежать навечно Афанасий Дудин-первый и известный мореход, первооткрыватель островов Кадьяк и Умнак Степан Глотов.

Через три дня суда вновь разошлись. 29 июня Креницын уже пришел в Нижнекамчатск, а Левашев все лето проплавал южнее Уналашки и Умнака, положил на карту Четырехсопочные острова и прибыл в устье Камчатки только 24 августа. Зимовку экспедиция провела в Нижнекамчатске. Местные власти не проявили к ней должного внимания, и для того чтобы найти себе пропитание, члены экспедиции организовали рыбный промысел. Денег они не получали, а провианта им не выдавали. И все-таки к лету 1770 года суда были готовы отправиться в Охотск. 4 (15) июля 1770 года П. К. Креницын (теперь уже капитан 1 ранга, произведен 4 июня 1769 года) выехал в исходе первого часа на лодке-однодеревке из Нижнекамчатска по реке Камчатке к тому месту, где стояла «Св. Екатерина», для окончательного осмотра судна перед выходом в море. Вместе с ним были казаки Семен Каюков — на носу лодки, Василий Сизов — на корме, Иван Черепанов, алеут, стоял сзади Креницына и греб. Четвертый казак, Михаил Замятин, был послан за травой, но что-то замешкался и остался на берегу. Возвращаясь назад, он видел, что лодка перевернулась, «а его высокоблагородия (Креницын.— А. А.) только одну голову по бровей и руками раза з два кверху бултыхающаго и потом опустилсЯ вниз»². Вместе с Креницыным утонул и Иван Черепанов. Каюков и Сизов сумели вы-

браться на берег. Так неожиданно погиб руководитель экспедиции.

М. Д. Левашев принял командование, и суда 8 июля вышли в море, а 4 августа прибыли в Охотск. Здесь они были сданы, команда отправлена к местам своих служб, а Левашев вернулся в Петербург 22 октября 1771 года. К этому времени он был уже капитан 2-го ранга, а 22 ноября 1771 года был произведен в капитаны 1-го ранга. Левашев прослужил на флоте до 1773 года, когда был по болезни уволен в отставку в чине капитан-командора. Умер он предположительно в 1774—1776 году.

Экспедиция П. К. Креницына имела огромное научное и политическое значение. Русское правительство продемонстрировало перед всем миром свою решимость закрепить за Россией завоевания русских мореходов. Достоверные сведения о природе, жителях, расположении Алеутских островов и части Аляски возбудили еще больший интерес к ним и послужили толчком к организации других русских экспедиций. Вскоре на Кадьяке появился Шелихов, а в конце XVIII века Алеутские острова и вся северная часть Тихого океана, Берингово море и Чукотка были обстоятельно описаны русской правительственной экспедицией под начальством И. И. Биллингса.

¹ Цит. по И. П. Магидовичу «П. К. Креницын и М. Д. Левашев». — В кн.: Русские мореплаватели. М., 1953, стр. 121.

² ЦГА ВМФ, ф. 214, д. 86, л. 157.



К славной плеяде людей, отдавших все свои силы, знания и жизнь изучению дальневосточных окраин Русского государства, принадлежат братья Тимофей Иванович и Василий Иванович Шмалевы. Их трудами пользовались все ученые, занимавшиеся историей Дальнего Востока. Известный историограф России XVIII века, участник экспедиции Беринга Г. Ф. Миллер получил от братьев Шмалевых (особенно от Тимофея) бесчисленное количество копий и подлинных документов, относящихся к истории Сибири и составляющих немалую часть из-

вестных «портфелей Миллера». Шмалевы не ограничивались только сбором исторического материала, — они приняли самое активное участие в описании тех событий на Крайнем Северо-Востоке страны, свидетелями которых оказались. До работ Шмалевых не существовало полного и систематического освещения русских географических открытий в северной части Тихого океана. Работы иностранных авторов были, во-первых, далеко не полны, а во-вторых, они очень часто искажали действительность и принижали роль русских мореходов и промышленников.

Т. И. Шмалев родился в 1736 году, а В. И. Шмалев — в 1737 году в городе Хлынове (Вятка, теперь — Киров) в семье канцеляриста Ивана Степановича Шмалева. Поступив на военную службу, И. С. Шмалев был назначен в состав «генеральной ревизии» в Сибирь. Деятельность И. С. Шмалева началась с ревизии Гороблагодатского, Кушвинского и Тагильского заводов, где его сыновья были отданы в обучение «немецкому языку, бывшему при иноземных тогда находящихся на оных немало переводчику а горного начальства,

ундер шихмейстеру Осипу Андреянову сыну Стадухину»¹, который в течение четырех лет научил их сравнительно свободно владеть немецким языком и привил любовь к книгам. На военную службу братья Шмалевы были записаны солдатами в Ширванский пехотный полк, где служил и их отец.

В 1753 году И. С. Шмалев получил назначение главным командиром Анадырского острога. Следует сказать, что он сам просился на эту должность и уже за несколько лет до назначения в семье готовились к переезду на Чукотку. В начале июня 1754 года семья Шмалевых, а также и команда, назначенная в Анадырский острог, прибыли в Якутск. Здесь Тимофей Шмалев 3 июля того же года женился на Прасковье Ивановне Борисовой, отец которой, имевший прозвище Дауркин, был крестным отцом известного в истории Чукотки чукчи-картографа Н. И. Дауркина.

Собственно, с этого времени и началась самостоятельная жизнь братьев Шмалевых. Оба они были произведены в сержанты и получили задания. 1 августа того же года Тимофей Шмалев отправился «с самонужнейшими представлениями в Тобольск а от толь до Санкт-Петербурга в Государственную Военную Коллегию»². В этот же день он расстался со своим братом на одиннадцать лет. 3 августа Василий Шмалев был отправлен в Охотск, а оттуда на Камчатку. В Петербурге Тимофей Шмалев получил чин прапорщика и, выполнив возложенное на него поручение, возвратился в начале 1757 года в Якутск.

В Анадырском остроге Тимофей Шмалев был до 1760 года ротным командиром. Отец его, секунд-майор И. С. Шмалев, командовавший острогом, умер 17 марта 1758 года. Несколько ранее, 10 июня 1757 года, умерла мать Шмалевых.

Вместе с новым командиром Анадырского острога подполковником Ф. Х. Плениснером Тимофей Шмалев ходил в страну «чукоцкого народа» за пятьсот верст к северу от Анадырска. Уже тогда он убедился в несправедливом обращении царской власти с местным населением. С негодованием он замечает: «Бунтовщиками называть еще непримиренный народ кажется несправедливо»³.

В конце концов у него сложились определенные правила взаимоотношений с местным населением, которые он сформулировал так: «Со одного народа естли впредь с ним иметь дело

¹ ЦГАДА, портф. Миллера, оп. 2, 528, I, д. 16, л. 1 об.

² Там же, л. 6.

³ Там же, II, д. 7, л. 10.

и приводить их в верное подданство Ея Императорского Величества следственно не скорою, а с великою торопливостью, 1-е — не требовать от них никаких аманатов, 2-е — ясаку, 3-е, ничего того чтоб от них даром можно получить, а ласкать и показывать дружество в дарах и пище...»¹.

В 1760 году Тимофей Шмалев по служебным делам был командирован из Анадырска в Нижнеколымск в более чем тысячеверстный путь «пешую хотьбою на лыжах». Трудно представить себе, сколько нужно мужества, воли, настойчивости и, наконец, просто физической силы, чтобы прошагать на лыжах тысячу с лишним верст по безлюдной тундре при обжигающих морозах и жестоких пронизывающих ветрах!

В конце 1761 года в Анадырский острог рядовым казаком был прислан хорошо известный Тимофею Шмалеву чукча Николай Иванович Дауркин, в чьей судьбе он всегда принимал большое участие.

В Нижнеколымске Тимофей Шмалев находился до 12 декабря 1762 года «при воинской команде и ясашных тамошних народов», исполняя обязанности коменданта.

Возвратясь в Анадырский острог в начале 1763 года, в 1764 году принимал участие в походе Плениснера по реке Анадырь. Затем Шмалев сопровождал Плениснера и побывал с ним на побережье Охотского моря, в Гижигинской крепости. В августе того же года Шмалев с Плениснером и другими командирами чукотских и камчатских острогов — Шатиловым и Ниловым на судне «Св. Екатерина» отправились из Гижигинской крепости в Охотск. Предполагалось, что Шмалев будет оставлен там командиром. Но из-за ошибок в числении «Св. Екатерина» вместо Охотска очутилась у берегов Камчатки, вблизи устья реки Воровской. 26 сентября судно смогло войти в устье реки. Плениснер приказал Т. Шмалеву отправиться в Большерецк принять командование острогом. Но там Шмалев застал уже прибывшего капитан-лейтенанта И. С. Извекова и потому с согласия Плениснера вскоре отправился через полуостров в Нижнекамчатский острог. В Большерецке Тимофей Шмалев встретился с братом Василием.

В. И. Шмалев все это время прослужил на Камчатке. По пути туда ему довелось зиму провести в Охотске в должности ротного командира. После длительного и тяжелого плавания по Охотскому морю только в конце сентября 1765 года В. Шмалев попал на Камчатку. В Большерецке он был опре-

делен «у предосторожности при команде командиром» в Тигильскую крепость. В 1761 году В. Шмалев во время командировки в Охотск женился там на Прасковье Васильевне Щельниковой. Кроме Тигильской крепости, В. Шмалев служил в Верхнекамчатском и Нижнекамчатском острогах.

После встречи в Большерецке Тимофей Шмалев принял командование всеми регулярными и нерегулярными командами Верхнекамчатского и Нижнекамчатского острогов, а Василий в июне 1765 года убыл в Охотск, где исполнял должность командира всей сухопутной, морской и адмиралтейской команды.

50—60-е годы были годами расцвета русского промыслового мореплавания в северной части Тихого океана, начавшегося после плавания на Командорские острова Басова. По долгу своей службы братьям Шмалевым приходилось непосредственно участвовать в организации плаваний промысленников, давать им разрешение и прочее. Так, 21 сентября 1760 года В. Шмалев из Нижнекамчатска провожал в далекое плавание купца и морехода Андреяна Толстых, открывшего в этом плавании шесть новых островов Алеутской гряды. Много таких экспедиций снаряжалось и в Охотске.

В течение многих лет Василий Шмалев служил в Охотске, а Тимофей — на Камчатке. В известных нам документах нет прямого указания на то, что в это время братья Шмалевы собирали материалы по истории и географии края. Однако по некоторым из них можно предположить, что научные занятия не были чужды по крайней мере Тимофею Шмалеву. Его донесения и письма обстоятельны, грамотны и точны. Конечно, честолюбие играло здесь не последнюю роль, но зато сохранилось множество бесценных исторических документов. Уже тогда Тимофей Шмалев выделялся своей образованностью и гуманностью из среды окружавших его офицеров и чиновников.

Летом 1765 года Т. Шмалев участвовал в снаряжении и отправке галиота «Св. Екатерина» под командованием лейтенанта И. Синдта, а в октябре того же года В. Шмалев в Охотске встречал личный состав экспедиции П. К. Креницына. Позже Т. Шмалев участвовал в подготовке к выходу в море экспедиции Креницына. Поручик Т. Шмалев (этот чин был ему присвоен 1 января 1767 года) справился с трудным делом и «во всем подлежащим и требуемым для той экспедиции надобностям отправление и вспоможение со усердием чинил». За такое усердие П. К. Креницын предоставил ему возмож-

¹ ЦГАДА, портф. Миллера, оп. 2, 528, II, д. 7, л. 9 об.

ность доставить сибирскому губернатору Д. И. Чичерину секретные пакеты с сообщениями о ходе экспедиции. Шмалев шел в Охотск вокруг мыса Лопатка на купеческом судне. Сибирский губернатор отправил Т. Шмалева с подлинными рапортами и бумагами Креницына в Санкт-Петербург для доставки их в Адмиралтейств-коллегию. Вместе со Шмалевым в столицу ехал крещеный алеут Осип Арсеньевич Кузнецов, первый алеут, которого Д. И. Чичерин решил показать царскому двору.

Т. И. Шмалев был принят Екатериной II и многими государственными деятелями, в том числе и А. И. Нагаевым, выдающимся гидрографом того времени. Уже с Камчатки Т. И. Шмалев благодарил Нагаева за радушный прием и благосклонное внимание. Тогда же он выслал Нагаеву «О здешнем нынешнем Камчатке состоянии краткое примечание»¹.

Екатерина II именным указом 13 июля 1770 года произвела Т. И. Шмалева в капитаны. Исполняя повеление царицы, он, будучи в Москве, остановился у историографа Г. Ф. Миллера. С этого времени Тимофей Шмалев, а через него и брат Василий стали постоянными корреспондентами Миллера.

Было бы, разумеется, неправильным утверждать, что братья Шмалевы написали свои многочисленные труды и собрали богатейший материал только по повелению столичных высокопоставленных особ и историка Миллера, участника академического отряда экспедиции Беринга. Поездка в Петербург и встреча с Миллером были толчком, который помог обоим братьям понять важность их занятий для исторической науки, убедили в том, что они получили поддержку при дворе. Переписка с Миллером давала возможность высказывать собственные суждения о мерах по развитию края, укреплению обороноспособности, о создании русских поселений на Алеутских и Курильских островах и о других проблемах в надежде, что через Миллера они станут известными при дворе.

Миллер остался весьма довольным знакомством со Шмалевым. Вместе они обсуждали вопрос об экспедиции к берегам Америки для подробного их описания. Шмалев вызвался возглавить подобную экспедицию, и Миллер в одном из писем в Петербург сообщал, что «вышеписанный капитан Шмалев, яко человек ревностию к услугам отечеству исполненной, и Анадырских стран весьма сведомой, способным мне казался к давно намеряемому, а никогда еще не произведенному в дей-

¹ ЦГАДА, портф. Миллера, оп. 2, 539, I, д. 1-а, л. 11.

ство, морскому ходу из устья реки Анадыря до противолежащего ближнего Американского берега, что называется *матерью землею*¹, а оттуда ему следовать подле онаго берега в южно-восточную сторону, покуда сойдется с Российскими людьми, на далечайших островах беспрестанно промысла продолжающими»².

Прибыв в Иркутск 29 сентября 1771 года, Т. И. Шмалев узнал о своем назначении в Большерецк главным командиром Камчатки. Одной из причин такого быстрого и важного назначения была необходимость срочно расследовать обстоятельства бунта Беньовского. 3 июня 1772 года Т. Шмалев был в Большерецке и 16 июня приступил к своим обязанностям.

Но вместе с тем он ни на минуту не забывал о сборе материалов в местных архивах. Т. Шмалев сумел организовать подлинную экспедицию по сбору исторических сведений. Работы велись в невиданных до того масштабах. 30 июня 1773 года он писал Миллеру, что уже очень много сделал в этом направлении и обещал, что еще больше сделает впредь³.

После второй встречи в Охотске братья занялись поисками документов и составлением всевозможных описей, а Тимофей Шмалев, кроме того, разослал из Большерецка «вопросные пункты» командирам всех острогов и крепостей. Так, в частности, командиру Гижигинской крепости капитану Я. М. Пересыпкину он писал по этому поводу: «В рассуждении той надобности для отечества и обще народной пользы по прибытии моем, в Охотске отчасти потребные для истории по разным материям дел мною несколько и собрано, а к дополнению веденного мною порятка за потребное признал сим сообщением от вашего благородия присылкою по приложенным у сего пунктам требовать усердного споможения»⁴. Затем следовало 49 вопросов, относящихся главным образом к истории Анадырского острога и Гижигинской крепости.

Как правило, на все такие вопросы приходили обстоятельные ответы. Но Шмалев никогда не принимал на веру присылаемых ему материалов. Он их тщательно проверял и обязательно «сочинял прибавление». Такие прибавления Шмалева лишь немного уступают по объему самим ответам.

¹ Выделено Г. Ф. Миллером.

² ЦГАДА, Госархив, д. 53, л. 1 об-2.

³ ЦГАДА, портф. Миллера, оп. 2, 539, I, д. 1-а, л. 9.

⁴ Там же, 528, II, д. 3, л. 1.

Биография Василия Шмалева во многом повторяет этапы биографии брата. В мае 1767 года его направили из Охотска «с самонужнейшими делами» в Тобольск к Д. И. Чичерину, но так как губернатора там не оказалось, то В. Шмалев поехал в Москву, после чего был отправлен губернатором в Якутск «для скорейшего оттуда в Охотск морских разных секретных судовых материалов отправлению». Нетрудно догадаться, что разговор шел об экспедиции П. К. Креницына: 20 июня 1770 года поручик Василий Шмалев рапортовал Креницыну о положении дел с отправкой материалов¹.

С октября 1771 года капитан Шмалев назначен плац-майором и командиром всей регулярной и нерегулярной Охотской команды. Как утверждают подписавшие аттестат Шмалева «штап и обер офицеры», Василий Шмалев своей ротой командовал «добропорядочно», «лености ради болным о себе никогда не репортовал, и в никаких штрафах не бывал».

Премьер-майор М. К. Бем, главный командир Камчатки, прибыл туда в октябре 1773 года. Назначенный к нему «в товарищи» Т. Шмалев в письме к Миллеру с большою душевной сообщал, что Бем не допустил его к исполнению обязанностей и отправил в Охотск. «В Камчатку прибыл по имянному соизволению Главным командиром ис Петербурха отправленной г-н пример-маэор Бем из Лифляндии а я хотя и определен по инструкции ему был в товарищи он принять не изволил и тако я возвратился сюда к команде своей»².

Такая несправедливость сильно подействовала на Тимофея Шмалева: он решил уйти со службы и подал на высочайшее имя прошение об отставке, мотивируя его «имеющими по здешнему месту неизлечимыми болезнями». Т. Шмалев отправился в Иркутск за отставкой, но дальше Охотска не добрался. В Охотске он вместе с братом пробыл до 17 июля 1776 года, после чего был назначен комендантом Гижигинской крепости.

Время совместной службы братьев Шмалевых в Охотске и последующая жизнь Тимофея Шмалева в Гижигинской крепости были особенно плодотворными.

Во время пребывания в Охотске братья Шмалевы помимо сбора материалов проектировали перенос Охотского порта в устье реки Ульи. Тимофей сочинил по этому поводу любопытное примечание, касающееся истории Охотского порта,

¹ ЦГА ВМФ, фонд Беринга, д. 63, л. 292 об.

² ЦГАДА, портф. Миллера, оп. 2, 539, 1, д. 1-а, л. 12.

а Василий исследовал новый тракт от Якутска до устья реки Ульи. Разбирая охотский архив, Т. Шмалев нашел немало любопытных документов. В частности, «скаску» Ильи Скурихина о походе М. Гвоздева и И. Федорова к берегам Америки. В письме к Миллеру 12 декабря 1775 года он сообщает, что после 30 ноября «нашел я из архивы охотской канцелярии о следовании в 732 году к Америке и о найденнии против Чукоцкого носа земли геодезиста Гвоздева взятую 741 годов якоб з бывшего с ним казака Скурихина получил я со скаски копию»¹. В большой дружбе с Тимофеем Шмалевым был Михаил Неводчиков. Они много совместно трудились. Все работы Неводчикова подписывал Т. Шмалев.

Летом 1776 года братья Шмалевы расстались. Тимофей уехал в Гижигинскую крепость, а Василий — на Камчатку. Со смертью Г. Ф. Миллера в 1783 году переписка Шмалевых с Петербургом и Москвой прекратилась. Но, продолжая служить в Гижигинске, а затем снова в Охотске и опять в Гижигинске, Тимофей Шмалев не прекращал своих научных занятий. В течение этих лет он вел журнал, который дает представление о повседневной жизни в Гижигинской крепости. Нет ни одного события, которому Т. Шмалев не искал бы объяснений: тут и рассуждения о закономерности гижигинских ветров, и объяснения северному сиянию, и многое другое.

Летом 1787 года Тимофей Шмалев участвовал в экспедиции Биллингса, плавая на судне «Ясашна» под командованием Г. А. Сарычева. Другим судном — «Паллас» командовал И. И. Биллингс. С ним плавал ученый чукча Николай Иванович Дауркин. Во время этой экспедиции, которая, как известно, закончилась неудачно, Шмалев через Сарычева впервые поведал всему миру о существовании земли к северу от Чукотки — острова Врангеля. Сарычев рассказывает об этом так: «Капитан Шмалев сказывал мне, что он слышал от чукоч о матерой земле, лежащей к северу, не в дальнем расстоянии от Шелагского носа, что она обитаема и что шелагские чуки зимнюю порою в одни сутки переезжают туда по льду на оленях»².

¹ ЦГАДА, портф. Миллера, оп. 2, 539, 1, д. 1-а, л. 40.

² Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. Части 1 и 2, СПб, 1802. Новое издание. М., 1952, стр. 84.

Нельзя не привести несколько характерных высказываний одного из участников экспедиции — секретаря Биллингса Мартина Соура об огромном авторитете Тимофея Шмалева среди местных жителей, об удивительном обаянии этого скромного труженика науки. «Майор Шмалев, находившийся в это время в городе, был комендантом Ижиги, или Ижигинска, где окружающее местное население буквально обожало его», — пишет он. В другом месте Соур дает описание облика Шмалева и душевных его качеств: «Ему около 60 лет, рост выше 6 футов, коренастый, но он некоторое время был болен и до сих пор еще не совсем поправился. Его характер — это мягкость и сама доброта, ни у одного человека в мире еще не было лучшего характера»¹.

По ходатайству Биллингса капитан Т. И. Шмалев 18 августа 1788 года был утвержден Адмиралтейств-коллегией командиром Охотского порта. Ему был присвоен чин секунд-майора. Но в должность вступить Тимофею Шмалеву не пришлось. 7 июля 1789 года при таинственных обстоятельствах он скоропостижно скончался в Охотске, где и похоронен².

Василий Шмалев пережил своего брата на десять лет. Он служил все эти годы на Камчатке и был главным командиром Камчатки, исправником Нижнекамчатского острога, комендантом Петропавловской гавани. Именно ему довелось встречать на Камчатке суда экспедиции Джемса Кука в 1779 году и Ж. Ф. Лаперуза в 1787 году. Скончался он в Петропавловской гавани 18 декабря 1799 года.

Нет необходимости подробно останавливаться здесь на «примечаниях», «добавлениях» и других сочинениях братьев Шмалевых, особенно старшего из них, Тимофея Шмалева. До настоящего времени найдено 40 таких работ, и лишь одна была опубликована. Это «Краткое описание о Камчатке»³.

Из самостоятельных работ Шмалевых наибольшую ценность представляет «Примечание капитанов Шмалевых о морских экспедициях разных компаний с 1744 по 1781 год». Эта работа послужила отправным пунктом многих исследо-

ваний, посвященных русским торгово-промышленным морским экспедициям во второй половине XVIII века в северной части Тихого океана и содержит первое хронологическое описание всех промышленных походов русских людей в указанный период. В ней можно найти, кто составлял компанию отправленного судна, кто был передовщиком, мореходом, сколько было пайщиков, излагаются сведения о плавании, приводятся множество иных подробностей.

Из 53 лет Т. И. Шмалев 35 провел на Крайнем Северо-Востоке. За эти долгие годы Чукотка и Камчатка были им искожены и изъезжены вдоль и поперек. Известно, что Шмалев разбирался и в морском деле. Неоднократно он совершал морские плавания из Охотска и Гижиги в Большерецк и обратно, а также из Нижнекамчатска в Охотск. Природная наблюдательность, хорошее знание географии и основ морского дела помогли Т. Шмалеву написать несколько географических работ на высоком для своего времени научном уровне. Одна из его работ называется: «Примечание, учиненное капитаном Шмалевым, о бывших в прежние времена, в здешних отдаленных местах сухопутных и водяной коммуникации трактов, когда оныя начались також и когда инным промер был, тож и место от места в каком расстоянии, от части и о впадающих в Пенжинское море реках и о способности во оныя ко входу морских судах годном лесу, начиная от Охоцка, потом о Камчатке, Гижигинской крепости, о бывшем Анадырском остроге и о вновь изыскуемых водяных коммуникацей и судоходных от Якуцка к Охоцку и на Колыму трактов с некоторыми примечаниями 1775 го генваря 27 дня»¹.

Рукопись представляет собой настоящее географическое описание края. Можно назвать его вместе с тем и лощией побережья от Охотска до устья Анадыря. Помимо того, что автор рассказывает о природе, населении, звериных промыслах, флоре и фауне, в этой работе имеются ценные указания, куда и когда можно входить морским судам, где их лучше строить, каковы расстояния между различными географическими точками. Во времена Шмалева были лишь отдельные работы, посвященные тем или иным районам. Тем не менее работа Шмалева, пересланная Миллеру, не была опубликована.

Тимофея Шмалева интересовали Курильские острова, где он предлагал основать русское селение. Шмалев считал, что для исследования Чукотки, Америки и «далеко на север» от

¹ Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by commodore Joseph Billings in the years 1785 to 1794. London, 1802, стр. 37 и 39. Перевод Е. С. Колобродовой.

² А. С. Сгибнев. Охотский порт. «Морской сборник», 1869, № 11, стр. 63.

³ Т. И. Шмалев. Краткое описание о Камчатке. «Опыт трудов Вольного Российского Собрания», 1774, часть 1, стр. 195—215.

¹ ЦГАДА, портф. Миллера, оп. 2, 539, 1, д. 13.

Чукоцкого носу» нужно отправить из Охотского порта два судна, которые после зимовки в Петропавловской гавани могут такое поручение исполнить. Он просит предоставить пенсию Неводчикову, «который в сочинении карт также и в собрании надобных мне ко объяснению записок доказывает в справедливости словесно усердное вспоможение», ратует за образование в Сибири, издание трудов о Сибири отдельной книгой.

Трудами братьев Шмалевых пользовались и долго еще будут пользоваться историки и географы. Братья Шмалевы, и особенно Тимофей, были настоящими учеными-самородками, и вклад их в русскую географическую науку очень значителен.

У ч е н ы й ч у к ч а



В географических открытиях русских землепроходцев на Северо-Востоке Азии и в Северной Америке участвовали и представители северных народностей. В XVIII веке среди них особенно выделился чукча Николай Иванович Дауркин. Он не только помогал русским правительственным экспедициям, но и сам совершил путешествия, ставшие важным этапом в географическом изучении Крайнего Северо-Востока Азии, Северной Америки и северной части Тихого океана.

Во время одного из походов Дмитрия Ивановича Павлуцкого по Чукотской земле в 1774 году в плен была захвачена семья: отец, мать и десятилетний сын. Отец, коряк по имени Омшат, сумел бежать. Мать, родственница главного чукотского тоёна Тентиона, была «по распросам на огне жжена и убита»¹. Их десятилетнего сына Тангитана майор Павлуцкий оставил у себя в услужении и отправил в Анадырский острог.

Находясь постоянно среди русских, Тангитан хорошо усвоил русский язык, после чего Павлуцкий направил его в Якутск к жене своей Анне Филипповне. Там мальчика крестили. Крестным отцом стал якутский подьячий, будущий тесть Тимофея Шмалева Иван Андреевич Борисов, по прозвищу Дауркин. Поэтому и чукча Тангитан стал Николаем Ивановичем Дауркиным.

В Якутске он научился хорошо читать и писать, узнал все церковные обряды, пел на клиросе, выучился наряду с русским и якутскому языку, словом, по тому времени получил хорошее образование. Обучался он и сапожному ремеслу.

¹ ЦГАДА, ф. 199, 528, II, д. 7, л. 17.

В 1759 году Дауркин был отдан вдовой Павлуцкого в услужение своему родственнику адъютанту Ивану Павлуцкому. С ним 7 сентября 1760 года прибыл Николай в Тобольск — резиденцию сибирского губернатора Федора Ивановича Соймонова, который принял живое участие в судьбе Дауркина. В донесении сенату 7 ноября 1760 года Соймонов писал, что 4 ноября к нему явился из «немирных чукоц» Н. И. Дауркин. Он просил, «чтоб ево от оного Павлуцкого и от тетки его свобода ис холопства определить в службу Ея Императорского Величества в какую повелено будет»¹.

Старый губернатор понял, какую пользу может принести смысленный чука Дауркин, который «проворен и по-русски писать умеет и говорит хорошо». Соймонов решил освободить его из холопства и направить в Анадырск, «а оттоле со временем в чукоцкие и в протчие бунтовщицкие улусы к родникам ево для вышеупомянутого их увещевания и мирного склонения по прежнему в Российское подданство».

Соймонов просил сенат Дауркина «ныне пожаловать не токмо свободу ис холопства, но каким ни есть чином, то есть хотя Сибирского дворянина или сын боярского з жалованьем по тем окладом награждать»².

До получения ответа из Петербурга Соймонов определил Дауркина на службу в казаки с приписью к городу Якутску.

По распоряжению Соймонова Дауркин пополнял свое образование: обучался арифметике, началам физики и астрономии. В это время в Тобольск прибыла астрономическая экспедиция из Петербурга под начальством профессора Н. И. Попова для наблюдения за прохождением Венеры через диск Солнца. Дауркин находился некоторое время при экспедиции. По словам Т. И. Шмалева, он «допущен был к состоящей в Тобольске обсерватории и показываны были ему чрез находящегося тогда профессора астрономические трубы, чрез которыя толковано ему о прохождении против Солнца Венеры и показываны ему электрические и протчия машины»³.

26 июня 1761 года Дауркин получил от Соймонова приказ отправиться в Анадырск в распоряжение назначенного туда командиром подполковника Ф. Х. Плениснера. Вероятнее всего, это произошло в середине 1762 года. В остроге Дауркин нес обычную казацкую службу, использовали его и как переводчика чукотского языка. Несколько раз он просился в от-

пуск к чукам, среди которых были его близкие родственники, например, родной дядя Меньхта. Но ни поручик Кекеров, ни Плениснер не отпускали его.

Летом 1763 года Плениснер отправился в большой поход по реке Анадырь к чукам «для самоличного рассмотрения их нравов и порядков». 28 июля 240 человек анадырского гарнизона, в их числе два поручика и пять прапорщиков, во главе с Плениснером на 13 судах отошли от Анадырска. Среди них был Николай Дауркин и прапорщик Тимофей Шмалев.

5 августа флотилия подошла к устью реки Красной, где был разбит лагерь. Вскоре к лагерю на 60 байдарках подплыло около 300 чукоц. На следующий день чукоцские старшины, среди которых был и дядя Дауркина Меньхта, пришли в русский лагерь для переговоров с Плениснером. Переговоры закончились успешно. Плениснер заверил, что они спокойно смогут заниматься на Анадыре оленьим промыслом и рыбной ловлей, а чукоцки обещали платить ясак.

20 августа Плениснер на трех судах в сопровождении Тимофея Шмалева и еще одного прапорщика с частью команды ушел в Анадырск и прибыл туда 1 сентября. При Чекаевом урочище была оставлена команда (в том числе и Дауркин) во главе с поручиком Я. М. Пересыпкин для промысла переплывавших реку оленей. Пересыпкин уехал в острог 2 сентября, а в ночь на 5 сентября Дауркин бежал к своим родственникам. Перед уходом он на устье реки Красной оставил письмо, в котором объяснял мотивы своего ухода и просил не считать его изменником.

В 1763—1764 годах Дауркин совершил замечательное путешествие по Чукотке. Вместе со своими родственниками он сумел в короткий срок изъездить почти всю Чукотку.

Из устья реки Анадырь Дауркин пошел по берегу на север. Добравшись до губы Ночан (залив Креста) и переправившись через нее, он побывал на островах Меэчхин (коса Меечкен). Затем путь его лежал к урочищу Ретькину (и мысу Сердце-Камень). Отсюда Дауркин предпринял поход «по жилищам чукоцким во все стороны». Он побывал во время этих походов в Колючинской губе и на острове Колючин, а затем и в Чаунской губе. Возвратившись к мысу Сердце-Камень, Дауркин уже в апреле 1764 года переправился на байдаре на остров Иньучиен (Св. Лаврентия) и только после этого, тем же путем, то есть через мыс Сердце-Камень, губу Ночан, возвратился к устью реки Анадырь в начале августа 1764 года.

¹ ЦГАДА, ф. 199, 528, I, д. 6, л. 15.

² Там же, 17 об.

³ Там же, II, д. 9, л. 62.

В это время там находился отряд во главе с Я. М. Пересыпкинским. 12 августа на байдаре к лагерю русских подошел чукотский старшина Кыкенчин Аняков и объявил, что Николай Дауркин с чукчами своего рода находится на устье реки Красной «и за боязливостию де, что прежде бежал, паки х команде явится смелости не имеет». Тогда Пересыпкин послал Дауркину бумагу, в которой написал, что «если де чрез ево прилежности в подданство и в платеже ясака чукчи придут, то он без награждения оставлен не будет»¹. После этого Дауркин с чукотскими старшинами Меньхтой, Ныкангином и Нивингыном 13 августа прибыл в лагерь русских. Дауркин сказал Пересыпкину, что пришедшие с ним и находящиеся при устье реки Красной чукчи готовы платить ясак и быть в подданстве. На другой день Дауркин с Пересыпкиным побывали на устье Красной, где 15 человек добровольно перешли в подданство и 77 чукчей заплатили ясак.

Олений промысел завершился успешно, и 27 августа русские, а вместе с ними и Дауркин, отправились в Анадырский острог и прибыли туда 9 сентября. Пересыпкин не решился арестовать Дауркина в Чекаевом урочище, боясь вооруженного столкновения с чукчами, у которых Дауркин пользовался непререкаемым авторитетом. Зато по прибытии в острог Пересыпкин, исполняя приказ Плениснера, вместо поддержки и поощрения Дауркина взял его под караул и отправил в 1765 году в Якутск, где за побег Дауркин был «сечен жестоко батожем и определен по городу Якуцку в казаки»². Он по-прежнему нес караул, исполнял другие казачьи обязанности и его «по промемории означенного полковника Плениснера от оногo города и отлучать не велено»³.

Тимофей Шмалев, бывший свидетелем побега Дауркина, писал, что «следственно б ево Дауркина ни мало не брать под караул», так как тот если бы не захотел возвратиться, то «у креста на усть Красной писем своеручных не оставяял, и прибытии своему термину и об обождании на том месте командою термину не предписал, а и тех чукоц с писмами наперед о прибытии в Анадыр реку с ызвещием не посылал бы»⁴.

Перед отправлением Дауркина в Якутск Пересыпкин дал ему возможность закончить в Анадырске карту Чукотки и отобрал у него «скаску» о Чукотской земле. Оба эти докумен-

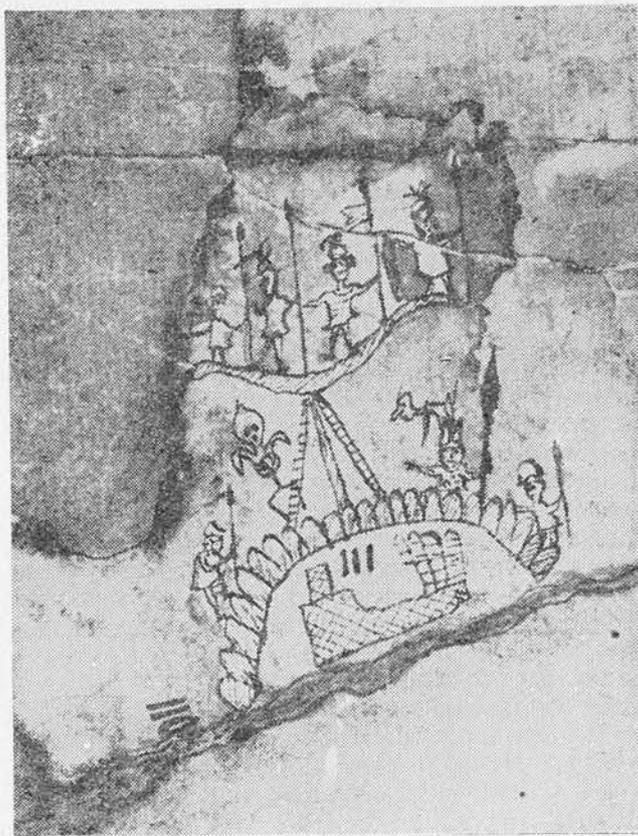
¹ ЦГАДА, ф. 199, 528, I, д. 17, л. 24 об.

² Там же, II, д. 7, л. 12.

³ Там же, д. 9, л. 62 об.

⁴ Там же, д. 7, л. 11 об.

та Пересыпкин вместе с рапортом 11 марта 1765 года отправил Плениснеру, назначенному начальником Охотского порта. Вот при каких обстоятельствах карта Н. И. Дауркина, состав-



Крепость в устье реки Хеуверен. С карты Н. И. Дауркина 1765 года.

лявшаяся зимой 1764/65 года в Анадырске и оконченная до 11 марта 1765 года, попала к Плениснеру.

Все сказанное здесь позволяет решительно пересмотреть некоторые установившиеся традиционные представления по этому вопросу. Когда в 1777 году Плениснер возвратился в Петербург, он передал для публикации в «Месяцослове» карту, составленную им по карте Дауркина.

Прежде всего обращает на себя внимание извращенное освещение обстоятельств похода Дауркина по Чукотке. Вот как со слов Плениснера об этом сообщалось: «Сего толмача (Дауркина.— А. А.) преклонил г. Пленстнер (Плениснер.— А. А.), чтоб он тайным образом бежал к чукчам, и наведалься обстоятельнее о положении Чукоцкой земли, об островах к северу лежащих и о земли, о которой сказывали г. Пленстнеру, что находится за островами еще большая неизвестная земля. Толмач, наконец возвратясь, объявил, что он нашел на Чукоцком носу своих сродников, ездил с ними на острова между Чукоцким носом и большою землею лежащие, видел самих жителей сей большой земли (выделено нами.— А. А.) и сообщил г. Пленстнеру наименования островов и известия на самой карте вырезанные»¹.

В Вестнике Русского Географического общества за 1853 год имеется любопытная заметка, которой в дальнейшем не придано было должного значения. В рапорте Плениснера от 31 января 1766 года сенату прямо указывается о побеге Дауркина без всякого тайного сговора с полковником и о добровольном возвращении: «...бежавший от его команды к чукчам крещеной чукоцкой же породы козак Николай Дауркин возвратясь объявил...»² и т. д. Здесь же в изложении сказки Дауркина есть доказательство того, что Дауркин не был во время этого путешествия на островах Берингова пролива: «ему сказывали о имеющихся против Чукоцкого носу трех островах...»³. По всей вероятности, неправильное освещение похода Дауркина в «Месяцослове» было сделано издателем, может быть С. Румовским.

В сказке же Дауркина, с которой делалось приведенное сообщение о его походе, говорится следующее: «...бывшей у чюкочь казак Николай Дауркин скаскою показал, что по бытности ево у чюкочь слышал он в разговоре (выделено нами.— А. А.), что де против Чукоцкого Носу имеются три острова, имянуемые по их чукоцкому названию: первой— Имяглин, второй Инялин, а третьей Акибянь стоит близ земли, называемой Кыгмын, на коей крепость подле реки Хеуверина: а на те острова ходят те чюкчи зимою пешком по лду, а имян-

¹ (Н. И. Дауркин). Известие о Чукоцком носе. Месяцослов исторической и географической на 1780 год. СПб., 1779, стр. 44—45.

² Сведения о Чукотской земле в XVIII столетии. «Вестник Императорского Русского Географического общества за 1853 год». Кн. 5, 1853, смесь, стр. 12—13.

³ Там же.

но в феврале и в марте месяца, а ходу от Чукоцкого мысу на каждой остров по одному, а на все — три дни»¹. Далее Дауркин рассказывает о торге чукчей с жителями тех островов и большой земле, о том, что на «тех островах лесу стоячего не имеется, а наносного всякого довольно», а «на той большой земле есть лес», что в той земле всякие промыслы — пушной, олений, рыбный, и передает множество других интересных, но не всегда верных сообщений.

Сведения о походе Дауркина, опубликованные в «Месяцослове» со слов Плениснера, основательно извращенные, перешли во все последующие работы, во все книги, статьи (за исключением работы А. С. Сгибнева, пользовавшегося архивным материалом), посвященные проблемам истории географических открытий Дальнего Востока и, в частности, Крайнего Северо-Востока Азии².

Из сказанного видно, что Дауркин не получал никакого приказа Плениснера; что путешествовал он только по своей инициативе. Находился в отлучке с 5 сентября 1763 года по 13 августа 1764 года и во время этого похода не был на Чукоцком носу и на островах Берингова пролива, а все сведения о них и о Северной Америке передал в своей сказке со слов чукчей, бывавших там ранее.

Карта похода Дауркина, сделанная им в Анадырском остроге в 1765 году³, сохранилась в сравнительно хорошем состоянии. На ней изображена Чукотка от устья Колымы до устья реки Анадырь, Берингов пролив и часть Северной Америки. Значение карты Дауркина велико. Прежде всего она свидетельствует о несомненной талантливости автора. Впервые на карте Дауркина обобщены все имевшиеся к тому времени сведения о Чукотке и Северной Америке и приведено много новых. Крайняя северо-восточная часть Азии нанесена здесь значительно вернее, чем на всех прежних картах. Впервые нанесены с достаточной достоверностью острова Диомиды. Карта Дауркина 1765 года — это важный шаг вперед в географическом изучении этой части земного шара. Многочисленные путешествия по родной стране, хорошее образование, настойчивость, трудолюбие и способности помогли чукче Николаю Дауркину составить такую карту.

¹ ЦГАДА, ф. 199, 528, I, д. 8, л. 1.

² Подробно об этом в книге: А. И. Алексеев. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961, стр. 27—29. Книга переведена на чукотский язык.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23435. Анализ карты дан в книге А. И. Алексеева «Ученый чукча Николай Дауркин». Магадан, 1961, стр. 30—41.

Из Якутска Дауркин послал в июне 1765 года письмо в Тобольск новому губернатору Д. И. Чичерину, рассказав в нем о случившемся и о своих планах. В результате Дауркин был вызван в Иркутск, где его принял иркутский губернатор К. Фрауендорф, которому он и изложил свой план экспедиции к Берингову проливу и в Северную Америку. Фрауендорф согласился с ним и не скрывал, что готовил Дауркина «к исследованию в Чукоцкую землю и Анадырский мыс и где отделяется Азия от Америки небольшими проливами и к исследованию до самой американской земли». С этой целью Дауркин по приказанию Фрауендорфа «обучаем был от штурмана ранга капитанского Татаринова к знанию компаса и положению по оному на румбы мест»¹. Эта подготовка закончилась в том же 1766 году в связи со смертью Фрауендорфа.

В 1767 году Дауркину было присвоено звание сибирского дворянина, и он принял самое активное и непосредственное участие в походах трех геодезистов — И. Леонтьева, И. Лысова и А. Пушкарева на Медвежьих острова и от них к северу, северо-востоку и востоку в поисках Большой американской земли в 1769—1771 годах. Возвратясь затем в Охотск, Дауркин был выбран от воинской команды за комиссара для доставки казны. Он воспользовался благоприятным случаем и в 1772 году добился приема у нового иркутского губернатора А. И. Бриля. Дауркин заявил, что он по-прежнему желает отправиться в Чукотскую землю для «твердого приводе в подданство» чукчей, а потом следовать «с Анадырского носа на лежащие к Северной Америке острова».

В поданной им 20 февраля 1773 года губернатору «скаска» Дауркин набросал проект будущей экспедиции. Он «просил себе отпуску в самом малом числе людей, то есть, с одним геодезии учеником и четырьмя казаками из Иркутска до Якутска, а оттуда в Ковымскую крепость сухим путем; от вершины Ковымской до Нижнековымской крепости водою, от Нижнековымской нартами на собаках до вершины реки Анюя, Анадырского устья и до камня называемого Сердца; от Камня санками на оленях до Чукоцкого носа; а оттуда на острова и Большую землю байдарами; с Большой земли возвратится паки в Чукоцкий нос, а из оного прямым трактом в Ковымскую крепость и в Иркутск, полагая весь оной вояж и описание показанных мест окончить в два года»².

¹ ЦГАДА, ф. 199, II, д. 9, л. 63.

² ЦГАДА, Госархив, разряд 7, д. 2539, лл. 72—72 об.

Несколько ранее Дауркина, в 1771—1772 годах, иркутскому губернатору были поданы еще два проекта экспедиций; от «штурмана ранга капитанского» Михаила Татаринова и «берлинского уроженца студента» Фридриха Сирина. Татаринов собирался построить на Лене судно, спуститься на нем до устья и плыть дальше до Камчатки. Ф. Сирия намерен был построить суда в верховьях Анадыря, спуститься к морю и плыть до Чукотского мыса. Здесь надлежало разделиться на две партии, первая из которых под руководством самого Сирина должна была отправиться к берегам Северной Америки, а вторая, руководимая устюжским купцом Федором Шубиным, — предпринять попытку обойти Чукотку и идти к Колыме.

И та и другая экспедиции требовали больших затрат и не имели таких реальных шансов на успех, как экспедиция Дауркина. При ничтожных затратах она могла принести значительную пользу. Тимофей Шмалев был уверен в благоприятном исходе экспедиции Дауркина. «Естли он Дауркин, — писал он, — тогда к ним чукчам отпущен будет с одним геодезистом и учеником и четырьмя казаками, кои ему были б по тамошнему месту надобны, то он Дауркин попрежнему их чукоч приласкать и в подданство Российской империи привести может, а притом начав по способности с устья Анадырского до Чукотского носу берега и реки да противу оного носу и матерую с крепостью землю действительно самолично обсмотреть, и все то б описав на карту положит, чрез что и прежнюю сверит имеет»¹.

Это высказывание Т. И. Шмалева еще раз доказывает, что во время путешествия по Чукотке в 1763—1764 годах Н. И. Дауркин не был на островах Берингова пролива и в Северной Америке. Оно же является прямым указанием на то, что, кроме первой карты 1765 года, никакой другой у Дауркина к этим годам, то есть к 1773 году, не существовало.

А. И. Бриль не высказал решительно своего отношения ко всем трем проектам. Он отправил их 23 декабря 1773 года с Дауркиным к начальнику Камчатки М. К. Бему. В середине 1774 года Дауркин приехал в Большерецк. Бем весьма холодно отнесся ко всем проектам. В ответе Брилю он отклонил проекты Татаринова и Сирина по той причине, что, по его сведениям, все попытки пройти ранее из устья Лены или Колымы «оставались без исполнения за невозможным обхожде-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд 7, д. 2539, лл. 72—72 об.

нием Чукоцкого носу. Почему он и обнадеть не может. Что же касается до Дауркина, то верить ему столь нужную экспедицию, сколько он из речей его приметить мог, и по видимому его состоянию почитается неудобно»¹.

На Камчатке в это время был Тимофей Шмалев, которому приказано было руководить Камчаткой вместе с Бемом, но последний счел нужным освободиться от него и отправил Шмалева к «его команде попрежнему» в Охотск. Расставаясь с Дауркиным, Шмалев получил от него новую карту и в письме к Миллеру писал: «При отъезде моем с Камчатки 774 году взята у него (Дауркина.— А. А.) ево своеручного копирования о Чукоцком носу и где он путешествие имел карта, на коею хоша достоверно и утвердителя неможно, однакож для замечания им на той карте дорог и островов то ж и несколько положения берегу и по оному губы совсем за невероятную почесть неможно»².

Это первое упоминание о карте, получившей необоснованно название карты Н. И. Дауркина 1769 года. Ее в сентябре 1775 года Т. И. Шмалев с копиями документов о проекте Дауркина и копией сказки о путешествии 1763—1764 годов отправил Г. Ф. Миллеру. На обороте собственноручная надпись Т. И. Шмалева: «Сия карта от Сибирского дворянина Дауркина получена. Как он чукоцкой породы и находясь там записки чинил, хотя уверится и несходственно, но довольно того, что неученой из отсталого народу от усердия своего к Отечеству прилежание к сему и действительная охота смертная до учения. Горькое сожалетелно, что с охотою ево распределению командирскою не соответствует. Подписал в Охотке 1775 году сентября 7 дня капитан Тимофей Шмалев»³.

Новая карта Дауркина намного лучше первой его карты. Во-первых, она охватывает гораздо больший район; во-вторых, на ней исправлена неточность в изображении Северной Америки на первой карте и, в третьих, уточнена береговая черта Чукотки; интересна карта и своей экспликацией.

Пояснения Дауркина в экспликации к карте дают возможность судить о его путешествиях по краю в разное время. Помимо маршрутов к Медвежьим островам, на карте показаны этапы путешествия 1763—1764 годов, а также (от № 11 до № 15) «положено токмо еще в полону он невзят был в Россию. По тем номерам ево родственники возили в малых ле-

¹ ЦГАДА, Госархив, разряд, 7, д. 2539, л. 73.

² ЦГАДА, ф. 199, 528, II, д. 7, л. 12 об.

³ Там же, 539, I, д. 1-а, л. 20-а об.



Карта Н. И. Дауркина 1774 года.

гах». Становится очевидным, что Дауркин на островах Берингова пролива не был. Это же подтверждают и заключительные слова экспликации: «Оныя чукчи (с которыми он ездил в детстве.— А. А.) объявляют от устья Анадырского до называемого до Большой матерой земли вперед и назад в одно лето обратитца можно нашими байдарами без опасности что называется Северная Америка».

Карта Дауркина 1774 года¹ — новый этап в развитии географических представлений о Северо-Востоке Азии, новое свидетельство несомненной одаренности ее автора, представителя отсталой народности. Карта Дауркина 1774 года, инициатором составления которой можно считать Т. Шмалева, преследовала, между прочим, и такую цель: дать знать в столице России о талантливом чукче, помочь ему организовать давно задуманную экспедицию. В Петербурге через Миллера и сибирских губернаторов о Дауркине узнали, но экспедиции не суждено было осуществиться, хотя позже Дауркин все же побывал в Северной Америке.

С 1774 по 1786 год Дауркин служил в Гижигинской крепости, в Охотске, участвовал в ликвидации последствий преступления Я. М. Пересыпкина, допустившего в марте 1775 года побоище между русскими и коряками с одной стороны и чукчами — с другой. В 1777 году он снова возбудил вопрос об организации экспедиции, в которой соглашался принять участие и Г. Л. Прибылов. В 1784 году (19 октября) Дауркин подал прошение исполнявшему обязанности командира Охотской области И. Г. Коху. Он просил отпустить его в Чукотскую землю, а также разрешить ему контролировать перевозку почты местными жителями. В конце письма была просьба дать ему материальное содержание по занимаемой должности переводчика, то есть 60 рублей в год. Несмотря на дворянское звание, он получал по-прежнему полуторное казачье жалование. «Я ж нижайший,— заканчивает просьбу Дауркин,— в продолжении всей моей службы сносил немалые труды и оказывал усердность не жалея и собственного моего для общественной пользы дошел до того, что ныне и пропитать едва имею»². Кох переслал просьбу в Иркутск, и 15 апреля 1785 года оттуда был получен ответ. Разрешение затронутых Даур-

¹ В книге «Ученый чукча Николай Дауркин» (Магадан, 1961) ошибочно помещена на стр. 59 с подписью «Карта Н. И. Дауркина 1774 года» другая карта, не имеющая никакого отношения к карте Дауркина. В чукотском издании книги эта ошибка исправлена.

² ЦГА РСФСР ДВ, ф. 1520, оп. 1, д. 26, л. 29.

киным вопросов снова передавалось охотскому коменданту. Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы не экспедиция Биллингса—Сарычева, в которой Дауркину довелось принять весьма активное участие. Из документов следует, что Дауркин все же был определен в Охотске на должность переводчика верхней расправы.

И. Биллингс распорядился послать на северное побережье Чукотки Т. И. Шмалева, Н. И. Дауркина, И. Кобелева и пятерых казаков для подготовки чукчей к действиям экспедиции на их земле. Такая мера оказалась не лишней. И когда суда экспедиции «Паллас» и «Ясашна» летом 1787 года подошли к летовью при впадении в Колыму реки Омолон, там их ожидали Шмалев, Дауркин и Кобелев с казаками. Дауркин и Кобелев попали на «Паллас» и находились безотлучно при Биллингсе.

После того как судам не удалось выполнить намеченную программу и они возвратились в Нижнеколымск, Шмалев, Дауркин и Кобелев вернулись в Гижигу. Оттуда Дауркин прибыл в Охотск в марте 1788 года и в течение 1788—1789 годов принимал участие в строительстве судов и подготовке их к плаванию, находясь в распоряжении капитана Р. Р. Галла. Там же, в Охотске, Дауркина постигло большое горе — смерть близкого человека, друга, советчика и защитника Т. И. Шмалева.

По приказанию Биллингса Дауркин и Кобелев 2 октября 1789 года вышли морем в Гижигу и 19 декабря вместе с коряками отправились в их стойбище для встречи с чукчами. 10 марта 1790 года прибыли чукчи, и Кобелев с Дауркиным стали путешествовать вместе с ними. Пошли на север, пересекли Чукотку, кочевали лето, осень и зиму между Колючинской губой и рекой Чаун, а весной были в районе Берингова пролива. Так было выполнено распоряжение Биллингса.

В ожидании судна Биллингса Дауркин и Кобелев вместе с чукчами в июне 1791 года побывали на островах Берингова пролива и в Северной Америке. Об этом путешествии Дауркин оставил своеобразное письмо на моржовом клыке. Не дождавшись прихода корабля Биллингса, Дауркин написал это письмо, а сам с чукчами отправился кочевать вдоль берегов Чукотки. Вскоре после их ухода Биллингс появился в заливе Св. Лаврентия, прочитал донесение Кобелева и Дауркина и сразу же послал за ним.

«Шестого числа около (августа — А. А.) полудня появился Дауркин,— писал М. Соур,— с двенадцатью большими бай-

дарами, полными чукчей, число которых возрастало с каждым часом. У них было множество шкурок лис, куниц, зайцев и американских ондатр, в Америке они фактически добывают большую часть мехов...»¹. Это впервые публикуемое на русском языке высказывание участника экспедиции косвенно подтверждает письмо Дауркина о пребывании его и Кобелева летом 1791 года в Северной Америке.

Далее Соур приводит любопытные сведения о причинах таких путешествий. Обратив внимание на женщин в отряде Дауркина, он написал: «Это однако были не их жены, а пленницы, взятые у их американских соседей, с которыми они часто находились в состоянии войны. Причиной последнего столкновения между ними было следующее: две группы, встретившиеся на охоте за морскими животными, поссорились, произошла стычка, в ходе которой американские чукчи захватили одну байдарку и взяли в плен ее команду; группа их противников на обратном пути получила подкрепление, сделала набег на американское побережье и увезла несколько женщин, после чего восстановился мир»².

С прибытием судна «Слава России» Биллингса Дауркин снова вошел в состав экспедиции. Он сопровождал отряд Биллингса во время пешего путешествия по Чукотке, которое было очень трудным. Авторитет Дауркина часто помогал прекращать возникающие недоразумения.

По окончании экспедиции Дауркин некоторое время жил в Якутске и долго болел. В 1795 году, оказавшись снова в Охотске, он просил освободить его от должности переводчика, но от службы совсем не освобождать, чтобы было на что существовать. 5 июля 1795 года просьба Дауркина была удовлетворена. Других документов более позднего времени о Дауркине пока не встретилось. Дата и обстоятельства его смерти неизвестны.

Представитель отсталого народа чукча Николай Дауркин в очень сложных условиях сумел стать выдающимся путешественником, картографом и географом.



В конце XVIII века Алеутские острова и всю северную часть Тихого океана, Берингово море и Чукотку обстоятельно описала русская правительственная экспедиция под начальством И. И. Биллингса. Об этой экспедиции пишет в своих сочинениях Г. А. Сарычев¹. Освещена она также и в книге М. Соура². Ни один историк географических исследований Северо-Востока Азии и северной части Тихого океана не прошел мимо этих работ. В русской и советской литературе есть статьи и исследования об этой экспедиции, а также о жизни Г. А. Сарычева³.

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение восьми лет, при Географической и Астрономической морской Экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год. Части 1 и 2, СПб, 1802. Новое издание. М., 1952. Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северо-восточному океану в 1791 году. СПб. 1811.

² Sauer M., An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by commodore Joseph Billings in the years 1785 to 1794. London, 1802.

³ А. С. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке, «Морской сборник», 1869, № 7; В. Н. Берх. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны, ч. 1, СПб, 1821; Н. Н. Зубов в кн.: «Русские мероплаватели», М., 1953 и в кн.: «Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов», М., 1954; Е. Е. Шведе в кн.: «Отечественные физико-географы и путешественники», М., 1959; М. И. Белов в кн.: «История открытия и освоения Северного морского пути», т. 1, Л., 1956; М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг., «Летопись Севера», т. 2, М., 1957; А. И. Алексеев. «Братья Шмалевы», Магадан, 1958; «Ученый чукча Николай Дауркин», Магадан, 1961; Братья Шмалевы. Жизнь и деятельность. «Летопись Севера», т. 3, М., 1962; А. Г. Сарычев — выдающийся мореплаватель и ученый, «Известия Всесоюзного Географического общества», т. 96, № 2, 1964 и др.

¹ Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by commodore Joseph Billings in the years 1785 to 1794. London, 1802, стр. 250. Перевод Е. С. Колобродовой.

² Там же, стр. 252.

Вместе с тем до сих пор в научной и художественной литературе не существует сколько-нибудь полного и точного жизнеописания ведущих деятелей этой экспедиции — И. И. Биллингса и Г. А. Сарычева. Все исследователи уделяли главное внимание участию Биллингса и Сарычева в упомянутой экспедиции, и лишь некоторые из них кратко говорили о других важных моментах их биографий.

ДО ЭКСПЕДИЦИИ

Из многих иностранцев, служивших в России в XVIII—XIX веках, нужно помянуть добрым словом Иосифа Биллингса, начальника секретной северо-восточной географической и астрономической экспедиции. Выдающийся мореплаватель и ученый-гидрограф И. И. Биллингс не получил должного признания, а деятельность его — правильного освещения в истории отечественного мореплавания. Видимо, работы и заслуги активного участника этой экспедиции Г. А. Сарычева, впоследствии знаменитого ученого-гидрографа, отнесли на второй план значение участия в ней И. Биллингса.

Сведения о дороссийском периоде жизни Биллингса чрезвычайно скудны. Как удалось установить, Иосиф Иосифович Биллингс (Joseph Billings) родился в 1761 году¹ в Англии, в семье рыбака. С малых лет плавал на судах угольного флота, а затем обучался в Англии часовому делу².

Что же касается места рождения, то обычно считают, на основании сведений, переданных В. Н. Берхом со слов М. Соура, что им был город Ярмут, на юге Англии, на острове Уайт. Данные, приведенные в «Dictionary of national biography», позволяют уточнить место рождения. Указание на Tynham Green дает основание говорить о том, что Биллингс родился вблизи Лондона, в приходе Чезвик, в шести милях западнее Вестминстерского моста³.

Длительное плавание под руководством такого опытного мореплавателя, как Джеймс Кук, закалило юного Биллингса, расширило его кругозор, закрепило приобретенные навыки

¹ Послужной список И. И. Биллингса за 1789 год. ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 7, д. 55, лл. 184—185 об.

² В. Н. Берх. Географическая и астрономическая экспедиция. Путешествие капитана Биллингса по Ледовитому морю. «Сын Отечества», № 4, 1820, СПб, стр. 166.

³ Письмо от Royal Geographical Society (Королевское географическое общество) автору от 5 февраля 1965 г.

и познания в астрономии, навигации, морской практике и географии. Пребывание судов экспедиции Кука в северной части Тихого океана, на Аляске, на островах Алеутской гряды, Чукотке и Камчатке дало возможность, молодому мореплавателю познакомиться с условиями плавания в этих отдаленных местах.

Обстоятельства, при которых Биллингс попал на русскую службу, достаточно хорошо известны. Произведенный после плавания с Куком в чин мичмана английского флота, Биллингс был рекомендован русским послом в Англии во флот России. С 1 января 1784 года Биллингс стал лейтенантом русского флота, а 8 августа 1785 года — капитан-лейтенантом. В этом же году он был назначен начальником секретной Северо-восточной географической и астрономической экспедиции «для определения степеней долготы и широты устья реки Колымы, положения берегов всего Чукотского носа, также островов на Восточном океане, к американским берегам простирающихся, и совершенного познания морей между матерью Иркутской губернии и противоположными берегами Америки»¹. С этого времени Биллингс включился в подготовку экспедиции.

Другой известный участник экспедиции Гавриил Андреевич Сарычев родился в 1763 году. Он был сыном мелкопоместного дворянина, служившего прапорщиком в морском флоте², 15 ноября 1775 года Сарычев поступил в Морской корпус в Кронштадте. 1 мая 1778 года он стал гардемаринном, а 1 января 1781 года выпущен мичманом. За это время плавал на кораблях Балтийского флота, ходил в 1780 году от Архангельска до Кронштадта, а в 1781 году из Кронштадта в Средиземное море и обратно на корабле «Не тронь меня». Кампанию 1783 года Сарычев провел на Балтийском море.

¹ Русский биографический словарь, т. 3, СПб, 1908, стр. 37.

² ЦГАВМФ, ф. 406, оп. 2, д. 162, л. 39.



Г. А. Сарычев.

Свое истинное призвание Г. А. Сарычев нашел в 1784 году, когда получил назначение в числе других молодых офицеров (среди них был и его родной брат лейтенант Алексей Сарычев, впоследствии вице-адмирал и сенатор (1760—1827) для описи реки Днепра и его притока Сожи. Работы Сарычева уже тогда отличались высокой точностью. «Я был бы счастлив,— писал он позже,— что выдуманные мною правила описи были из всех лучшие, так что при сочинении мною карты, положение реки с берегами оказалось верно и глубины ее означались в настоящих своих местах»¹. За достигнутые успехи Сарычева назначили в Северо-Восточную экспедицию.

Открытые русскими людьми пространства Большой земли — Северной Америки и множество островов Алеутской гряды стали привлекать все большее внимание иностранцев. Вслед за Куком в 1786 году там побывал представитель Ост-Индской компании Петерс. Обострились отношения России с Испанией. Немало беспокойства доставляли царскому правительству и чукчи.

Политические соображения и задачи научного характера заставляли правительство заботиться об укреплении Крайнего Северо-Востока России. В связи с этим Биллингсу также поручалось «постараться сколько возможно сведать о земле чукчев, силе и нравах сего народа, а при случае, потрудитесь своим поведением склонить к утверждению сего народа в зависимости от России и о добром мнении о прочности правления, под которым они находятся»².

В инструкции, составленной в Адмиралтейств-коллегии, указывалось, что нужно было «стараться дойти по суку, по льду и водою до самого главного мыса Чукотского». На Чукотке Биллингсу поручалось также как можно обстоятельнее ознакомиться с бытом чукчей и других народностей. Экспедиции предписывалось пройти морем из Нижнеколымска в Тихий океан и начать там работы по исследованию Алеутских островов, Аляскинского архипелага, северо-западных берегов Америки на судах, построенных в Охотске или на Камчатке. В случае, если бы плавание из Нижнеколымска оказалось неудачным, Биллингсу надлежало перебраться на Камчатку

¹ Г. А. Сарычев. Правила, принадлежащая к Морской Геодезии... СПб, 1804, стр. 11.

² Цит. по М. И. Белову. История открытия и освоения Северного морского пути, т. 1, М., 1956, стр. 422.

и оттуда начать исследовательские работы, по окончании которых нужно было еще раз попытаться описать северо-восточное побережье Азии, а также высадку на берег и плавание вдоль него на байдарках.

Помощниками Биллингса были назначены лейтенанты Роберт Галл, Гавриил Андреевич Сарычев и Христиан Тимофеевич Беринг, внук известного мореплавателя. Участие Сарычева во многом способствовало успеху гидрографических исследований экспедиции и организации ее на месте, в Охотске. В составе экспедиции были: натуралист доктор Карл Мерк, штурманы Гавриил Прибылов, Сергей Бронников, Антон Батаков, геодезисты Алексей Гилев и Осип Худяков, художник Лука Воронин, капитан Тимофей Шмалев, ученый чукча Николай Дауркин, сотник Иван Кобелев и другие — всего 141 человек. В это число не входит большое количество местных жителей, солдат, привлеченных Биллингсом. Участникам экспедиции были даны привилегии: после достижения устья Колымы все офицеры производились в следующий чин, так же, как и по прибытии к берегам Северной Америки. Кроме того, всем чинам экспедиции предусматривались значительные денежные вознаграждения.

Экспедиция была хорошо снабжена астрономическими, навигационными, метеорологическими, геодезическими инструментами, имела новейшие карты, описания районов плавания и другое снаряжение. Все действия экспедиции держались в строжайшем секрете.

НА ВОСТОК ОТ КОЛЫМЫ

В половине сентября 1785 года головной отряд экспедиции с двумя кораблестроителями под командованием Сарычева выехал из Петербурга, чтобы подготовить в Охотске суда для экспедиции. 10 января 1786 года Сарычев был в Якутске и, несмотря на огромные трудности зимнего пути в Охотск, отправился туда 22 января. 27 марта он был в Охотске и, дав некоторый отдых людям, приступил к заготовке леса в Чернолесье и Мундуканском урочище.

Оба места заготовки находились недалеко от Охотского порта — первого и единственного в течение целого века порта России на Тихом океане. Во времена экспедиции Биллингса он располагался на Охотской кошке при устье двух рек Охоты и Кухтуя. Несмотря на свои природные, естественные недостатки, это был самый населенный, самый значительный пункт

на Охотском побережье. Население его состояло из служителей, разночинцев, купцов и ссыльных.

Вскоре, в первых числах июля того же года, в Охотск прибыл Биллингс с остальной, главной частью экспедиции. Выполняя данную ему инструкцию, Биллингс распределил силы экспедиции так, чтобы шла подготовка в двух направлениях. Поскольку к этому времени согласно царскому указу все офицеры были произведены в следующий чин, то Биллингс отправил теперь уже капитан-лейтенанта Сарычева в Верхнеколымский острог для постройки судов, а капитан-лейтенанту Галлу поручил продолжать строительство судов в Охотске.

Начальник экспедиции догнал Сарычева на шестой день пути, у селения Арка. 15 августа Биллингс, взяв с собой доктора, двух солдат и двух якутов в проводники, пошел вперед. 4 сентября он был уже в Верхнеколымске, где застал капитан-лейтенанта Беринга, отправленного сюда из Якутска еще в начале лета.

Путешествие его сложилось неудачно, и большая часть грузов находилась еще в пути. 14 сентября прибыл с отрядом Сарычев.

Этот острог на левом берегу реки Ясашной в двух верстах от впадения ее в Колыму был типичным для Северо-Востока Азии. Немногочисленные строения, часовня, пять изб, три юрты, обнесенные деревянным крепостным забором, — вот и весь острог! Если для офицеров нашлось место в остроге, то нижним чинам пришлось срочно, одновременно с заготовкой леса по реке Ясашной строить для себя просторную юрту и пекарню для сушки сухарей. Работы по заготовке леса продолжались и зимой. Лес привозили на присланных якутами лошадях. Одновременно доставляли снаряжение из Якутска. Смолу готовили на месте.

В конце ноября 1786 года на берегу реки Ясашной заложили судно, названное впоследствии «Паллас», длиной 45 футов, а в апреле 1787 года было заложено другое судно, длиной 28 футов — «Ясашна». Во второй половине мая река вскрылась, и суда оказались спущенными на воду. Командование «Палласом» принял на себя И. Биллингс, а «Ясашной» стал командовать Г. Сарычев. Капитан-лейтенант Беринг был заранее отправлен в Якутск, чтобы ускорить отправку оттуда в Охотск всего необходимого.

25 мая оба судна снялись с якоря и пошли по течению реки Ясашной в Ледовитый океан. Во время короткой стоянки в Среднеколымске к экспедиции присоединился штурман.



Урочище Арка. Рисунок Л. А. Воронина.

Летняя юрта на Мундукаском урочище. Рисунок Л. А. Воронина — участника экспедиции Биллингса — Сарычева.

С. Бронников, которого Биллингс принял к себе на «Паллас». А на летовье при впадении в Колыму реки Омолон суда экспедиции ждали капитан Тимофей Иванович Шмалев, чукча Николай Иванович Дауркин и сотник Иван Кобелев с сопровождавшими их казаками. Шмалев и Кобелев долго прожили в этих местах, считались у чукчей своими людьми, хорошо знали их нравы и обычаи.

В Нижнеколымске окончательно проверили снаряжение судов, подготовку припасов, выучку личного состава. На судне Сарычева было всего два моряка — сам Сарычев и боцманмат¹. Разбирался еще в морском деле Т. И. Шмалев. Всех остальных в самый короткий срок надлежало научить править свою вахту.

Не лучше обстояло дело и на «Палласе», где проводником был Н. И. Дауркин.

19 июня «Паллас» снялся с якоря. Двумя днями позже вышла в плавание и «Ясашна», которая догнала начальника экспедиции в устье Колымы, в пяти верстах от маяка, поставленного Д. Я. Лаптевым во время Великой Сибирско-Тихоокеанской экспедиции.

Во время плавания по Колыме на мостике вместе с Биллингсом стоял Дауркин, который рассказывал о своих путешествиях по этим местам, показывал местность. А Сарычеву обо многом поведал Тимофей Иванович Шмалев.

В устье прошли Песцовые острова, справа на берегу видели казармы купца и морехода Никиты Шалаурова, пытавшегося пройти к Берингову проливу.

В пяти верстах от маяка Лаптева, соединившись с «Ясашной», Биллингс в соответствии с данным ему указом объявил себя капитаном 2-го ранга. В этот же день, 24 июня, суда вышли в Ледовитый океан. Им предстояло совершить труднейшее плавание, повторить путь Семена Дежнева и Федота Попова.

Вначале погода и ледовые условия благоприятствовали путешественникам. Без особых трудностей они продвигались вперед. Но уже на следующий день встретились льды. На карте плавания есть надписи: «шли подле льда». И чем дальше, тем ледовая обстановка все более осложнялась. Суда часто вынуждены были расходиться настолько, что давали знать о себе выстрелами из пушек. Бесперывно меняли курс, но на восток продвинуться было невозможно. Тогда пошли на север

¹ Боцманмат — подбоцман, старший после боцмана.

в надежде, что удастся с севера обойти льды, сплошной массой стоящие у берега. «Июля 2-го увидели в тумане сплошь лежащая к норду льды и возвратились» к берегу. Предполагали, что южнее окажется проход на восток, но надежды не оправдались. «Июля 9-го к норду и к осту были льды, от которых возвратились к берегу на якорь»¹.

С большими трудностями, бесперывно меняя курс, суда порознь добрались до Баранова Камня. Отсюда Биллингс с Сарычевым и доктором Мерком произвели разведку на шлюпке. Пройдя более шести верст, они поднялись на Баранов Камень и убедились, что море впереди на северо-востоке забито непроходимыми льдами. Решено было возвратиться к устью Колымы и выждать время. Все надеялись, что льды разойдутся и судам удастся повторить знаменитый поход Дежнева и Попова.

17 июля сделали еще одну попытку, но вскоре вновь были застигнуты туманом, а за Барановым Камнем «льдины при каждом, так сказать, нашем шаге, становились больше и гуще, так что мы с нуждою и величайшею опасностью между них пробирались, ожидая ежеминутно, что сии громады раздробят наши суда»². Шли до 22 июля прогалинами между этими льдами и, когда они стали совершенно непроходимы, возвратились к Баранову Камню.

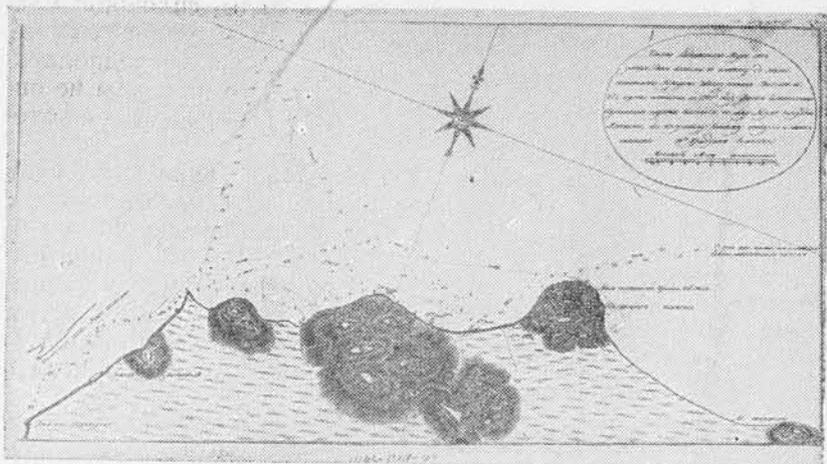
Биллингс, хорошо понимавший, что дальнейшее плавание угрожает гибелью всего экипажа и судов, созвал офицеров на совет. «По долгом советовании положено, наконец, оставить дальнейшия исследования относительно сего предмета до будущего плавания по Восточному океану, а тогда сделать еще покушение пробраться от Берингова пролива к западу»³.

Суда экспедиции возвратились в Нижнеколымск, где и были отданы представителям местной администрации. 29 августа весь состав экспедиции прибыл в Среднеколымск, 18 октября — в Зашиверск. Продвигались двумя отрядами, во главе которых были Биллингс и Сарычев. Все время стояли страшные морозы. «Счастливы мы, — писал Сарычев, — что в продолжение сего тяжкого пути никто из нас не занемог — в таком бедственном случае ни помощи, ни надежды к спасе-

¹ ЦГВИА, ВУА, д. 23739.

² Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... ч. 1. СПб. 1802. стр. 94

³ Там же, стр. 99.



Карта Г. А. Сарычева о плавании на восток от Колымы «Палласа» и «Ясашны».

нию ожидать было невозможно, и только смерть была единственным избавлением»¹.

Вокруг этого плавания сразу же после возвращения экспедиции в Петербург развернулись самые оживленные дебаты. Больше всех нападок делал на Биллингса В. Н. Берх, писавший: «Обсудим, вправе ли он (Биллингс.— А. А.) был прекратить путешествие 21 июля? Почему не следовало по одному направлению на север или восток...»². Иными словами, Берх нашел возможным обвинить Биллингса и заодно всех офицеров, участвовавших в совете, в нежелании предпринимать дальнейшие попытки, обвинить их в трусости. Вот что ему ответил сразу же Сарычев. Приведя дословно слова Берха, он написал затем: «Сею выпискою конечно любопытство читателя останется неудовлетворенным, и всяк, кто не читал подлинного описания сего плавания в книге моего путешествия, подумает, что капитан Биллингс по выходе в Ледовитое море, не встретил никаких препятствий, переходил с одного места на другое без всякой причины, и стоял на якоре по своему про-

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... М., 1952, стр. 91.

² В. Н. Берх. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. ч. 1. СПб, 1821, стр. 182—183.

изволу, сколько хотел; ибо г. Берх выпустил все затруднения и опасности от льдов, принуждавшие капитана Биллингса возвращаться назад и укрываться за мысом на якоре»¹.

Далее Сарычев приводит выписку из своей книги²: «Из сей выписки можно усмотреть, что К. (капитан.— А. А.) Биллингс употреблял все возможные усилия и многократные покушения пройти к востоку, но всегда непреодолимые препятствия от льдов принуждали его обращаться назад и по необходимости останавливаться на якоре у берега. Наконец, приступил он к совету с офицерами о возвращении, не прежде как уверившись совершенно в невозможности пройти далее за Баранов Камень. Посылал на оный, как выше сказано, штурмана для смотра, который по возвращении донес, что с самой высокой горы видел он по всему морю далее Баранова Камня, к востоку и северу, сколько его зрение простиралось, сплошь льды, и что никакого отверстия нет. После того сам капитан Биллингс с офицерами ходил туда, чтобы лично увериться в невозможности прохода, и нашел показание штурмана справедливым. Наконец, не взирая на все то, 20 числа июля употребил последнее усилие, и с обоими судами старался пробраться сколько возможно далее за Баранов Камень к востоку, но с великою опасностью принужден был возвратиться; ибо встретил непроходимые льды, из коих многие стояли неподвижно на 16 сажнях глубины столь твердо, что не можно было предполагать, чтоб ветры и течения когда-нибудь могли их сдвинуть с места. И так после всего онаго капитану Биллингсу не оставалось ничего более делать, как с совета своих офицеров возвратиться»³.

Достойная отповедь недругам и недоброжелателям!

НА КАМЧАТКУ

В середине ноября Биллингс прибыл в Якутск. Несколько позже там появился и отряд Сарычева. Трудями Х. Т. Беринга и якутских властей прибывшим было приготовлено все для заслуженного отдыха. Но время не ждало, и 19 декабря 1787 года Биллингс отправился в Иркутск. Он имел в виду

¹ Г. А. Сарычев. Письмо к издателю. «Сын Отечества», т. 61, кн. XIV, СПб, 1820, стр. 43.

² Там же, стр. 43—51. Соответствующее место в книге Г. А. Сарычева на стр. 84—97, ч. 1. (В письме сокращено).

³ Там же, стр. 51—53.

выполнение нескольких задач: форсировать доставку оставшихся припасов в Якутск, а оттуда в Охотск, сообщить о неудачном плавании и о дальнейших планах экспедиции. Кроме того, Биллингс рассмотрел на бесправное положение местных жителей, на безудержную их эксплуатацию и решил поднять свой голос в защиту чукчей и коряков.

Вскоре на этой почве между Биллингсом и иркутским губернатором И. Пилем стали возникать недоразумения, которые перешли затем в открытую вражду, а выступления Биллингса против мародеров-купцов, поддерживаемых губернатором, подливали еще больше масла в огонь. На Биллингса сыпался град доносов, клеветнических измышлений, адресованных в Петербург. Эти измышления и некоторые инсинуации, по-видимому, и явились причиной такой печальной и несправедливой исторической славы Иосифа Биллингса.

Из Якутска Сарычев выехал на устье реки Маи, чтобы построить там 50 лодок, удобных для перевозки грузов в Охотск, и выяснить условия плавания по реке. Он отлично справился с заданием и передал лодки Берингу. В Якутск Сарычев возвратился 12 июня 1788 года. Здесь он застал незадолго перед тем приехавшего из Иркутска Биллингса.

Биллингс умело расставлял подчиненных ему офицеров на ответственные места, ничего не упускал из-под собственного контроля, всюду поспевал сам. Так было и на этот раз. В Охотский порт, где строились суда, нужно было во что бы то ни стало перебросить огромное количество груза, снаряжения и различных припасов. Отправляя туда Сарычева, Биллингс дал ему задание описать побережье Охотского моря к югу от Охотского порта. Это задание Сарычев выполнил в 1789 году. Он сделал обстоятельную опись побережья от Охотска до залива Алдомы, сопровождавшуюся географическим исследованием этой части побережья. Он привел точные данные о рельефе прибрежной полосы, объяснил происхождение берега и прибрежных озер, собрал сведения о речной и озерной сети. В Алдоме Сарычев встретился с капитаном 1-го ранга И. К. Фоминым, производившим опись этого берега к северу от Удского порта.

Осенью 1788 года Биллингс сам побывал в Охотске. Непосредственный руководитель постройки капитан-лейтенант Р. Р. Галл успел к этому времени сделать набор одного судна, а другое только заложить. Отдав распоряжения относительно постройки судов, уверенный в своих офицерах, Биллингс снова отбыл в Якутск, так как многие предметы первой

необходимости для экспедиции были еще не отправлены в Охотск и это могло отсрочить экспедицию.

Обстановка в Охотске мало способствовала выполнению плана экспедиции. Охотский комендант полковник Г. А. Козлов-Угренин, а еще больше совестный судья И. Г. Кох, возмущенные своим поведением и крутыми мерами против себя все население Охотско-Камчатского края, не могли деятельно помогать экспедиции. Поэтому И. Биллингс решил ходатайствовать перед Адмиралтейств-коллегией о назначении в Охотск главным командиром честного, умного и справедливого капитана Т. И. Шмалева. Это еще более озлобило против него приверженцев Козлова-Угренина. Биллингс видел свою задачу не только в руководстве вверенной ему экспедицией. Он был представителем центральной власти, наделенным большими полномочиями, и считал своим долгом вмешиваться во все события на Крайнем Северо-Востоке России.

Ранним летом 1789 года Биллингс был снова в Охотске, где теперь сосредоточился весь состав экспедиции. В июне и июле было спущено судно «Слава России», командовать которым стал сам И. Биллингс, и «Доброе намерение» под командованием Р. Галла. Сарычев попал на «Славу России», а Беринг — на «Доброе намерение».

27 августа «Слава России» была благополучно выведена на Охотский рейд. 8 сентября начали выводить «Доброе намерение», но крайне неудачно. Нужно сказать, что мореплавателям в Охотском порту приходится нелегко. Расположен он в устье двух рек — Охоты и Кухтуя, стремительно несущих свои воды в Охотское море, и более или менее спокойный вход с рейда и выход на него возможен только во время отлива и прилива, амплитуда которого достигает 4 метров. В остальное время на бере при входе в устье бывает бурун, особенно сильный при ветре с моря. Фарватер, ведущий в устье, длинный (около двух километров) и узкий (не более двухсот метров). По сторонам его расположены плотные песчаные банки, величина и направление которых меняются после каждого шторма и в половодье.

«Доброму намерению» не пришлось поплавать по морям и океанам. Застигнутое буруном страшной силы, оно при выходе было брошено на отмель. Сарычев пишет об этом так: «Судно вдруг поворотилось боком и через минуту было уже на банке. Тогда сильный бурун с пенящейся засыпью, разбиваясь о судно, воздымался выше марсов и силою своею то ударял в дно и подвигал к берегу, то бросал с чрезвычайным

стремлением с боку на бок, отчего скоро сломило все мачты. При таком несчастном случае никакой помощи дать было невозможно¹.

Когда утих шторм, выяснилось, что «Доброе намерение» совершенно разбито. Для того чтобы не пропадало железо, судно сожгли. Часть личного состава перебралась на «Славу России». Туда перегрузили также все, что возможно. Основная часть команды «Доброго намерения» была оставлена в Охотске, чтобы впоследствии прибыть на рейсовом судне на Камчатку и строить там новое судно. Они же должны были доставить с «Доброго намерения» и все оставшиеся запасы.

Биллингс решил выйти в плавание на одном судне. Все приготовления и перегрузка были завершены в кратчайшие сроки, и 19 сентября «Слава России» вышла в свое историческое плавание. Ввиду позднего времени решено было, нигде не задерживаясь, идти прямо ко Второму Курильскому проливу, а оттуда в Петропавловск. Утром 22 сентября вахтенный увидел в правой стороне от курса землю. Когда подошли к ней, то оказалось, что это небольшой скалистый островок, ранее неизвестный и не нанесенный на карты. По имени святого того дня назвали его островом Св. Ионы.

Погода благоприятствовала дальнейшему плаванию, и 27 сентября судно было уже в районе Курильских островов. Биллингс решил осмотреть первые пять островов, а затем взял курс к Авачинской губе. 5 октября 1789 года «Слава России» стала на якорь в Петропавловской гавани.

Основанное В. Берингом в 1740 году селение Св. Петра и Св. Павла выглядело во времена Биллингса как провинциальный портовый поселок. В нем было 12 частных деревянных домов, казенные дома для армейского гарнизона, магазины, амбары, а также юрты местных жителей.

Сразу же стали готовиться к зиме. Для нижних чинов строили казарму, баню и кузницу. Судно разоружали, готовили к ремонту. 29 октября Биллингс в соответствии с данным ему указом объявил Сарычева, Галла и Беринга с 19 сентября, с момента выхода из Охотска, капитанами 2-го ранга.

Во время зимовки Биллингс и некоторые офицеры совершили путешествие по Камчатке, побывав в Большерецке и Нижнекамчатске, чтобы познакомиться с бытом местных жителей, условиями их жизни, а также с действиями местной

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... стр. 111.

1789 г. окт

Большая часть, которая пошла на ремонт суда
успешно еще была и не нашла работы
Судно и люди были в очень хорошем состоянии
Состояние его впрочем спорно по
Берингу, что очень неприятно было
в том же судне. — Во 11-м часу
было видно когда оно вышло
кормой из бухты; но поворотило
до востока в бухту и бурю
стало чрезвычайно опасно с тем
на то и битва скоро настало
Судно от мачты. — В 11-м
процарапал три дни из бухты
и бурю во время этой битвы
было, так что чрезвычайно опасно
во это время не было возможности
во бухту; и тогда в том судне
безопаснее было и поворотило
во очень много. — Во бухту
9-го числа к какому нашла
Состояние и видны его предположение
было. — некто сего от разбитого
судна бурю и видны
1. На три часа и пошла.
16-го числа, в бухту, местонахождение
в бухту с начала бухты от 20-го

Страница из журнала Г. А. Сарычева, относящаяся к гибели судна «Доброе намерение».

администрации. Центром Камчатки был Большерецк, вторым по значению — Нижнекамчатск, и от представителей власти зависел исход подготовки к выходу в море, в частности продовольственные вопросы. Чрезвычайно важным был вопрос о постройке нового судна в Нижнекамчатске взамен «Доброго намерения». Для непосредственного руководства строительством в Нижнекамчатск был послан тиммерман¹ Усков и отправлено все оставшееся от «Доброго намерения» железо и снаряжение.

Между тем в Петербурге в результате создавшегося международного положения и многочисленных нареканий со стороны сибирских властей и купечества судьба экспедиции была решена. В октябре вышел указ о прекращении действий экспедиции. В решении Адмиралтейств-коллегии (№ 3547 от 17 октября 1789 г.) записано: «По содержанию упоминаемого высочайшего указа флота капитану Биллингсу учинить точное и неперменное исполнение; о чем к нему с прописанием того послать указ с нарочным»². Нарочный не застал на Камчатке судов экспедиции Биллингса, и только поэтому она состоялась.

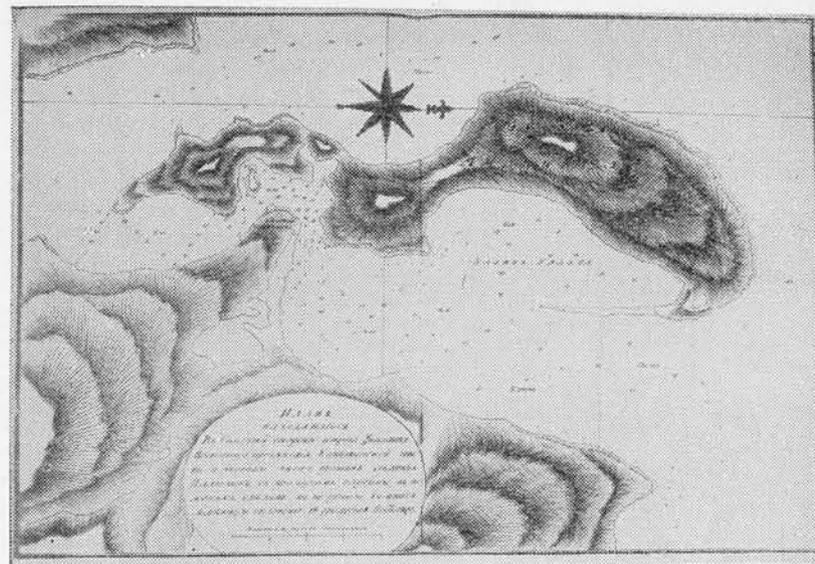
5 марта 1790 года Биллингс возвратился из поездки по Камчатке в Петропавловскую гавань. Судно было уже отремонтировано, началось его вооружение и погрузка продовольствия. К 1 мая работы были окончены, все перебрались на судно, которое было выведено из Петропавловской гавани. Осталось дожидаться попутного ветра.

ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН

9 мая 1790 года судно «Слава России» вышло в плавание по Восточному океану. Посовещавшись с офицерами, Биллингс решил прежде всего достичь берегов Америки и уже на обратном пути заняться подробным описанием Алеутских островов. Плавание проходило успешно. 23 мая подошли к первому из Алеутских островов — Амчитке и в дальнейшем шли все время в виду Алеутских островов. 3 июня у острова Уналашки стали на якорь для пополнения запасов воды и продовольствия. Биллингс поручил Сарычеву описать губу Бобровую (там стали на якорь), а натуралист доктор Мерк и его помощник использовали это время для наблюдений.

¹ Тиммерман — корабельный плотник, в данном случае — кораблестроитель.

² Материалы для истории русского флота. Ч. XIII, СПб, 1890, стр. 672.



План Капитанской гавани, составленный Г. А. Сарычевым.

Так как недалеко от Бобровой губы находилось селение Илюлюк, расположенное по берегам Капитанской гавани, где в свое время зимовал М. Д. Левашев с командой¹, Сарычев и Мерк пешком через горы отправились туда. Сарычев сумел в один день весьма подробно описать всю Капитанскую гавань.

«Я имел повеление, — пишет Сарычев, — осведомиться обстоятельно о худых с островитянами поступках некоторых русских промышленников, бывших здесь за два года прежде нас. Поводом к исследованию сего дела был донос сержанта Буйлова, находившегося при вышеупомянутых промышленниках на сих островах для сбора ясака»². Алеуты подтвердили правильность показаний Буйлова, и Сарычев «уверил островитян, что виновные промышленники за таковые грубые с ними поступки претерпят достойное наказание»³.

¹ М. Д. Левашев — помощник начальника экспедиции П. К. Креницына, возглавивший ее после смерти последнего — 4 июля 1770 года.

² Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... стр. 142.

³ Там же, стр. 143.

10 июня Сарычев и Мерк возвратились на судно. Продолжить плавание удалось только 17 июня, когда подул попутный ветер. С собой взяли трех наиболее опытных местных жителей, которые могли бы помочь при знакомстве с Алеутскими островами и их обитателями и умели говорить по-русски.

21 июня подошли к Шумагинским островам, но на них не высаживались. С островов прибыли на байдарках островитяне и один русский с зимовавшего в Исаноцком проливе промышленного судна. Биллингс воспользовался этим обстоятельством и отправил командиру промышленного судна строгий наказ: «ласково» обращаться с местными жителями.

29 июня при самом входе в гавань Трех Святителей на острове Кадьяке судно встретили представители русского селения, недавно основанного там Г. И. Шелиховым, во главе с правителем Е. И. Деларовым.

Биллингс и его спутники с любопытством осматривали первое постоянное селение русских на американском берегу. Биллингс хорошо знал Г. И. Шелихова; не один раз приходилось ему сталкиваться с этим упрямым, своевольным, умным рыльским купцом и мореходом. Сейчас он восхищался шелиховским творением. Правда, пока еще селение состояло из землянок, одного амбара и только двух изб, но Биллингс хорошо понимал, что идея Шелихова имела большое будущее, имела огромное значение для России. Время стоянки в гавани использовали для отдыха, ремонта, пополнения свежей водой и припасами, а Сарычев принялся описывать залив Ляхик.

Взяв с собой Деларова, чтобы доставить его в Кенайский залив, 6 июля «Слава России» отправилась дальше, к берегам Америки. 13 июля попрощались с правителем русских владений в Америке, который вблизи Кенайского залива перебрался в трехместную байдару и пошел к берегу. 19 июля стали на якорь у входа в Чугацкий залив вблизи острова Цукли.

Стоянка у острова затягивалась. Ждали прибытия Сарычева. Он появился 27 июля и, как всегда успешно выполнив задание, сообщил много любопытных сведений. Между прочим, он поинтересовался у местных жителей, имея в виду экспедицию Беринга, не к этому ли месту подходило первое европейское судно. Тогда один из «американцев» сказал Сарычеву, «что он слышал от своего отца о сем судне и что оно приходило не к Цукли, но к острову, называемому Каяк,

который от здешнего места лежит к востоку, на полтора дня езды, где американцы в летнее время обыкновенно промышленяют бобров»¹.

30 июля снялись с якоря и пошли на юго-восток вдоль берегов Америки. 3 августа были у острова Каяк. Здесь Биллингс, собрав совет офицеров, поставил один вопрос — о дальнейших действиях. Так как наступала осень и уже ощущался недостаток продуктов и свежей воды, единогласно было решено, нимало не мешкая, направиться прямо к Петропавловску. Туда должно было прийти из Охотска казенное судно со всеми необходимыми запасами.

Погода между тем портилась. Противные ветры задерживали продвижение и вредили кораблю. Так, 4 сентября всему экипажу причинил много хлопот сильный шквал, сломавший топ у фок-мачты и фор-стенгу. Стал заметно ощущаться недостаток в пресной воде. К 6 октября, когда до Петропавловской гавани оставалось еще 350 миль, на корабле было всего шесть с половиной бочек воды; в день выдавали по восемь чарок на человека. «Некоторые недостаток в воде сносили терпеливо, — пишет Сарычев, — но многие чрезвычайно мучились жаждою и для утоления оной держали во рту свинец. Несказанно радовались, когда шел дождь, тогда каждый старался собрать его всеми возможными способами»².

10-го увидели наконец долгожданный Шипунский мыс, а в ночь с 13-го на 14-е «Слава России» была на том же самом месте в Петропавловской гавани, откуда она ушла почти год назад. К этому времени из Охотска прибыл галиот со служителями «Доброго намерения» и продовольствием. Начались обычные приготовления к зимовке. Галл с командой был отправлен в Нижнекамчатск наблюдать за постройкой судна. 34 человека отправились на зимовку в Большерецкий острог, потому что в Петропавловске нельзя было сразу разместить так много людей.

Биллингс, Сарычев и Беринг ездили во время зимовки в Большерецкий острог, а весной все снова, за исключением нижнекамчатской команды во главе с Галлом и Берингом, деятельно принялись за снаряжение судна к дальнейшим

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... стр. 158. Позднейшими исследованиями точно установлено, что корабль Беринга был именно у острова Каяк, то есть «американец» говорил Сарычеву правду.

² Там же.

плаванием. В начале мая все было готово, и ждали только, когда гавань освободится ото льда. Если первое плавание в 1790 году можно было считать своего рода разведкой, то в 1791 году намечалось детальное описание большей части Алеутских островов, района Берингова пролива и северного берега Чукотки до устья реки Колымы.

Из Нижнекамчатска Биллингс получил от Галла известие об успешном строительстве судна «Черный орел». Но так как все намеченные сроки для спуска его на воду уже прошли, то Биллингс, отправив Галлу предписание следовать по готовности к Командорским островам, а затем к Уналашке, 16 мая 1791 года снялся с якоря и направился к Командорским островам.

27 и 28 мая были у «того места, где командор Беринг при возвратном пути из Америки, будучи в бедственном положении, принужден был пристать к острову, где и окончил жизнь свою. Мы очень сожалели, что нам не можно было съехать на берег посмотреть место, где погребен первый сей по здешним морям плаватель, и отдали долг праху его одним воспоминанием, вздохами о плачевной участи погибших с ним здесь соотчичей наших»¹.

Начиная с 4 июня и до конца месяца «Слава России» находилась в лабиринте Алсутских островов (от острова Атту до Уналашки включительно). Основная тяжесть гидрографических работ пришлась на долю Сарычева, который занимался этим делом, обходя на байдарках острова, вымеривая заливы, бухты, определяя астрономические пункты и т. д. Биллингс, командир судна, большую часть времени был на корабле, но тем не менее произвел несколько астрономических определений, сделал отдельные гидрографические съемки.

25 июня «Слава России» вошла в Капитанскую гавань на острове Уналашка. Местные жители объяснили, что Галл на «Черном орле» сюда еще не приходил. Его ждали две недели, а затем Биллингс распорядился направиться к северу, к Берингову проливу, но прежде решил осмотреть открытые в 1786 году штурманом Г. Л. Прибыловым острова, названные его именем.

В селении Илюлюк Биллингс оставил доктора П. Алегретти с одним из служителей. Для Галла было оставлено продовольствие, необходимое снаряжение и предписание о дальней-

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... стр. 170.

ших действиях. 8 июля «Слава России» снялась с якоря и 12-го подошла к одному из островов Прибылова, острову Св. Павла. Биллингс и Сырычев описали остров с судна.

14 июля подошли к островам Св. Матвея и осмотрели северный, малый остров. Сарычев так описывает посещение этого острова: «В 3 часа пополудни капитан Биллингс, доктор Мерк и я поехали на берег, и лишь только стали подъезжать к острову, как вдруг окружили нас в великом множестве морские птицы, которые, летая над нами взад и вперед, производили толь великий шум, что мы не могли слышать речей друг друга. Вышед на берег, разделились мы на разные дороги, чтоб удобнее было нам стрелять; иные пошли внутрь острова, другие по верху утесов, а некоторые по самому берегу; и стрельба наша была столь удачная, что привезли на судно довольно много разных морских птиц, большая же из них часть были ары»¹.

В ночь двинулись дальше и попали в густой туман, продолжавшийся несколько суток. 17 июля заметили, что глубина стала резко уменьшаться, почему и пришлось срочно становиться сначала на один, а так как он плохо держал, то и на второй якорь. 20 июля туман рассеялся, и все увидели в миле от корабля низменный берег острова Св. Лаврентия. 21-го на берег съезжали Биллингс, Мерк, Батаков и подмастерье Бакулин, которые пробыли там до вечера, но никакого селения не нашли. Обойдя остров с юга и тщательно описав его, снялись с якоря. Судно взяло курс к берегам Северной Америки.

28 июля увидели американский берег, а к вечеру стали на якорь неподалеку от мыса Родней и острова Следж (или Аяк). Биллингс, оставив на судне Сарычева и взяв с собой Мерка, Батакова и Воронина, сразу же отправился на берег. Это было первое посещение европейцами Северной Америки в районе Берингова пролива². Биллингс оставался на берегу двое суток. Он и его спутники были хорошо приняты местными

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... стр. 176.

² Биллингс не знал, что 11 июня там побывали И. Кобелев и Н. Дауркин. В Беринг во время 1-й Камчатской экспедиции не видел вообще американского берега. М. Гвоздев и И. Федоров, хотя и видели его, но не высаживались. И. Синдт во время своего плаванья не дошел до берега, а видел только острова в Беринговом проливе. Отдельные вершины на острове Св. Лаврентия, связанные низким берегом, принял за острова, поэтому на его карте их так много.

жителями. «Сии американцы,—передает Сарычев,—росту среднего, лицом смуглы, но некоторые из них есть и белокурые. Волосы они вообще все обрезают так, как якуты, с которыми несколько сходны, только расположением лица подходят ближе к европейцам. Вид имеют веселый и обещающий более откровенности, нежели те американцы, коих мы видели в Шугачской губе»¹.

Распровавшись с гостеприимными американцами, 31 июля снялись с якоря и пошли проливом между островом Следж и материком. 1 августа увидели прямо по курсу остров Кинга. Обойдя его справа на расстоянии двух миль, направились в Берингов пролив. На утро увидели первый из островов Гвоздева, а затем и остальные два.

4 августа были уже у входа в залив Св. Лаврентия. Здесь участники экспедиции повстречали чукчей и выяснили, что сотник И. Кобелев и казак-чукча Н. И. Дауркин ожидали здесь экспедицию до 26 июля вместе с оленными чукчами и вынуждены были уйти, потому что чукчи не соглашались больше ждать. Обо всем этом Кобелев написал Биллингу докладную записку, переданную через сидячих чукчей. Из распросов последних выяснилось, что Н. Дауркин находится недалеко, кочует с местным тойоном, оленним чукчей Имлератом Киреневым. К нему немедленно был послан нарочный.

К вечеру 5 августа Н. Дауркин и оленные чукчи Имлерата Киренева прибыли на 12 байдарках к месту стоянки «Славы России». Они вытащили свои байдары на берег рядом с судном и расположились под ними. Участники экспедиции услышали рассказы Дауркина и чукчей о плавании к берегам Америки на байдарках в июне этого же года².

После того как Биллингс принял решение исследовать Чукотку, он 13 августа сдал судно «Слава России» Сарычеву и написал ему инструкцию о дальнейших действиях следующего содержания: «Не ходя далее к северу, итти к Анадырской губе и, описав оную, продолжать путь к острову Уналашке, где взять оставленную для другого судна провизию и людей. А как сие воспоследовать может не ранее сентября, то в рассуждении позднего времени остаться зимовать на

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... стр. 180.

² О плавании Дауркина к берегам Америки см.: С. Г. Федорова. «Письмо на моржовом клыке». Ежегодник Государственного Исторического музея за 1958 год. М., 1960; А. И. Алексеев. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961.

Уналашке. На будущий год весною итти прямо к Камчатке и в Петропавловской гавани ожидать Биллингсова прибытия до половины июня месяца, но ежели тогда он не будет, то предпринять плавание, предписанное ему в XI статье наставления, к описанию моря между Курильскими островами, Японией и матерой землей Китая. Исполнив оное, оставить судно в Петропавловской гавани и с командою возвратиться на транспортном судне в Охотск»¹.

Выполняя это предписание, Сарычев на следующий день после ухода Биллингса снялся с якоря и направился вдоль берега Чукотки до Чукотского мыса, откуда взял курс на Уналашку. 29 августа «Слава России» была в Капитанской гавани, а 2 сентября произошла долгожданная встреча с «Черным орлом», которым командовал Галл. Оказывается, это судно повторило весь путь «Славы России», следовало за ней все время и, наконец, только здесь сумело его догнать.

Зимовали вместе, жили на судах. Во время зимовки выполняли статью XVII наставления начальнику экспедиции: «В бытность вашу на принадлежащей Российской империи местах осведомляться, как можно вернее, о числе мужеска полу обитающих там людей и положить основание к собиранию с них впредь ясака, или подати»². Сарычев и Худяков часто уходили в командировки описывать острова. Так как старшим в экспедиции после Биллингса был Галл, то 1 декабря 1791 года он вступил в командование «Славой России», а Сарычев принял «Черного орла».

Участников экспедиции на зимовке посетила страшная болезнь всех путешественников того времени — цинга. К концу марта заболело больше половины команды обоих судов, а 14 человек умерло. Во время зимовки были описаны острова Уналашка, Уникак, Саннах и мыс Алякса.

В первых числах апреля начались приготовления к выходу в море. На совете офицеров 15 апреля было решено «при следовании ныне в Камчатку сделать сей путь сколько можно полезным»³. Иными словами, решено было подробно описать Алеутские острова. 16 мая 1792 года оба судна вышли из гавани и в короткий срок успели описать острова от Уналашки до Атки. В конце мая суда потеряли друг друга из виду

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири... стр. 189.

² Там же, стр. 194.

³ Там же, стр. 219.

и до Камчатки добирались не вместе. 16 июня с «Черного орла» увидели Шипунский мыс, а 19 июня стали на якорь в Авачинской губе, в Петропавловской гавани, куда тремя днями раньше пришла «Слава России».

Теперь нужно было подумать об окончательном выполнении предписания Биллингса, касающегося описи Корейского (Японского) моря. Так как провизии оставалось мало, то решили заключительную часть экспедиции провести с одним судном и потому «Славу России» оставили в Петропавловске. Все лучшее вооружение перенесли с нее на «Черный орел». На «Славе России» с частью команды оставался Беринг. Он должен был сдать судно местному портовому начальству и после этого на одном из казенных судов направиться в Охотск.

15 августа «Черный орел» вышел из Петропавловска для описи Курильских островов, но сделать ее, как задумано было, не удалось. Ограничились описью с судна. «Мы хотели осмотреть обстоятельно сии острова, но скоро после полудня закрыл их от нас густой туман и продолжался беспрестанно следующие дни»¹, — писал Сарычев. По этой причине, а также и потому, что приближались осенние штормы, было решено отменить плавание по Японскому морю и направиться в Охотский порт.

18 октября стали на якорь в устье рек Охоты и Кухтуя и здесь узнали о благополучном окончании путешествия Биллингса по Чукотке.

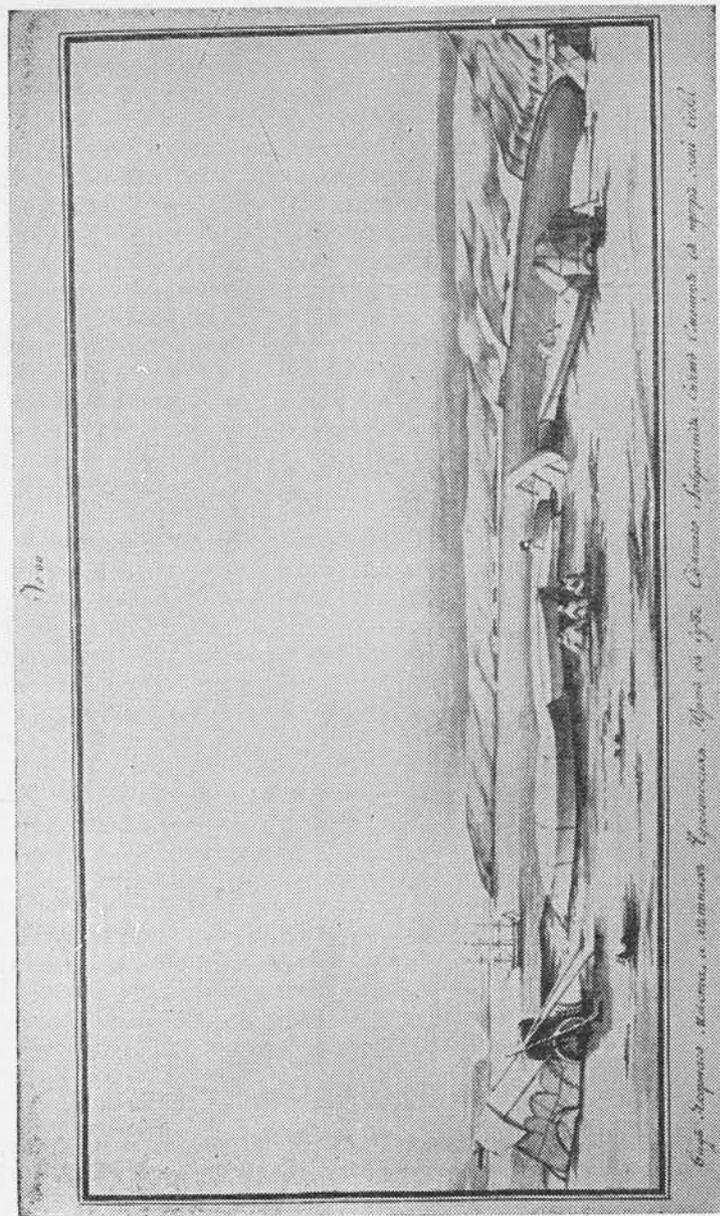
ПО ЧУКОТКЕ

Первоначально Биллингс хотел на «Славе России» отправиться вокруг Чукотского полуострова в устье реки Колымы. «Мы уже расположились отправиться для сего предприятия, — пишет Сарычев, — но приятели наши чукчи, которые беспрестанно кочуют около Ледовитого моря, уверили нас, что нет возможности на судах ходить по сему морю по причине множества льду и что они сами с нуждою на байдарках ездят подле самого берега и то не во всякое время»².

Печальный опыт Кука и Кларка, пытавшихся пройти этим путем, убедил Биллингса в бесполезности намеченного этапа экспедиции. Но в соответствии с инструкцией нужно было опи-

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие флота капитана Сарычева по северовосточной части Сибири... стр. 227.

² Там же, стр. 222.



Чукотские юрты в заливе Св. Лаврентия. Рисунок Л. А. Воронина.

сать северный берег Чукотки. Более того, Биллингс обязан был заботиться о сохранении мирных отношений с чукчами, об укреплении русской государственной власти на Чукотке, и он принял решение отправиться вдоль берега на байдарках вместе с чукчами.

11 августа 1791 года Биллингс послал вперед отряд под начальством сержанта геодезии Алексея Гилева описывать берег Чукотки до Колючинской губы, а 12-го — Александра Батакова в губу Св. Лаврентия для описи и промера. В связи с таким решением изменился несколько и план. «Главной целью путешествия было знакомство с чукотским народом и с тем, чтобы склонить его к переходу в русское подданство»¹. Биллингс решил путешествовать по суше. Это весьма смелое решение говорило о храбрости Биллингса, о его готовности пожертвовать своей жизнью для выполнения наказа русского правительства. В спутники себе он выбрал доктора Мерка, его помощника Мейна, штурмана Батакова, лекаря Леймана, рисовальщика мастера Воронина, толмача Дауркина и трех служителей с судна.

Сдав 13 августа «Славу России» Сарычеву, Биллингс на 15 чукотских байдарках отправился к Мечигменской губе. 15-го к экспедиции присоединился штурман Батаков, выполнивший опись губы Св. Лаврентия. Чтобы добиться расположения у местного оленного тойона Имлерата и двигаться вместе с ним по Чукотке, Биллингс подарил ему «5 пуд табаку, 3 пуда стеклянных пронизок, 2½ пуда железа, наковальню, большой молот, два топора, 10 напилков и разных мелочных вещей, как-то: ножей, ножниц, зеркал, игол и прочаго»².

26 августа на 30 санях вместе с чукчами отряд Биллингса тронулся в путь. Перед выходом в шатре Имлерата было большое празднество, посвященное предстоящему походу. Кроме 30 саней Биллингса и его спутников, в поезд входило 126 саней чукчей. В пути оленями управляли женщины. На санях никто не сидел, все шли пешком по болотистой местности, покрытой мхом, среди которого кое-где показывались ягоды морошки, брусники. Замыкал шествие штурман Батаков, измерявший и наносивший на карту путь следования. Путешествие затруднялось тем, что чукчи совершенно не принимали во

внимание расчеты путешественников и останавливались там, где им хотелось.

4 сентября произошла встреча отряда Биллингса с чукчами, прибывшими из других мест. «В числе приехавших чукоч находились два человека из жителей Гвоздевых островов, бывавших многократно на Американском берегу; они сказывали, что там есть много селений, и насчитали их поименно 18 до острова Аяка. На половине сего расстояния находится губа, называемая Эмягра, величиною с Мечигменскую губу; в оную впадает немалая река, именуемая Хеуверен»¹. В дневнике Биллингса постоянно встречаются такие записи, как: «чукчи продвинулись вперед только на две версты и опять остановились». Эта медлительность раздражала путешественников, но они не были вольны что-либо сделать. Все усвоили образ жизни чукчей, ходили одетыми так же, как и они, а в долгие вечера сидели раздетые в жарко натопленных юртах-чумах, наблюдали за обрядами чукчей.

4 октября прибыл в отряд сотник Кобелев с 20 чукчами старшины Пагранчи. Биллингс с Мерком на следующий день выехали в стан Пагранчи, находившийся неподалеку от Колючинской губы. Сарычев отмечает, что сразу после отъезда положение оставшихся ухудшилось, и объясняет это неудовольствием «толмача Дауркина и старшины Имлерата на капитана Биллингса за то, что он оставил их и показал более доверенности к Кобелеву и Пагранчи, нежели к ним»².

8 и 9 октября прошли «кипящие на небольшой горе, два котла незамерзающей воды, из которых течет ручей, вода до 50 сажень не замерзает, а далее разлился наледями»³. 10-го вышли на реку Югней, пересекли ее и 14 октября на левом берегу речки Кальювье встретились с Гилевым. Он доложил Биллингсу в стойбище Пагранчи о своем замечательном путешествии на байдаре от губы Св. Лаврентия до острова Колючин вокруг мыса Дежнева.

Продолжая путешествие, добрались до противоположного берега Колючинской губы и пошли далее берегом реки Югней, откуда 19-го вышли на реку Ильгун, затем Чемиги. Здесь было много оленных чукчей и среди них чукчи Пагранчи, с которыми кочевали тогда Биллингс и сотник Кобелев. Имлерат потребовал, чтобы не он один содержал русских, а каждая группа чукчей взяла к себе по одному русскому. Все присут-

¹ М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1, М., 1956, стр. 430.

² Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога... СПб, 1811, стр. 10.

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса... стр. 20.

² Там же, стр. 26.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23476.

ствовавшие согласились с этим и объявили о своем решении Биллингсу, «который одобрил оное, обласкал их подарками и, разделя всех своих спутников, поручил их 7 старшинам»¹.

29 октября перешли на речку Воарень. Здесь чукчи оставили свои табуны на зимовку. Простояли два дня, в течение которых готовили оленье мясо и ставили зимние юрты. 2 ноября пошли дальше, уже значительно облегченные. «Каждый взял с собой только одну жену, одного сына или дочь, теплую палатку где спать, несколько оленей, как езжалых для упряжки, так и небольшое число молодых на убой, при случае недостатка пищи»².

Перейдя речку Воарень, путешественники следовали сначала ее долиной, затем пересекли несколько небольших озер и мелких речек. Повсюду из растительности видели только мелкий гальник и изредка ивняк. 17 ноября пришли на речку Амгуянь, при которой «довольно растет крупного талника а выше находится олховник»³. Погода стала портиться: 15-го и 17-го были сильные морозы — до 34 градусов с метелями. Из-за метелей во время стоянок пропало много оленей. Отыскать их так и не сумели. 20 ноября выяснилось, что только благодаря старшинам участники экспедиции остались живы. Несколько дней назад группа молодых чукчей собралась было убить путешественников, но старшины сумели их отговорить.

25 ноября стали свидетелями жестокого обычая чукчей. Одна старуха тяжело болела и, боясь быть в тягость родным, просила себя умертвить. «Желание больной было исполнено, и в то же время ее закололи ножом против самого сердца, потом связали ремнями, оставя в том же платье, в каком была, положили на санки, подослав под головы сухих ивовых ветвей, привязали к ней ножик, кроильную дощечку и иголки с нитками, повезли на верх ближней горы, где и сожгли ее со всем при ней бывшим»⁴.

Морозы становились все более жестокими. Водка давно превратилась в лед. Из трех фунтов ртути, которая необходима была для метеоприборов, половина замерзла и стала твердой, а по ней перекачивалась незамерзшая ртуть. Путешественникам, находившимся на воздухе беспрестанно в течение шести часов в сутки, было нелегко. «Какого нам было сносить жестокость морозов?» — восклицал Биллингс. 7 декабря вы-

¹ Г. А. Сарычев Путешествие капитана Биллингса... стр. 34.

² Там же, стр. 37.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23476.

⁴ Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса... стр. 42.



Оленные чукчи.

шли к пади Чаунской, по которой лежит ближайшая дорога на реку Чаун; пересекли верховья рек Екехта, Рыркарпий и 13 декабря встретили первые юрты оленных чукчей, а 15-го — юрты чаунских оленных чукчей.

Новый, 1792 год начался северным сиянием. Морозы удерживались, ветры поутихли. Путешественники находились в верховьях речки Хват. 9 января пересекли речку Пахлю, а 12-го вышли на реку Елькан, или Еловку. Здесь услышали от чукчей, что на устье ее за несколько лет перед тем они «зимою нашли палатку, покрытую парусами, и в ней много человеческих трупов, съеденных песцами, так что остались одне их остовы; тут же в палатке найдены образа, котлы медные и железные со многими другими вещами, что все чукчи разделили

по себе»¹. Сарычев пишет, что это, вероятно, были останки спутников Н. П. Шалаурова, погибших в 1764 году.

О месте гибели Н. П. Шалаурова и его спутников писали многие путешественники и историки. Первые сведения об этом в печати появились в первой половине XIX века. Ф. П. Врангель со слов своего товарища Ф. Ф. Матюшкина, лицейского друга А. С. Пушкина, сообщил, что «к востоку от устья Веркона находятся остатки хижины», построенной русскими, спасшимися с разбитого здесь корабля. Чукчам эта хижина была хорошо известна, и они рассказали о ней Матюшкину. Тот съездил, осмотрел ее и сделал предположение, что это остатки последней зимовки Шалаурова и его спутников. Поскольку река Верконь впадает в море к востоку от Шелагского мыса, то и было решено, что Шалаурову удалось его обогнуть. В дальнейшем писали по этому поводу Г. Майдель (1893) и в советское время О. М. Медушевская, М. И. Белов, М. Б. Черненко и В. И. Греков. Коснулся этой темы также и М. Соур.

В 1954 году М. И. Белов на основании обнаруженной им записи в дневнике И. И. Биллингса сделал вывод, что Шалауров не обогнул Шелагский мыс и погиб на устье реки Елькан, впадающей в Чаунскую губу. Такой вывод было трудно не сделать, так как Биллингс прямо об этом написал в своем дневнике: «Чукчи сказывали нам,— писал Биллингс,— что несколько лет тому назад нашли на устье сей реки (Елькан, или Еловка.—А. А.) в зимнее время избу, покрытую парусиной, и что в той избе было множество костей человеческих и что те остовы принадлежали промышленникам российским Шалауровой компании, которых судно тут зимовало»².

Эта точка зрения получила широкое распространение и отразилась в литературе последних лет. В частности, в «Атласе истории географических открытий и исследований», выпущенном в 1959 году, место гибели Шалаурова указано в Чаунской губе и маршрут его последнего плавания не проведен за Шелагский мыс. Повторена эта версия и в таком фундаментальном издании, как «Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.» (издательство «Наука», 1964, стр. 90 «Комментариев к картам»).

М. Б. Черненко, занимавшийся изучением походов И. Кобелева, полностью согласился с выводами М. И. Белова: «Это

¹ Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса... стр. 48.

² М. И. Белов. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова. Географический сборник, III, 1954, М.—Л., стр. 177.

важное сообщение Биллингса, подтвердившее, что экспедиция Шалаурова погибла в Чаунской губе, а не восточнее Шелагского мыса, несомненно, получено через Кобелева, в дневнике которого находка зафиксирована за год до путешествия Биллингса»¹.

Были, правда, и другие мнения по поводу места гибели Н. П. Шалаурова и его спутников. О. М. Медушевская прямо указывала на основании архивных документов, что Шалауров погиб в устье реки Веркунь. В свете ее выводов В. И. Греков анализировал этот вопрос, но, по существу, оставил его открытым².

Совершенно неопровержимое, на первый взгляд, свидетельство Г. А. Сарычева и И. И. Биллингса, переданное М. И. Беловым, оказалось ошибочным. При анализе фактов, связанных с обстоятельствами и местом гибели Шалаурова и его спутников, выяснились любопытные подробности. Прежде всего нужно сказать, что Биллингс был почему-то настолько убежден в правильности сведений, полученных им от местных жителей, что даже не проверил их на месте. Никто из отряда Биллингса не ездил на устье реки Елькан для проверки показаний чукчей. Тем не менее Биллингс занес это предполагаемое место на свою карту и сделал на ней соответствующую надпись³. Как же обстояло дело в действительности?

Выяснить это помогают документы из архива внешней политики России. 11 декабря 1766 года командир Анадырского острога капитан Я. М. Пересыпкин прислал охотскому командиру рапорт, в котором сообщал следующее: «...в бытность де ево Пересыпкина при урочище Чекаеве для збору с волно приходящих в Российское подданство чукочь ясака и промыслу аленей того ж году 25 числа августа (1766 год.—А. А.) аленной чукоцкой старшина Петунин Киргинтов скаскою объявил. Оного де 766 года летом известился он Петунин от живущих в самом Чукоцком носу пеших чукочь, а те де чукчами, живущими в северной стороне при реке Чауне. Чукчи ж объявили, прошедшаго да 1765 году лега от той реки Чауна к северо-востоку при реке (называемой ими) Веркуне, а жительствующия на самом устье оной чукчи в проезд свой для

¹ М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. «Летопись Севера», т. II, М., 1957, стр. 130.

² В. И. Греков. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960, стр. 193—194.

³ ЦГВИА, ф. ВУА, № 23476.

промыслу зверей усмотрели стоящую при том устье ис холста полатку. То де остановясь хотели знать какия из оной люди выдут, а как де по немалому времени никого усмотреть не могли, то де принуждены были в тою полатку стрелять, чтоб тем к выходу встревожить. Но и потому никто не выходил. Тогда де подошед и увидели во оной мертвья человеческия тела, коих де было сорок человек в суконной и холщевой одежде и при бедрах по небольшому ножу, а притом де имелось же и до шестидесяти ружей, также несколько в лядунках пороху и свинцу, копей троюгранных сорок, то ж немало было топоров, куб большой медной один. Да вверху де той же реки Веркуни (т. е. в верховьях реки.— А. А.), а при каком урочище не знают, живущими при Чаунской губе чукчами найдены копанья в земле ямы, в кои кладены были мертвья человеческия ж тела, а около де тех ям стояли ж на ратовьях дватцать железных копей (по коему числу думать можно, что столко человек было), да при раскладываемом де при той же полатке огниче лежали ж мертвых два человека...» Г. И. Шмалев, со слов которого мы передаем данный документ, приписал к нему: «Слых носился чрез верноподданных коряк, когда Шалауров с работными вышел на берег, то чукчи пришли к ним под видом ласковости и якобы из усердия в приветствие и тем русским людям принесли для пищи ягод, называемой морошки, кою они от начавшейся цынги вскоре все есть стали, а как де во оные ягоды те чукчи намешали лютика травы ядовитой соку, то зделалось к великому вреду и явной гибели, от чего они заболели и в кратком времени примерли, а оставших болных же прибили. И якоб видя такое приключение из работных двое на судно бросились, конат отрубя в море судном отвалили, но после может опять прибило и судно до основания розбило, как то из репорту прапорщика Леонтьева с товарищи видно, что часть судна отыскана близ Колымского устья по западную сторону. Они ж чукчи при реке Анадыре при торгах с российскими променивали ис платья суконья епанчи, камзолы, медныя чернильницы и протчия им чукчам ненадобныя вещи»¹.

Из этих документов ясно, что спутники Шалаурова погибли при устье реки Веркунь, а не Элькан. Надо думать, чукчи правильно говорили об этом и Биллингсу, но он допустил ошибку, перепутав названия рек. Надо иметь в виду, что в том месте, где проходил по Чукотке маршрут Биллингса, река

Кувет, или Хиват, впадающая в реку Веркунь, сама река Веркунь, а также река Элькан, или Еловка, очень близко подходят друг к другу. Устье реки Веркунь, или Верконь, через тройной перевод (чукотский—русский—английский) легко было переделано в устье реки Элькан.

То, что чукчи говорили Биллингсу именно о реке Веркунь, подтверждает и следующая подробность, на которую не обратил внимания М. Б. Черненко. Путешествовавший по Чукотке сотник И. Кобелев записал в своем дневнике 14 марта при переезде реки Хиват: «на устье оной купца Шалаурова судно льдами разбило, и люди от гладу все померли на самом том устье»¹. Да, действительно, Кобелев за год до Биллингса определил место гибели Шалаурова и его спутников, но не в Чаунской губе, а на устье реки Веркунь.

Обстоятельства гибели Шалаурова рисуются в таком виде. «Вера, Надежда, Любовь» летом 1764 года прошла мимо Чаунской губы и обогнула впервые после похода Ф. А. Попова и С. И. Дежнева Шелагский мыс. Здесь судно было затерто льдами и прибито к берегу. По примеру прошлых зимовок Шалауров построил избу, в которую перешла жить часть экипажа судна. Какая-то часть ушла со стоянки, намереваясь, вероятно, достичь Нижнеколымска, так как в документах говорится, что чукчи нашли мертвых русских также и в одном из урочищ в верховьях реки Веркунь. Вполне возможно, что это было и при устье реки Элькан. Отсюда и путаница. Зимовка была тяжелой. Все умерли от голода. Ни один из участников этого похода Шалаурова не остался в живых. Но погибли они, пройдя Шелагский мыс.

Более полутора веков прошло с тех пор, как Иосиф Биллингс нанес на карту и записал в свой дневник ошибочные сведения о месте гибели Шалаурова. Почти столько же лет записки Биллингса хранились в архивах. Став достойным широкой научной общественности, они невольно умаляли значение последнего похода Шалаурова. Но, к счастью, Биллингс ошибался. И без особого труда его ошибку сейчас, спустя столько лет, можно поправить: «Вера, Надежда, Любовь» обогнула Шелагский мыс.

18 января отряд Биллингса вышел на реку Чаун, «в которой довольно имеют промысел рыб чирь, нелмы и налимы», и пошел по притоку Умрелкаль. 21-го чукчи зарыли большую

¹ М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. «Летопись Севера», т. II, М., 1957, стр. 130.

: АВПР, ф. 339, оп. 888, д. 5, лл. 56 об-57.



Езда чукчей на оленях.

часть припасов для того, чтобы воспользоваться ими на обратном пути. В конце января пересекли хребет, за которым началась земля коряков, и 1 февраля вышли на речку Геу — приток Сухого Аноя.

Мелкий лиственничный лес при впадении Геу в Сухой Аной перешел в густой, и здесь впервые за время путешествия отряд встретил несколько юрт коряков и юкагиров. 10—11 февраля прошли большую горную цепь, служившую водоразделом, и вышли на речку Орловку — приток Большого Аноя, где на правом берегу стояли чукчи с табунами. На противоположном берегу против впадения в Большой Аной реки Ангарки стоял Ангарский острожек. Путешествие было окончено. Отдохнув четверо суток в острожке, одарив чукчей, Биллингс и его спутники простились с ними и переместились в Нижнеколымск, а оттуда 26 апреля пришли в Якутск.

Путешествие Биллингса по Чукотке было очень трудным не только из-за сильных морозов. Отряд находился в полной зависимости от чукчей, которые имели возможность присваивать вещи участников похода и даже распоряжаться их жизнью. Не случайно, что когда Биллингс, англичанин по

рождению, прибыл в Верхнеколымский острог, то, «увидев церковь, остановился, поднял голову к небу и начал креститься по-русски»¹.

По поводу путешествия Биллингса по Чукотке существует, к сожалению, множество кривотолков. Началось все с того, что И. Ф. Крузенштерн написал о назначении Биллингса начальником экспедиции: «Между офицерами российского флота находились тогда многие, которые, начиная, могли бы совершить сию экспедицию с большим успехом и честью, нежели как то сим англичанином. Все, что сделано полезного, принадлежит Сарычеву, толико же искусному, как и трудолюбивому мореходцу. Без его неусыпных трудов в астрономическом определении мест, снятия и описания островов, берегов, проливов, портов и проч. не приобрела бы, может быть, Россия ни одной карты от начальника сей экспедиции»². Это высказывание И. Ф. Крузенштерна было опубликовано уже после смерти И. И. Биллингса, то есть в 1809—1812 годах. Видимо, и сам Крузенштерн не осмелился говорить такое при жизни мореплавателя. В 1819—1821 годах В. Н. Берх тоже нелестно отзывался об экспедиции Биллингса.

В советское время Н. Н. Зубов писал: «Совершенно непонятен также нижеследующий факт. Биллингс, будучи начальником морской научной экспедиции, дойдя до Берингова пролива, бросает свои корабли, отправляется в путешествие по Чукотке и потом в Россию, а в это время его корабли остаются на зимовку у Алеутских островов и производят важные гидрографические работы»³. М. Б. Черненко, анализируя деятельность сухопутного отряда экспедиции, который возглавлял Биллингс, не соглашался с Н. Н. Зубовым в оценке роли Биллингса в путешествии по Чукотке. Он писал, что «Биллингс и его отряд вполне успешно выполнили возложенные на них задачи»⁴.

Но лучше всех защитил Биллингса его ближайший помощник Г. А. Сарычев, полемизируя с В. Н. Берхом. Здесь необходимо сделать небольшой экскурс назад. Справедливости ради следует отметить, что даже и Сарычев в различных

¹ «Современник», том 34, № 7, СПб, 1852, смесь, стр. 12.

² И. Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света... 1950, стр. 8.

³ Н. Н. Зубов. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954, стр. 129.

⁴ М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. «Летопись Севера», т. II, М., 1957, стр. 127.

условиях по-разному говорил о фактах, предшествовавших походу Биллингса по Чукотке. В своей книге, пространную выписку из которой приводит Сарычев в «Сыне Отечества», он рассказал, что Биллингс уже приготовился идти морем к Колыме, но потом чукчи убедили его не делать этого; плавание же капитана Кука служило тому надежным доказательством. «Таковые причины вынудили капитана Биллингса переменить прежний свой план; он решил сам с малым числом из нашей команды ехать с чукчами берегом, кругом Ледовитого моря и описать Шалацкой нос; на сей конец уговорили Чукотского Тоена Имлерата Киренева, чтобы он согласился на своих оленях доставить его в Нижне-Колымской острог»¹. Напомним, что так писал Сарычев еще при жизни Биллингса.

Когда же Биллингс умер и когда уже появилось приведенное высказывание Крузенштерна, Сарычев об обстоятельствах, предшествовавших походу Биллингса по Чукотке, писал несколько по-другому. «Тщетно старались прочие офицеры отвратить Капитана Биллингса от сего неосновательного предприятия, представляя, что ему, как начальнику, не должно оставлять главную цель экспедиции для частного и не важного дела, которое может исполнить один из подчиненных ему офицеров». И далее: «Капитан Биллингс, не внимая сему, решил непременно ехать»².

Второе высказывание Сарычева, как видно, и породило

¹ Г. А. Сарычев. Письмо к издателю. «Сын Отечества», т. 61, кн. XIV, СПб, 1820, стр. 56. Приведем здесь полностью статью ХХII инструкции в части, касающейся данного вопроса (стр. 184 «Путешествия капитана Биллингса»): «Ежели бы в первой вашей экспедиции на Колыме не так удостоверились вы, что всякое вновь предприятие об оном было бы безуспешно, а найдете однакож, что проход морем до Колымы на больших судах совершенно невозможен, по причине льдов, то в таком случае можете вы, окончив предписанное вам на Восточном море и около Америки, поискать гавани на Чукотской земле, и если то с успехом сделать будет можно, сошед на берег, возьмите с собой надобное число служителей и инструментов; и имеете приказать командирующим на судах, после назначенного от вас времени для обождания вас: (еслили разсудите их тут несколько продержать:) возвратиться в Камчатку, а оттуда в Охотск, где они будут ожидать от вас дальнейших повелений; и еслили не будут препятствовать плаванью вашему подле берегов льды, то можете вы взять с собою гребные суда, оставив однакож и при больших мореходных судах нужное число, или же построить там байдары из приготовленных прежде материалов, с помощью которых иногда берегом, иногда подле онаго водою, постарайтесь дойти до реки Колымы, полагая на карту путь свой и делая нужные наблюдения наипаче для означения того, что еще остается несовершенным на картах».

² Г. А. Сарычев. Путешествие капитана Биллингса... СПб, 1811, стр. 3—4.

мнение, что Биллингс покинул свою экспедицию, что он больше любил путешествовать по суше и прочее. В «Сыне Отечества» Г. А. Сарычев отказался от этого высказывания. Сославшись на выписку из своей книги, он написал: «Из сей выписки и всяк увидит, что капитан Биллингс, кроме уверения от чукчей, имел весьма достаточную причину (тяжелые льды.— А. А.) переменить прежнее свое предположение (идти морем в Колыму.— А. А.) и поступил в сем случае согласно данному наставлению из Адмиралтейств-коллегии ХХII статьи»¹.

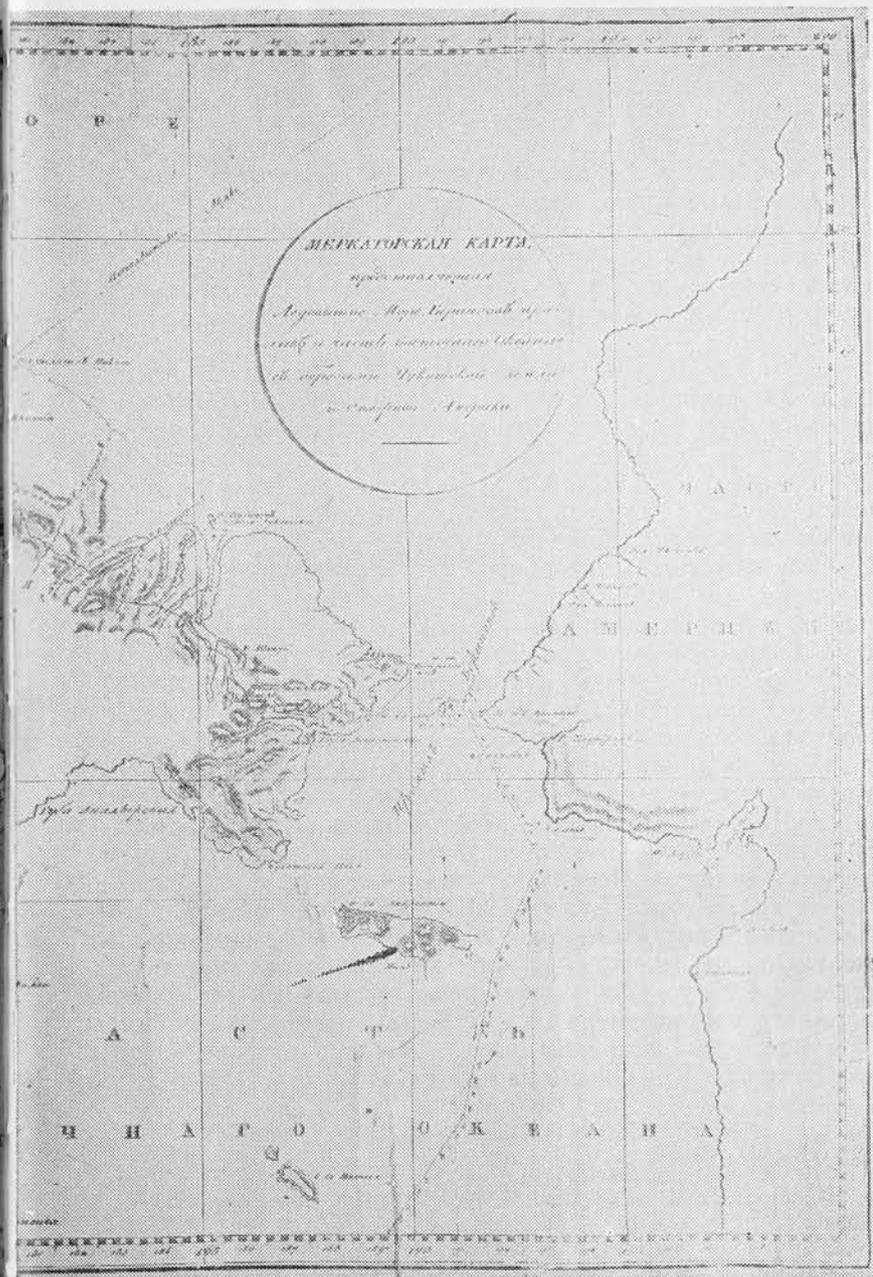
Вне всякого сомнения, Биллингсу поручалось обследовать Чукотку, чтобы установить дружественные отношения с «немирными» чукчами. Он поступил так, как должен был поступить начальник экспедиции. В данном случае интересы научные, интересы морских исследований отодвигались на второй план по сравнению с интересами государственными, политическими. «К этому надо добавить,— совершенно справедливо заметил М. Б. Черненко, — что исход экспедиции Биллингса сыграл немалую роль в выработке той правительственной политики, которая определила новый этап во взаимоотношениях государственной власти с «немирными чукчами»².

Биллингсу иногда ставят в вину, что он мало занимался научными вопросами, астрономическими определениями и гидрографическими исследованиями, что он не оставил описания своей экспедиции. Такие обвинения ничем не обоснованы. Биллингс занимался научными исследованиями всегда, когда это представлялось ему как начальнику экспедиции возможным. Он составил первую карту внутренних районов Чукотки, по крайней мере 12 карт и планов различных мест, где побывала экспедиция. Что же касается описания, то известно много случаев, когда начальники экспедиций не составляли книг-отчетов. Достаточно вспомнить кругосветные плаванья М. Н. Васильева на шлюпе «Открытие» и Г. С. Шишмарева на шлюпе «Благонамеренный».

Каким гневом дышали слова Сарычева в «Сыне Отечества», когда шла речь о чести Биллингса — его командира. Эти слова характеризуют прежде всего самого Сарычева, как честного, гуманного человека и большого патриота. Он пишет в заключение своего письма, что Берх «позволяет себе упот-

¹ Г. А. Сарычев. Письмо к издателю. «Сын Отечества», т. 61, кн. XIV, СПб, 1820, стр. 56.

² М. Б. Черненко. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. «Летопись Севера», т. 11, М., 1957, стр. 127.



Карта Чукотки

с маршрутом похода И. И. Биллингса.

реблять не только насмешки, пристрастные суждения и заключения, но и старается еще помрачить память капитана Биллингса, выставляя его незнающим и нерадивым в исполнении порученного ему дела. Но поверит ли сему тот, кому известно, что дела капитана Биллингса по его экспедиции рассматриваемы были в Государственной Адмиралтейств-коллегии? Ежели бы найдено было какое-нибудь с его стороны нерадение или упущение, то великая и мудрая Екатерина не наградила бы его по окончании экспедиции — сверх прежде пожалованных чинов и полного пенсiona — еще орденом Св. Владимира 3-й степени и при отставке чином капитан-командора?»¹.

А о Сарычеве М. Соур отзывался так: «За исключением капитана Биллингса Сарычев был единственным морским офицером на борту, и я могу утверждать, что он был единственным моряком-ученым в нашей экспедиции: джентльмен, который обладал той скромностью, которая является всегда спутником заслуг, с исключительно обостренной чувствительностью, утонченной истинным чувством чести»².

Этим и хотелось бы завершить многолетний спор о роли Биллингса и Сарычева в экспедиции. Биллингс как начальник экспедиции ревностно исполнял все возложенные на него обязанности. Главными были, разумеется, задачи политического характера: распространять и закреплять русское влияние в отдаленных владениях. Биллингс гуманно относился к местным жителям, чем можно, помогал им, разбирал их жалобы. Этим он заслужил ласковое к себе отношение и приобрел много врагов среди представителей русской государственной власти на Дальнем Востоке, а через них и в Петербурге. Как мы уже говорили, Биллингс занимался и научно-исследовательской работой. Честное отношение к порученному делу — характерная черта Биллингса. Вместе с тем он проявил себя неплохим организатором, благодаря чему экспедиция, действовавшая на таких огромных пространствах и такое длительное время, успешно справилась с заданием. Имя Иосифа Биллингса увековечено на карте мира: мыс на Чукотском берегу в Восточно-Сибирском море и мыс на острове Акун в группе островов Креницына названы в его честь.

¹ Г. А. Сарычев. Письмо к издателю. «Сын Отечества», т. 61, кн. XIV, СПб, 1820, стр. 57.

² Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia... London, 1802, стр. 231. Перевод Е. С. Колбродовой.

Колоссальную работу по гидрографическому исследованию посещенных экспедицией районов проделал Сарычев. Одно время до 2 сентября 1791 года, то есть до встречи с Галлом, он возглавлял экспедицию. Сарычев обработал и издал материалы экспедиции, написал основополагающий труд по гидрографии. Он первый произвел раскопки на месте древнего стойбища шелаг во время плавания в 1787 году на «Ясашне». Сарычев был мореплавателем, гидрографом, этнографом, даже археологом и вместе с тем блестящим организатором и крупным общественным деятелем.

Это был один из талантов земли русской, которые светом своих идей и делами приумножали славу России в веках. Именем Сарычева названы многие географические пункты. Труды его переведены на иностранные языки, а «Путешествие» переиздано и в советское время. История русской географической науки, история отечественной гидрографии, так же как и история географического изучения Северо-Востока Азии, Аляски и северной части Тихого океана, неотделимы от «почетного россиянина» Гавриила Андреевича Сарычева.

После окончания экспедиции Биллингс был переведен на Черноморский флот, которым командовал тогда выдающийся русский флотоводец адмирал Ф. Ф. Ушаков. За время экспедиции И. Биллингс 8 августа 1785 года был произведен в капитан-лейтенанты, 20 июня 1787 года — в капитаны 2-го ранга и 21 июля 1790 года — в капитаны 1-го ранга.

По прибытии в Севастополь Биллингс был назначен командиром на фрегат «Святой Андрей». С 30 сентября 1796 года по 24 февраля 1797 года он находился в служебной командировке в Петербурге. Долго командовать фрегатом Биллингсу не пришлось, так как по распоряжению Черноморского адмиралтейского правления с 4 июня по 21 августа того же года он на бомбардирском судне «Рождество Богородицы» занимался гидрографической описью Черного моря в районе Севастополя, у берегов Таврии и южных берегов Крыма — от Севастополя до Еникале, Тамани и устья реки Кубани.

Возвратившись в Севастополь, Биллингс до 10 марта 1798 года снова командовал фрегатом «Святой Андрей», а потом принял построенный в Херсоне корабль «Святой Михаил»: Но уже 11 мая на корабле «Рождество Богородицы» продолжал работы по описанию района от Севастополя к Тендре, Очакову, Одессе, устью реки Днестра до города Овидеополя и обратно к Тарханкуту, Кезлову, а оттуда возвратился в Севастополь.

В личном деле есть указание, что он там не принимал командования своим кораблем, так как находился «для деления карт Черного моря и представления к главному начальству». Биллингс описал наиболее важный в то время для русского флота район Черного моря. Многие пункты побережья были определены им астрономически. Используя данные всех прошлых съемок, как русских так и иностранных, и главным образом только что проведенных собственных наблюдений, И. Биллингс в 1799 году составил и издал атлас всего Черного моря. «Карты Биллингса, превосходя точностью своею все прежние, были уже хорошим руководством для плавания у берегов Крыма»¹, — отмечалось впоследствии историками гидрографии.

9 мая 1799 года И. Биллингс был произведен по «вакансии по флотам... в капитан-командоры из капитанов 1-го ранга»². И в «рописании судов и командиров Черноморского флота» от 21 мая 1799 года И. Биллингс был назначен командиром «на предполагаемый вновь 100 пушечный корабль»³. Но, видимо, это назначение по каким-то причинам не состоялось (вероятнее всего по болезни), так как 28 ноября 1799 года капитан-командор Биллингс был уволен от службы с пенсионом. Ранее, за экспедицию, он был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени.

В 1806 году И. И. Биллингс скончался в возрасте 45 лет. Точная дата, место смерти и обстоятельства последних лет жизни остаются невыясненными. Биллингс был женат. Его жена Екатерина, урожденная фон Пестель, родилась 14 июня 1772 года, умерла в Москве 18 июня 1827 года⁴. Этим и исчерпываются наши фактические данные о биографии Иосифа Биллингса.

Г. А. Сарычев после возвращения из экспедиции некоторое время плавал на Балтике и одновременно готовил к изданию свой отчет об экспедиции и руководство по гидрографическим работам. В 1796 году был командиром корабля «Святослав», но все лето корабль простоял на Кронштадтском рейде. 13 ноября 1796 года Сарычев стал капитаном 1-го ранга. В 1798 году корабли «Принц Густав» и «Иоанн Креститель» под командой Сарычева крейсировали в проливах Бельт, затем на

¹ Краткий исторический очерк гидрографии русских морей, часть IV, IV гр., 1916, стр. 8.

² Материалы для истории русского флота, ч. XVI, СПб, 1902, стр. 460.

³ Там же, стр. 365.

⁴ Московский некрополь. Т. 1, СПб, 1907.

Ревельском рейде и в Кронштадте. В 1799 году на корабле «Москва» Сарычев совершил переход из Архангельска к берегам Англии и Эдинбургскому рейду, затем перешел в Портсмут, взял там десантные войска и направился в Ревель. Оттуда в 1801 году возвратился в Кронштадт. В этом же году Сарычев стал капитаном-командором.

В 1802 году вышли в свет две части труда Г. А. Сарычева об экспедиции. 29 мая 1802 года последовало решение о назначении Сарычева начальником гидрографической экспедиции Балтийского моря, которой надлежало описать и нанести на карту берега моря, сделать промер глубин и произвести другие исследования. Работы велись с 1802 по 1805 год. Результатом их были Атлас и Лоция Балтийского моря, а работы описаны Сарычевым в его «Дневных записках», изданных в 1808 году.

За эти годы в жизни Сарычева произошли некоторые перемены. 9 января 1803 года он стал контр-адмиралом, а 14 января того же года — членом Государственной Адмиралтейств-коллегии. За участие в экспедиции Биллингса Сарычев был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а 26 ноября 1802 года за выслугу лет получил орден Св. Георгия 4-го класса.

Одновременно Сарычев разрабатывал и теоретические вопросы гидрографии. Богатая гидрографическая практика в отдаленных местах России, полная самостоятельность при выполнении работ, личные способности к исследовательской деятельности помогли Сарычеву создать совершенно оригинальный теоретический и практический курс — «Правила, принадлежащая к Морской Геодезии, служащая наставлением, как описывать моря, берега, острова, заливы, гавани и реки, плавая на больших парусных и малых гребных судах, также и идучи с мерою по берегу, с показанием, как сочинять морской карты и на оных располагать описанные места», изданный в 1804 году. В этом труде Сарычева был обобщен весь опыт ведения гидрографических работ в прошлом столетии и дано много новых способов производства гидрографических работ. Потребность в подобном руководстве была столь велика, что в 1825 году труд Сарычева вышел вторым изданием под названием «Геодезические и Гидрографические правила, сочиненные вице-адмиралом Сарычевым». Всю первую половину XIX века в штурманских училищах и в Морском корпусе морскую съемку изучали по руководству Сарычева.

Большую творческую работу Сарычев совмещал с напряженной практической деятельностью. Заслуги Сарычева вы-

соко оценили русское правительство и научная общественность. 20 марта 1808 года он стал единственным в истории отечественной гидрографии генерал-гидрографом и почетным членом Государственного Адмиралтейского департамента, а 16 апреля того же года Сарычев был назначен главным командиром Свеаборга и произведен в вице-адмиралы.

В 1810—1811 годах Сарычев — представитель комитета по преобразованию Камчатского края. В 1820 году он составил подробный и точный план Петербурга, а в 1826 году вышел в свет замечательный «Атлас северной части Восточного океана». Это высокоточное по своему времени пособие для мореплавателей выдержало проверку временем. Атлас содержит 26 листов карт и 7 листов видов берегов и охватывает почти всю северную часть Тихого океана, включая Сандвичевы, Каролинские и Филиппинские острова.

На короткое время (менее года) Сарычев становится главным командиром Кронштадтского порта, но в связи с реорганизацией 24 августа 1827 года Адмиралтейского департамента и образованием Управления генерал-гидрографа Сарычев возглавил его. В 1829 году он был произведен в полные адмиралы. Сарычева неоднократно награждали орденами, он был избран членом многих научных организаций и в том числе почетным членом Академии наук.

Г. А. Сарычев умер в 2 часа пополудни 30 июля 1831 года в Петербурге от холеры¹. Похоронен на Холерном кладбище на Куликовом поле. Он был женат на фрейлине великой княжны Марии Павловны Анастасии Васильевне Мацкевич (1778—1846). От брака были две дочери Елизавета (1810—1846) и Екатерина (1811—1869).

¹ ЦГА ВМФ, ф. 402, оп. 1, д. 364.

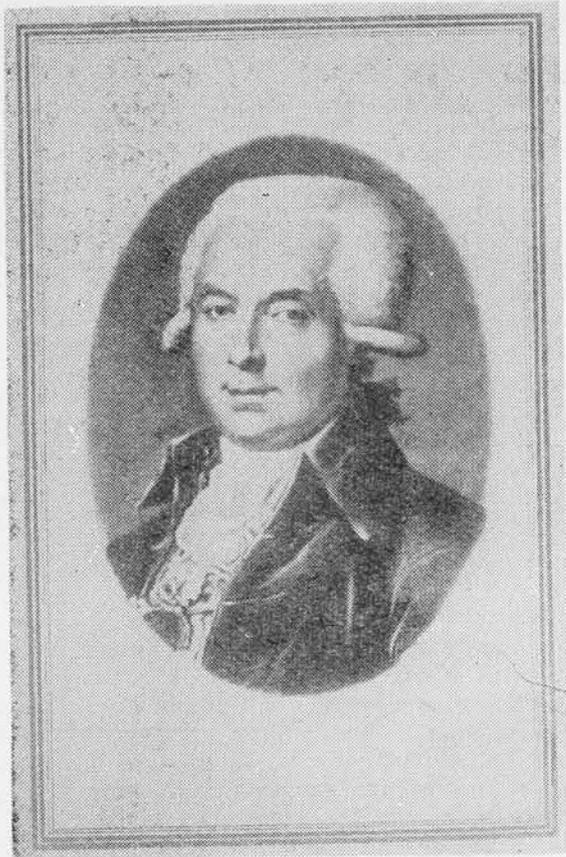


Отважные мореходы в погоне за богатой добычей все дальше уходили от берегов Камчатки, открывали все новые и новые острова и иногда проводили на них по нескольку лет. Одним из них улыбалось счастье, и их суда возвращались в Нижнекамчатск, груженные сотнями и тысячами бобровых, котиковых и собольих шкур. Другие находили вечный покой в холодных водах Восточного океана.

Среди этих равных по доблести людей выделился Григорий Иванович Шелихов¹. Грамотный и способный молодой рыбльский купец, появившийся в Сибири в начале 70-х годов XVIII века, перепробовал много профессий. Служил и приказчиком и письмоводителем, пока отважился организовать экспедицию на Алеутские острова и Аляску. Решение это укрепила поддержка богатых иркутских купцов М. С. и И. И. Голиковых, а также старейшего камчатского компанейщика Н. А. Трапезникова, с которым Г. И. Шелихов находился в родстве.

В отличие от других купцов и мореходов Шелихов не хотел ограничиться временными успехами. Целью его экспедиции было основать постоянное поселение в новых русских владениях. Ему хотелось закрепить многолетние успехи промышленников и мореходов, утвердить постоянное владычество там России. 16 августа 1783 года из устья реки Урак вблизи Охотска Шелихов со своей супругой Натальей Алексеевной отправился в далекое плавание.

¹ Деятельность Г. И. Шелихова описана в научной и художественной литературе. Широко известен роман В. С. Григорьева «Григорий Шелихов» и др.



Г. И. Шелихов.

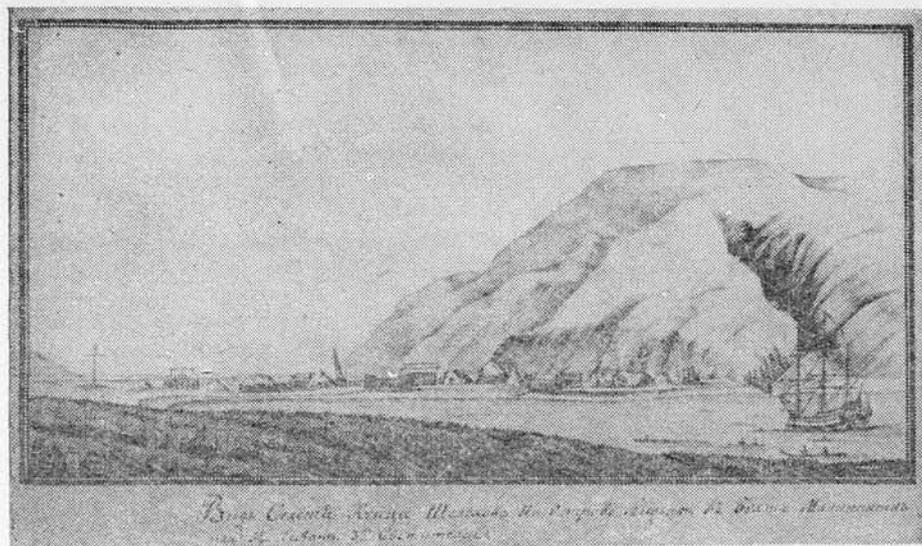
Было построено три галиота: «Три Святителя», «Симеон Богоприемец» и «Ана Пророчица» и «Архистратиг Михаил». Два из них сумели в этом же году переплыть Охотское море, обогнуть Камчатку и подойти к острову Беринга, где Шелихов зимовал и готовился к дальнейшему плаванию.

Весной 1784 года галиоты взяли курс к Алеутским островам, направляясь к берегам Аляски, куда еще не отваживались плавать мореходы. По пути становились на якорь в Капитанской гавани на острове Уналашке.

Русские промышленники часто посещали ее, и поэтому там всегда можно было узнать последние новости о жизни на Алеутских островах, о плаваниях

в Америку. Галиоты продолжали путь на восток и 3 августа 1784 года подошли к острову Кадьяк. В гавани Трех Святителей, названной так по имени одного из галиотов, стали на якорь. На острове Кадьяк Григорий Шелихов основал первое русское селение, которое двадцать лет было центром Русской Америки. Лишь в начале XIX века детище достойного преемника Шелихова А. А. Баранова — Ново-Архангельск на острове Ситха пришел на смену поселению на Кадьяке.

Местные жители острова — «коняги» сначала неприветливо встретили «пришельцев», но позднее отношения приняли самый дружественный характер. Разослав по всем направлениям «артели» для промысла, Шелихов сам занялся



Вид селения Шелихова на Кадьяке. Рисунок Л. А. Воронина.

устройством селения: организовал школу для детей, приводил желающих в русское подданство, поощрял принятие христианства, вербовал на службу компании.

Одновременно с этим он посылал корабли для исследования близлежащих мест. Посланцы побывали в Кенайском заливе, у острова Афогнак, прошли проливом между островом Кадьяк и Аляской. На побережье строились крепости. На северном берегу Кадьяка, ближайшем к Аляске, в Павловской гавани, было выбрано место для строительства нового селения, откуда легче было бы плавать к берегам Аляски.

Шелихов шаг за шагом расширял сферу интересов России на Тихом океане. И когда, после двухлетнего пребывания на Кадьяке, он 22 мая 1786 года покидал остров, то наказывал своим преемникам «поступать расселением российских артелей для примирения американцев и прославления российского государства по изъясненной земле Америке и Калифорнии до 40 градусов».

На галиоте «Три Святителя» Шелихов вез 40 местных жителей, которые должны были в Сибири обучиться различным ремеслам. Оставив галиот в Большерецке, Шелихов зимой сухим путем прибыл в Охотск в конце января 1787 года, а в апреле был уже в Иркутске.

Здесь он подал отчет о своем путешествии — «Записку Шелихова странствованию его в Восточном море» и убеждал генерал-губернатора Якобия довести до сведения правительства предложения о заселении Русской Америки, о постройке там крепостей, об организации монопольной Российско-Американской компании. Долго пришлось Шелихову добиваться разрешения правительства, пришлось для этого самому побывать в Петербурге, но там ограничились награждением Григория Ивановича почетной именной грамотой, шпагой и медалью на Андреевской ленте.

Созданная Шелиховым компания успешно вела торговлю, селение на Кадьяке из года в год росло. Корабли Шелихова плавали повсюду в северной части Тихого океана. Старейшие и опытнейшие шелиховские мореходы Герасим Алексеевич Измайлов и Дмитрий Иванович Бочаров (оба — участники нашумевшего похода-побега М. Беньовского) на галиоте «Три Святителя» в 1788 году исследовали берег залива Аляска от Кенайского полуострова до бухты Льюта, открыв здесь удобные и обширные заливы Якутат и Нучек.

В 1791 году в Петербурге вышла в свет книга Шелихова «Российского купца именитого рыльского гражданина Григория Ивановича Шелихова первое странствование с 1783 по 1787 г. из Охотска по Восточному океану к Американским берегам». Выход ее, а также и второй книги в 1792 году о плавании Измайлова и Бочарова под названием «Российского купца Григория Шелихова продолжение странствований отраженного (посланного — А. А.) галиота «Трех Святителей» под водительством двух штурманов Измайлова и Бочарова в 1788 году» имел огромное значение. Современники зачитывались ими, о Шелихове узнали во всем мире. Баранов приступил к осуществлению его мечты — строительству на берегах Нового Света русской столицы Славороссии.

Но Григорью Шелихову не пришлось больше там побывать: 20 июля 1795 года он скоропостижно скончался в Иркутске в расцвете сил, на 49-м году жизни. На надгробии Шелихова выбиты державинские строки:

...Колумб здесь Русский погребен,
Преплыл моря, открыл страны безвестны.
Но, зря, что все на свете тлен,
Направил паруса во океан небесный...

Шелихов хорошо знал обоих братьев Шмалевых, которые не раз помогали ему. «Но за долг почитаю благодарность мою перед всеми изъявить двум достопочтенным мужам, государ-

ству и отечеству несколько уже лет безпорочно служащим, капитанам родным братьям, Тимофею и Василью Шмалевым, за охранение меня от всяких опасностей...» — писал Шелихов в своем сочинении (стр. 66—67).

Деятельность Шелихова отличается от морских походов других купцов тем, что он первый поднял вопрос о закреплении за Русским государством земель и островов, где многие неоднократно побывали. Шелихов не только сказал об этом — он основал первое русское поселение на Кадьяке. Его преемник А. А. Баранов на острове Ситха основал столицу Русской Америки — Ново-Архангельск и с 1799 года жил там постоянно. В этом же году была официально образована Российско-Американская компания, директорами которой стали зятья Шелихова Михайло Булдаков и Николай Резанов. Главная контора компании находилась в Петербурге, а на месте управлял ею Баранов. Очень много сделал он за годы своего правления в Русской Америке. Все побережье Тихого океана до Калифорнийского залива было освоено русскими людьми.

На протяжении всех 28 лет пребывания там верным помощником Баранова во всех делах и начинаниях был Иван Александрович Кусков. На острове Кадьяк он помогал переселенцам осваиваться на новых местах, а затем основал поселение в Чугацком заливе, начальствовал в Нучеке. В 1802 году Баранов послал Кускова исследовать реку Медную, и тот отлично справился с поручением.

У создателей Русской Америки было много врагов. Английский морской пират Барбер организовал провокационное выступление местных жителей на Ситхе против Баранова. Индейцы не ограничились резней на Ситхе, а, подстрекаемые Барбером, напали на промысловую партию Урбанова в Кенайском заливе. Иван Кусков, пробиравшийся к Ситхе от реки Медной, около Якутата встретился с индейцами и «несколько дней бился с окружившими его индейцами-колошами, палил



А. А. Баранов.

из пушек, скрываясь от пуль и стрел индейцев за завалами из срубленного леса»¹.

В 1803—1804 годах посланные на юг на байдарах Барановым мореходы Швецов и Тараканов достигли бухты Сан-Диего (33° с. ш.), а в 1808 году открыли у 38° с. ш. бухту Румянцева (Бodega), расположенную к северу от входа в залив Сан-Франциско (Калифорния).

Осенью 1808 года И. А. Кусков на двух судах — «Кадык» и «Николай» отправился на юг для осмотра берегов. «Николай» во время крушения погиб, а «Кадык», на котором был сам Кусков, добрался до залива Бodega. Здесь он обратил внимание на пригодные к заселению места, удобные, как ему казалось, для сельского хозяйства. Самым трудным делом было снабжение русских поселений в Северной Америке продовольствием, в частности хлебом, и Баранов принимал все меры к тому, чтобы выращивать рожь и пшеницу на месте. Кускову понравилось место на берегу солнечной Калифорнии, и он решил там закрепиться. С такой мыслью Кусков возвращался в Ново-Архангельск. На обратном пути он тщательно осмотрел острова Шарлотты.

Походы Кускова к заливу Бodega продолжались и в 1809—1812 годах. В 1810 году у одного из островов Шарлотты, острова Дундас, экипажу судна «Юнона», на котором шел Кусков, пришлось выдержать бой с индейцами, натравливаемыми на русских преемником Барбера, морским пиратом Гелем. Кусков должен был возвращаться.

В 1811 году путешествие окончилось благополучно. Судно Кускова зазимовало в заливе Бodega. Отважный мореход сумел во время зимовки установить связи с вождями местных племен и договорился о выделении земли для русского поселения. А в 1812 году Кусков успел сходить на Ситху и привезти необходимые материалы и запасы.

Скоро в заливе Румянцева, у самого входа в лучшую гавань мира Сан-Франциско, в Калифорнии вырос русский форт Росс, укрепленный сначала десятком орудий. «Его бастионы возвышались над краем берегового утеса. Жилища Росса были сложены из бревен красной сосны — чаги. С утеса можно было видеть долину реки Славянки, вход в которую сторожили камни, известные под названием Славянских ворот. На островах при входе в залив Сан-Франциско, на знаменитых Ферлонских камнях, выросли русские избы»². Форт Росс существо-

¹ С. Н. Марков. Летопись Аляски. М., 1948, стр. 72.

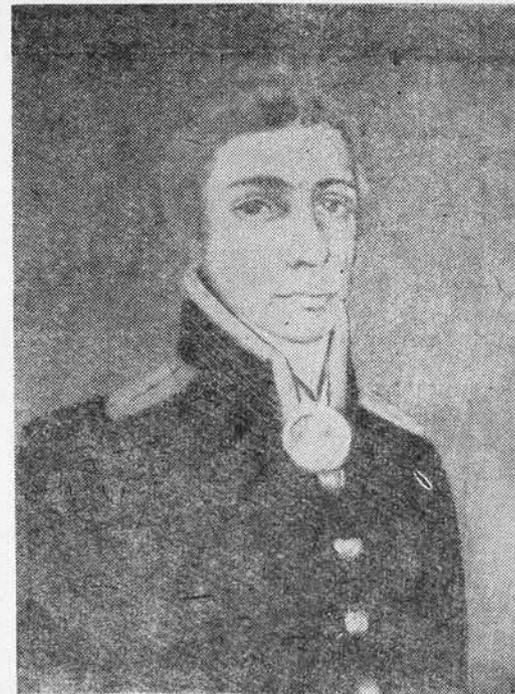
² Там же, стр. 82.

вал с 1812 по 1841 год. Кусков управлял им без перерыва до 1821 года.

Несмотря на энергию и предприимчивость Кускова, на завоз в форт домашних животных и семян, превратить форт Росс в житницу Русской Америки не удалось. Местные жители и промышленники не хотели заниматься трудоемким и непривычным делом. Мешали испанцы, жившие в Сан-Франциско и боявшиеся укрепления русского форта. Не вполне подходящим оказался и участок земли на берегу моря, выделенный Кусковым для земледелия. Почва была засолена постоянными ветрами с моря, не было у селения хорошей естественной гавани, суда могли стоять на якоре на рейде только при северо-западных ветрах. Чтобы выйти из затруднительного положения, И. А. Кусков построил искусственную гавань и даже судостроительную верфь, с которой в 1818 и 1819 годах были спущены два судна, но это не решало дела. Снабжение Русской Америки продовольствием по-прежнему шло морем — из Кронштадта.

Тем не менее разносторонняя деятельность Кускова в Калифорнии принесла большую пользу Российско-Американской компании. Форт Росс стал форпостом компании на Тихом океане. Сюда приходили корабли, здесь совершались выгодные торговые сделки.

Однажды Кусков на судне «Мария» доставил в Охотск двадцать тысяч испанских пиастров, которые он выручил от торговли в Россе. Форт рос не по дням, а по часам. Поселенцы исследовали окрестности залива Румянцева, залива Сан-Франциско, осматривали реки на побережье. Сам Кусков



И. А. Кусков.

обследовал залив Св. Троицы (Тринидад), открыл на побережье вулканы.

В 1812 году, например, в форту проживало постоянно 25 русских и 100 алеутов-звероловов. Жили с индейцами дружно, ходили друг к другу в гости. Есть сведения, что только за шесть лет звероловы Росса добыли около девяти тысяч котиков. Занимались и земледелием: сеяли пшеницу и ячмень, выращивали виноград, редьку. В форту были у поселенцев коровы, овцы, лошади, свиньи.

В 1818 году А. А. Баранов в семидесятидвухлетнем возрасте покинул Аляску. Он сдал дела правителя Российско-Американской компании военному моряку Л. А. Гагемейстеру и отправился на корабле «Кутузов» в Петербург. Но туда ему не суждено было добраться. 16 апреля 1819 года в Зондском проливе он скончался. По морскому обычаю Александр Баранов был похоронен в море.

Недолго после Баранова пробыл в Русской Америке и Кусков. В 1821 году он сдал дела другому начальнику, а в 1822 году возвратился на родину, где хотел провести остаток своих дней. Но они уже были сочтены. В 1823 году Иван Александрович Кусков умер в городе Тотье и там же был похоронен.

По Юкону и Кускоквиму



Жизнь и необычные приключения замечательного русского моряка, путешественника и ученого Л. А. Загоскина всегда привлекали внимание исследователей и писателей.

Его книга о путешествии по Аляске сразу же завоевала признание широкой общественности и была по достоинству оценена присуждением Демидовской премии. Мало найдется в нашей стране людей, которые бы не увлекались чудесными похождениями Юконского ворона¹.

У Загоскина были предшественники по изучению глубинных районов Аляски. В то время Алеутские острова и береговая полоса были уже хорошо исследованы. Служащие Российско-Американской компании Семен Лукин, Федор и Петр Колмаковы, Василий Малахов, Андрей Глазунов и другие бывали в долинах великих рек Аляски — строили там редуты. В начале 30-х годов в нижнем течении Кускоквима работала экспедиция штурмана Н. А. Васильева.

Все эти экспедиции в какой-то степени способствовали успеху экспедиции Л. А. Загоскина, но не могут с ней равняться. Промышленный поход Загоскина превратился в научную экспедицию по исследованию внутренних глубинных районов Аляски. Загоскин составил генеральную карту северной части Аляски, примыкающей к Берингову морю, собрал ценнейшие материалы по общей географии Аляски, ее климату, гидроло-

¹ См. роман С. Н. Маркова «Юконский ворон», М., 1946 (и другие издания).



Л. А. Загоскин.

гии рек; исключительно важны и его этнографические исследования¹.

21 мая 1808 года в мелкопоместной дворянской семье в селе Николаевке Пензенского уезда Рязанской губернии родился Лаврентий Алексеевич Загоскин. Отец его, отставной офицер, происходил из знатного, но обедневшего дворянского рода. Детство Л. А. Загоскина прошло в Николаевке. Первоначальное образование и воспитание он получил в частном пансионе под руководством воспитательницы, описанной им под именем Марии Ивановны Вертер².

Успехи русского военно-морского флота не только в ратных делах, но и в исследованиях,

дальних путешествиях будоражили умы передовой дворянской молодежи. Служба во флоте считалась почетной, хотя и была тяжелой. В роду Загоскиных было много военных, и неудивительно, что Л. А. Загоскин был 1 июня 1822 года зачислен в Кронштадтский морской кадетский корпус³. Перед зачислением в корпус Загоскин прошел предварительную подготовку в пансионе Дмитрия Алексеевича Сорокина.

¹ Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах, СПб, ч. I—1847 г., ч. II—1848. В 1956 году в Географгизе вышло новое издание книги, в которое вошли и некоторые другие сочинения Л. Загоскина под названием: «Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг.».

² Л. А. Загоскин. Воспоминания о Каспии. «Сын Отечества», ч. CL XXVII, СПб, 1836, стр. 7.

³ Основные биографические сведения (даты, фамилии, суда и пр.) приводятся по Общему морскому списку, ч. X, СПб, 1898, стр. 156—157 и биографическому очерку «Л. А. Загоскин», написанному М. Черненко и помещенному в книге «Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг.», М., 1956, стр. 5—40.

Несмотря на то что Загоскину очень не хотелось жить в Кронштадте, к которому в уме его «с малолетства поселилось какое-то предубеждение» и который «чем-то неопределенно страшным казался ему», воспитание в корпусе, четырехлетнее пребывание в нем оказались весьма полезными. Широкое разностороннее и достаточное специальное образование, подкрепленное практическими навыками во время плаваний по Балтийскому морю, подготовило Загоскина к несению тяжелой военно-морской службы. В последний год пребывания в корпусе Загоскин совершил на фрегате «Проворный» плавание к берегам Англии, по пути побывал в немецком порту Любеке.

Декабрьское восстание застало воспитанников Морского корпуса врасплох. Среди участников восстания было много флотских офицеров, пользовавшихся огромным авторитетом как у офицеров, так и у воспитанников,— Н. А. Бестужев, Д. И. Завалишин, М. К. Кюхельбекер и другие.

Величайшие события в русской и мировой истории, такие, как Отечественная война, крупные географические открытия И. Ф. Крузенштерна и Ф. Ф. Беллинсгаузена, В. М. Головнина, О. Е. Коцебу и других, вызвали у воспитанников гордость своей отчизной, горячее желание служить Родине, приумножить славные дела передовых людей России.

25 сентября 1826 года унтер-офицер Лаврентий Загоскин окончил корпус шестым, получил чин мичмана и был направлен в Астрахань. Свой выбор восемнадцатилетний мичман объясняет весьма наивно: «Нас выпустили 25-го сентября; тех, кто выходил повыше, спрашивали, во время оно, в каком экипаже желали служить; я был в числе таких счастливых; просился в отпуск; объявлено, что нововыпущенных первый год не отпускают; к несчастию, в корпусе учили меня географии: чтоб быть в Пензе, я написал: в Астрахань»¹.

Уже в почтенном возрасте (78 лет.— А. А.) Л. А. Загоскин написал воспоминания о Морском Шляхетном корпусе². В них с большой теплотой он отзывается о своих воспитателях и командирах: Д. И. Завалишине, участнике плавания к берегам Антарктиды, П. М. Новосильцеве, батальонном командире, И. С. Сульменеве, принявшем участие в судьбе известного мореплавателя и ученого Ф. П. Литке, и, наконец, о инспекторах классов, выдающихся русских ученых и путешественниках

¹ Л. Загоскин. Воспоминания о Каспии. «Сын Отечества», часть CL XXVII, СПб, 1836, стр. 7.

² Л. А. Загоскин. Морской Шляхетный корпус. «Русская Старина», СПб, 1886, декабрь, стр. 709—716.

В. М. Головинне и И. Ф. Крузенштерне. Здесь же, давая отповедь Н. А. Энгельгардту, в своих воспоминаниях назвавшему декабристов «мятежниками», Л. А. Загоскин пишет, что «это были люди несвоевременно увлеченные мыслию о благе для своего отечества»¹.

Навестив своих родных в Пензенском уезде, Л. А. Загоскин летом 1827 года прибыл в Астрахань и 15 июля вступил в командование шкуотом «Св. Мария». Это было купеческое судно (как и большинство судов того времени на Каспийском море) с вольнонаемной командой. О первом судне, в командование которым вступил Л. А. Загоскин, сохранились следующие его записи: «Как теперь помню эту корму с двумя деревенскими окнами, украшенными резьбою, наподобие окон постоянных домов в Московской и Владимирской губерниях; под ними две фигуры, с головы человеческого, с открытою грудью, с рыбьими хвостами, с когтями и коронами на головах, держали рог изобилия: цветы, рыбы, животные, всякая дрянь сыпалась из него в пространство между окнами; внизу крупными желтыми буквами подписано было: корабль Мария».

Под стать такому судну была и команда, выглядевшая весьма красочно. Загоскин оставил такое ее описание. «В 827 году, кто из молодежи не знал наизусть поэмы Пушкина Разбойники? При осмотре команды я увидел эту поэму в лицах. В 12-ти человеках музур, находилась: калмык, армянин, татарин, верховой бурлак, однодворец, астраханский мещанин, и наконец, чиновник 14 класса, зарекшийся не пить и не отыскивать бесчестья в случае чего»².

Несмотря на все это, суда Каспийской флотилии делали важное дело, доставляя продовольствие для русских войск из Астрахани в устье реки Куры.

В следующие два года Л. А. Загоскин командовал другим, безмянным судном, выполняя те же обязанности по подвозу провианта действующим войскам Кавказского корпуса. В 1830 году плавал на бриге «Тавриз» у персидских берегов для сплава казенных запасов по реке Куре, а в 1831 году исполнял обязанности адъютанта командира Астраханского порта.

27 января 1832 года он был произведен в лейтенанты и назначен командиром парохода «Аракс». В этой должности он

¹ Л. А. Загоскин. Морской Шляхетный корпус. «Русская Старина», 1886, СПб, декабрь, стр. 716.

² Л. А. Загоскин. Воспоминания о Каспии. «Сын Отечества», ч. CL XXVII, СПб, 1836, стр. 16.

прослужил вплоть до 1835 года. Конец 1834-го и начало 1835 годов были неудачными для Загоскина. 30 января 1835 года он был разжалован в матросы 2-й статьи без лишения дворянства до выслуги, «за несоблюдение надлежащего порядка службы, бывшее причиной пожара на пароходе «Аракс», под командою его находившегося»¹. Но уже 6 апреля того же года чин Загоскину был возвращен, и он был переведен в Кронштадт, в Балтийский флот.

Восьмилетняя служба в таком отдаленном с исключительно плохими климатическими условиями месте, каким было тогда Каспийское море, закалила молодого Л. А. Загоскина приучила его переносить превратности суровой военной жизни.

Первое время в Балтийском море Л. А. Загоскин плавал на фрегате «Кастор», на котором ходил к Данцигу и Аланду, а следующие годы (1836—1838) старшим офицером крейсировал на фрегате «Александр Невский». Командиром фрегата был П. С. Лутковский.

Балтийский флот зимовал в Кронштадте. Именно в это время Загоскин написал свои «Воспоминания о Каспии». Он много читал. Его увлекали рассказы русских кругосветных мореплавателей о дальних походах, далеких странах. Видимо, тогда, в пору раздумий, и зародилась у Загоскина мысль испробовать свои силы на Дальнем Востоке Родины, на службе Российско-Американской компании, где можно было применить свой опыт, знания и энергию.

8 декабря 1838 года Л. А. Загоскину было официально разрешено перейти на службу в Российско-Американскую компанию, а 30 декабря в два часа дня Л. А. Загоскин отправился в трудное путешествие через Сибирь.

17 марта 1839 года он был уже в Иркутске, где ожидал вскрытия Лены. Перед отъездом из Москвы Загоскин побывал в семье братьев-декабристов Муравьевых, и мать просила навестить их в Урике близ Иркутска. Загоскин сдержал свое слово и повидал Никиту и Александра Муравьевых. У них он познакомился с четой Волконских, доктором Вольфом, Луниным и Поджио. Позднее Загоскин написал «Воспоминания о кн. Марии Николаевне Волконской, рожденной Раевской»².

¹ Цит. по статье М. Черненко «Л. А. Загоскин», помещенной в книге «Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг.», М., 1956, стр. 20.

² С. Марков. Декабристы и исследователь Юкона Л. А. Загоскин. «Восточно-Сибирская правда», 1955, № 262, стр. 4.

9 мая стало возможно спуститься по Лене в Якутск, куда Загоскин прибыл 3 июня. Здесь его ждала приятная новость: караван на Охотск почти сформирован, и ему предстоит срочно приготовиться к труднейшему конному переходу через горы и вдоль многих рек. Уже на следующий день караван отправился в Охотск по знаменитому охотскому тракту. «Согрешу против совести,— пишет Загоскин,— введу в заблуждение читателя или доверчивого путника, назвав Охотский путь дороною. Путь — слово неопределенное, означающее направление сообщения страны с странюю. Просеки сажени в полторы, сделанные во время оно по лесу, или заросли, или закиданы попереk сгнившим на корне лесом, или оставлены караванами по причине топей; тропинки, прокладываемые ежегодно транспортами, змеятся по всему направлению к Охотску, и чтобы не сбиться с пути и не захватить в Якутские улусы, расположенные близ пути от Якутска до р. Алдана, в иных местах чья-то благодетельная рука наложила на близрастущие деревья разрезы или зарубы»¹.

Более чем тысячеверстный путь до Охотска, изрезанный горами и быстрыми реками, в течение месяца был завершен. Впечатления Загоскина от Охотска оставляли желать лучшего, но они «рассеялись при ласковом приеме г-на правителя конторы, дружеском расположении командира брига... и взгляде на щегольское вооружение брига, поступавшего в мое командование»².

9 июля Л. А. Загоскин принял от лейтенанта Машина бриг «Охотск» и немедленно стал готовиться к выходу, собираясь доставить пассажиров в американские владения и товаров тысяч на сто, включая в это количество пять тысяч пиастров.

В ночь с 14 на 15 августа бриг «Охотск» вышел в плавание. Начало было неудачным. Предательский вход в Охотский порт, проклятый моряками всех стран, хоть один раз побывавшими в нем, подвел и на этот раз.

Бриг «Охотск» выбросило при выходе на одну из отмелей, а в это время начался отлив. К счастью, с последующим приливом удалось стянуться с песчаной банки, не повредив даже ни одного листа медной обшивки корпуса. В начале сентября прошли Курильские острова через Четвертый пролив и вышли в Тихий океан. «Великолепна, но уныла картина островов Четвертого пролива: ни малейшего признака жизни, всюду одно

¹ Путешествия и исследования лейтенанта Лаврентия Загоскина в Русской Америке в 1842—1844 гг. М., 1956, стр. 341.

² Там же, стр. 351.

разрушение»¹, — отмечает Загоскин. Наблюдательный лейтенант уже в первое свое плавание, производя астрономические и гидрографические наблюдения, отметил неточности карт Крузенштерна, Головнина, Сарычева и других мореплавателей.

От пролива взяли курс прямо к Ситхинскому заливу, к Ново-Архангельску. Длительный, месячный переход в северной части Тихого океана не ознаменовался какими-либо значительными событиями.

5 октября заметили вершину горы Эчкомб при входе в Ситхинский залив. В ночь на 6-е в ответ на выстрел с брига вдали засветился маяк Ново-Архангельска. На рассвете 6-го бриг встретила байдара, с которой прибыл лодман, и вскоре судно стало на якорь. Лейтенант Л. А. Загоскин прибыл в Новый Свет. Несколько позже он написал по этому поводу: «Надобно побывать в Ситхе, чтоб понять ожидание почти тысячи человек прихода из Охотска судна, на котором единожды в год доставляются из Европы в американские колонии форменные бумаги, газеты и письма; притом в нынешний год на мой пай досталось весьма продолжительное плавание, а дошедшие слухи чрез американское судно о происшествии, случившемся с бригам на Охотском баре, могли тревожить до последнего жителя Ново-Архангельска. Спустя шлюпку, я отправился с рапортом. Свидание моряка с моряком есть встреча родных, непонятная жителю твердой земли...»².

Всю зиму 1839/40 года Л. А. Загоскин провел в Ново-Архангельске с правителем колоний и другими служащими. Именно в эту зиму он написал замечательные очерки, напечатанные в 1840—1841 годах в журнале «Маяк» под общим названием «Заметки жителя того света». В них Загоскин описывает свое путешествие по Сибири, Охотскому морю и северной части Тихого океана, а также жизнь и быт Ново-Архангельска и его жителей. Вместе с тем Л. А. Загоскин тщательно изучает историю исследования Аляски и готовится к будущим морским походам.

В течение 1840—1842 годов Загоскин, командуя сначала бригам «Байкал», а затем корветом «Елена», обходил все владения компании. В 1840 году на «Байкале» он ходил в Охотск, а в 1841 году — в Калифорнийский залив на «Елене». На обратном пути вместе с Загоскиным шел препаратор Академии наук И. Г. Вознесенский. Лаврентий Алексеевич крепко с ним

¹ Путешествие... Загоскина, М., 1956, стр. 357.

² Там же.

подружился и получил от него много полезных сведений по естествознанию и, в частности, по антропологии и этнографии.

Интересовался Л. А. Загоскин и путешествиями по внутренним районам Аляски. В 1829—1831 годах прапорщик Н. А. Васильев произвел топографическую съемку страны между Александровским редутом (в устье реки Нушагак) и заливом Нортон. Васильеву и его спутникам ценою невероятных усилий удалось добиться выдающихся результатов — описать реку и озеро Нушагак, а также составить опись нижнего течения реки Кускоквим.

В 1832 году промышленник-креол Федор Колмаков на 100 верст продолжил опись реки Кускоквим и исследовал некоторые ее притоки. Сын Федора Колмакова Петр продолжал дело отца. В 1836 году Иван Лукин отправился в экспедицию на север и сумел добраться до мыса Барроу.

Предшественником Л. А. Загоскина был Андрей Глазунов. В 1835—1836 годах он прошел долиной Юкона от реки Анвиг до устья Юкона и после этого побывал на Кускоквине.

Цели и задачи экспедиции, к которой Л. А. Загоскин начал энергично готовиться, он обстоятельно изложил в «Письме из Америки»¹. В 1833 году в заливе Нортон был образован Михайловский редут «для закупки от туземных жителей нужных промыслов, и в особенности речных бобров, водящихся во множестве по притокам реки Квихпака». До этого времени все богатства переходили в руки островного народа — адьямютов. Переплывая на байдарках Берингов пролив, он вел меновую торговлю с чукчами, а те в свою очередь перепродавали пушнину русским. Поэтому следовало внимательно изучить внутренние пути сообщения, и особенно речные; и подобрать места, где можно было бы производить меновую торговлю с местными жителями и устроить новые редуты. Практической целью экспедиции было ликвидировать конкуренцию со стороны этого воинственного островного племени.

О том, что инициатором экспедиции был сам Загоскин, говорит его «Письмо из Америки», где он выражает благодарность А. К. Этолину и Ф. П. Врангелю за выбор и добавляет: «последнего я просил в 1840 году о подобном назначении и крепко подозреваю в этой милости»².

Л. А. Загоскин сразу же понял, что экспедиция готовится не только для решения практических вопросов, но и «для обо-

¹ Путешествие... Загоскина, М., 1956, стр. 374—378.

² Там же, стр. 377.

зрения и описи системы вод, орошающих внутреннюю страну наших северных американских владений»¹.

Официальное предложение от Этолина участвовать в экспедиции Загоскин получил 8 марта 1842 года и 1 мая, полностью подготовившись, перебрался на бриг «Охотск». Это судно должно было доставить Загоскина и его спутников к Михайловскому редуту в заливе Нортон. Сопровождать Загоскина добровольно вызвались Николай Шмаков, Тимофей Глазунов, Прокопий Вертопрахов, Павел Акляюк и денщик, матрос 15-го флотского экипажа Яков Махов.

Перед отправлением Загоскин получил от Этолина инструкцию следующего содержания: «Лейтенанту Загоскину поручено: во-первых, исследовать течение реки Букланд (так названной капитаном Бичи), впадающей в Коцебу-Зунд. Вершина этой реки, по удостоверению туземцев, находится в близком расстоянии от вершины другой реки, Куюкак, впадающей в реку Квихпак. По этому водяному пути идет ежегодно весьма значительное количество мехов в Коцебу-Зунд, а там переходит в руки приезжающих туда чукчей. Для обращения этой торговли в пользу компании, следует прискатыть на месте действительные меры и, если будет нужно, определить удобнее место для учреждения в Коцебу-Зунде нового редута. Во-вторых, исследовать из Михайловского редута течения, до самых вершин рек Квихпака и Кускоквима и текущей в параллели обеих, неизвестной нам реки Чагелюк, которая, по сведениям, весьма изобилует речными бобрами. Составить, по возможности, удовлетворительное описание страны, орошаемой этими реками, и определить удобнейшие и ближайшие переносы из одной реки в другую»².

4 мая бриг отошел из Ново-Архангельска и 19 мая стал на якорь у Шумагинских островов. Несколько дней, проведенных здесь, Загоскин использовал для сбора коллекций и описания одного из островов — Унги. 22 мая двинулись дальше, к Уналашке, и 27-го стали на якорь в лучшей гавани острова — Капитанской, напротив селения Илюлюк, где простояли до 5 июня.

Следующая небольшая стоянка была у острова Св. Павел из группы островов Прибылова. Дальнейшее продвижение на север задержал густой непроницаемый туман. Пришлось провести 10 дней в дрейфе, во время которого развлекались «лов-

¹ Путешествие... Загоскина, М., 1956, стр. 375.

² Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 7.

лею на уду трески и падением на палубу морских птиц, ударившихся с налету о паруса»¹.

Когда туман рассеялся, бриг обошел с севера остров Св. Матвея, направился к острову Св. Лаврентия и, с большим трудом лавируя среди густого льда, только к вечеру 10 июля добрался до Михайловского редута. Здесь к экспедиции присоединился переводчик (толмач) креол Григорий Курочкин.

Ледовые условия и другие обстоятельства заставили Л. А. Загоскина отказаться от мысли установить редут в заливе Коцебу. Служители редута были совершенно не обеспечены провиантом, и в первый же день команда Загоскина, кроме хлеба, ничего не получила. Пришлось немедленно отправить «стрельца с своей винтовкой, который на утро и возвратился с оленем. В течение остальных дней июля мы приобрели еще четырех и таким образом относительно продовольствия были совершенно обеспечены»².

Л. А. Загоскин отправил на лодке и байдаре отряд в Нулато, при устье реки того же названия, впадающей в Квихпак. Там у русских был один из первых редутов. На отряд была возложена доставка запасов экспедиции, а также припасов и товаров для торговли с местными жителями.

Отряд отправился 25 июля. Загоскин в оставшееся до экспедиции время (она намечалась на осень и зиму) побывал в селении в устье реки Уналаклик, где содержались собаки для экспедиции. Затем, окончательно убедившись, что «при укомплектовке команды зимнею одеждою, при покупке собак, постройке нарт и прочем» все это «поспело ко времени довольно в сносном виде»³, начал писать исторический, топографический и этнографический очерк Михайловского редута⁴.

Между тем наступило время отправляться в поход. «В данной мне инструкции, — пишет Загоскин, — не было означено, каким образом я должен был производить свое путешествие зимою. В редуте я мог приобрести свору собак собственно для себя, как то делали до меня некоторые отрядные начальники; имел средства приготовить и несколько запасных провизий. Но рассудя, что успех экспедиции наиболее зависит от приме-

¹ Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 15.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 28.

⁴ См. «Записки Гидрографического департамента», ч. IV, 1846, СПб, стр. 86—104.

ра начальника, я отстранил от себя всякое преимущество и удобство»¹.

Вместо заболевших Вертопрахова и денщика вызвались идти Лука Пахомов, который служил еще при А. А. Баранове, и Григорий Никитин, сопровождавший П. Т. Козьмина при описи Шантарских островов. Научное снаряжение экспедиции состояло из карманного хронометра, серебряных часов, транспортира, карманного пель-компаса, путевого пель-компаса, артифициального горизонта, секстана, четырех ртутных термометров и двух запасных стрелок к компасам.

Утром 4 декабря 1842 года пять нарт тронулись в дальний путь. Идти вдоль берега поначалу было нетрудно. В селении Киххтагук местные жители приняли Загоскина и его спутников весьма радушно. Сразу было видно, что их здесь ждали как почетных гостей. «Даже пол, — отмечает Загоскин, — был не только выметен, но и вымыт». Они попали на праздник потопления в море пузырей (в честь морского духа) и встречены были подарками, состоявшими из толкуши, юколы, жира и ягод. Вечером для приезжих устроили пляски.

Морозы были сравнительно небольшие, люди и собаки не устали, и уже 11 декабря Загоскин прибыл к селению, расположенному в устье реки Уналаклик. Здесь, учитывая опыт, приобретенный в походе, переменили некоторых собак, укрепили пострадавшие нарты и подготовились к дальнейшему переходу. На все это ушло пять дней. 16 декабря вышли в Нулато. В следующую ночь выпало столько снега, что Загоскин, послушав совета старосты перехода, возвратился обратно. На стоянке пополнили запасы провизии, а Загоскин практиковался в решении астрономических задач.

Только 30 декабря удалось выйти снова в путь. Он лежал вдоль реки Уналаклик, по ее левому берегу. Ночевали в устье реки Куикхоглюк. В селении было пусто, так как все ушли торговать на Квихпак. Загоскин со спутниками стали полными хозяевами жилья. Новый, 1843 год встретили в дороге, а на следующий день Загоскин ходил в селение Улукак. Вскоре все жители Улукака прибыли к месту стоянки отряда, чтобы чем возможно помочь путешественникам. От них Загоскин получил нужные сведения и договорился относительно проводников.

3 января, провожаемый всеми жителями Улукака, отряд отправился в путь. Шесть суток продолжалось путешествие

¹ Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 74.

по сильно холмистой местности, покрытой мелким еловым горелым лесом и глубоким рыхлым снегом. Нарты, задевая за пни и кусты, часто опрокидывались, доставляя путешественникам много хлопот. Впереди нарт всегда двигались поочередно топтальщики по два в ряд. Они обтапывали каждый куст, особенно на поворотах, но, несмотря на это, собаки с трудом тянули нарты и очень редко обходились без помощи человека. Поэтому Загоскин распорядился, чтобы «передовщики» протапывали к следующему дню вперед три или четыре мили: снег ночью затвердеет и собаки повезут дружнее и бодрее.

А морозы все крепчали и крепчали. 7-го, 8-го и 9-го температура понизилась до того, что ртуть в термометре замерзла. «Чуть остановился, — пишет Загоскин, — мороз пробирает до костей. В последнюю ночь все просидели перед огнем, не имея возможности просушить обувь и парки; с одной стороны жгло, на другую в то же время садился иней»¹, — добавляет он.

Наконец 10 января, «пройдя с миллю по направлению к востоку, мы вышли из гор; вчерашний след туземцев лежал к NO 60° чрез гладкую долину около двух миль протяжения; за обгорелым лесом, окаймляющим Квихпак, виднелся ее противоположный берег. Слыша вой собак, скрип полозьев и не выпуская из виду переднюю нарту, в сопровождении толмача, мы перешли долину, лес, и вышли на берег»².

Л. А. Загоскин добрался до реки Квихпак, более известной под названием Юкона, на которой несколько лет спустя были открыты богатейшие месторождения золота. Собаки, почуяв жильё, пошли живее, и вскоре, в полдень, головные нарты прибыли в селение Хоголтлинде, расположенное на левом берегу Квихпака. Трудно себе представить, что испытывали путешественники, когда с тридцатиградусного мороза (по Реомюру) они попали в жарко натопленную баню, где температура была сорок градусов. По настойчивому требованию Загоскина для путешественников освободили одну половину хижины, называвшейся кажимом, в которой была устроена баня. Постепенно подошли и остальные нарты, и все расположились на ночлег, а Загоскин остался караулить. Такая предусмотрительность была не лишней.

На следующий день появившийся было в отношениях с местными жителями холодок исчез и началась обычная ме-

на, сопровождаемая подарками. Загоскин стремился расположить к русским местных жителей и угощал их любимейшим напитком — чаем. В этом же селении он приобрел две легких нарты, более удобных в таком далеком путешествии, чем редутские.

Как ни грустно было Загоскину, но ему пришлось попроситься с одним из усерднейших сподвижников — Т. Глазуновым, который совсем ослабел, и отпустить его в редут. Другой, Шмаков, должен был остаться на некоторое время в селении, чтобы вылечить обмороженные ноги.

Из Хоголтлинде выступили 13 июня отдохнувшие и отогретьшиеся и через два дня прибыли в селение Нулато, послужившее базой для дальнейших исследований. Здесь путешественников встретили русские во главе с управляющим артелью старожилом Дерябиным, участником всех походов Глазунова и Малахова. В Нулато предстояло основательно подготовиться к дальнейшему пути и прежде всего заняться продовольствием. Вместо Т. Глазунова добровольно вызвался идти в экспедицию бывший в Нулато рязанский ямщик Баженов, а больного Акляюка Загоскин отпустил обратно в редут.

Исполняя данную ему инструкцию, Загоскин решил отправиться отсюда в залив Коцебу для постройки редута. Положение осложнялось тем, что из Хоголтлинде не пришел заболевший Шмаков и еще никто не явился вместо Акляюка. Получив 21 февраля из редута известие, что в Нулато выходит транспорт с людьми и продовольствием, Загоскин предложил пойти с ним в залив Коцебу артельщику Иванову, который, к радости Загоскина, дал согласие. Проводником пошел один местный житель.

25 февраля Загоскин, Никитин, Пахомов, Курочкин, Баженов, Иванов и проводник на пяти туземных нартах с некоторым запасом продовольствия и товаров оставили Нулато. Загоскин и проводник шли впереди, а остальные, имея перед собой по две собаки каждый, впряглись в лямку и тащили свои нарты.

Придерживались реки, по которой кое-где встречались редкие селения, состоящие из одной-двух семей. Во время ночлегов Л. А. Загоскин, внимательно наблюдавший природу, добросовестно заносил все в дневник. Ни одна мелочь не ускользала от него. Так, 26 февраля он записал: «От мыса Илькутляля прибрежные горы, отдаленные от берега в материк до пяти миль, подступают к реке, в миле выше жила (жилья, селения. — А. А.) Уныльгачтхох, утесом слишком тысячу фут

¹ Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 97.

² Там же, стр. 95.

вышины: туземцы достают из него глину для домашней своей посуды и потому называют Уныльгача «горшковой»¹. Вместе с тем Загоскин регулярно проводил все возможные метеорологические наблюдения. С горьким юмором сообщает он о средствах от мучительной боли в ногах после долгих пеших переходов: «покой и терпение; первое не всегда может быть приложено к делу, а последним запасаются все посвящающие себя скитальческой жизни»².

1 марта вышли на приток Квихпака Юннака и продолжали путь по левому его берегу. Когда встречались селения, ночевали в них, а чаще останавливались на ночлег прямо в лесу, раскидывали брезент между деревьями и разводили костер.

14 марта добрались до селения Хотылькакат. Это был крайний пункт, до которого доходил проводник Загоскина. Против селения с нагорной стороны находится устье речки Хотыльно, текущей с запада в Юннака. Здесь встретилось неожиданное препятствие. Никто из жителей не соглашался проводить экспедицию до верховья реки Бокланд, впадающей в залив Коцебу. Никакие обещания Загоскина не помогали. Свой отказ местные жители объясняли наступлением весны, а с ней и сезона промысла оленей, а также страхом: жители залива Коцебу враждебно относились к русским и не раз уже просили выгнать русское селение в Нулато.

К вечеру 6 марта все мужчины из селения действительно ушли в горы, и у Загоскина не было другого выхода как продолжать путь самостоятельно, без проводника. Пользуясь описаниями, данными ему оставшимся в селении стариком, Л. А. Загоскин 8 марта вышел к заливу через горы, поросшие еловым лесом. Широкая проезжая дорога и заломы верхушек небольших деревьев служили путешественникам вехами.

На другой день случилось происшествие, едва не стоившее Загоскину зрения. Вот что писал об этом сам путешественник: «При остановках на ночлеги, не приводилось мне оставаться праздным: мое дело было разгрести снег, рубить и устилать хвоею. Вчера ввечеру остановясь под ветвистой елью, следовало срубить один сук, который нам мешал. Ударив по дереву топором, чтоб отряхнуть снег, я почувствовал, что засорил глаз. В ночь глаз заплыл опухолью. Делать было нечего, пошли с утра назад, но пройдя около полутора миль, я совершенно измучился от нестерпимой рези. Еслиб возможно было ехать

на нарте, то на открытом воздухе это не принесло бы облегчения. Возобновленные операции нянюшкиных вылизываний не помогали. Наконец, тунгусу пришло в голову попробовать достать соринку концом ремня и опыт увенчался успехом, только осталась небольшая царапинка, да один глаз отказался в верности при наблюдениях»¹.

Едва Загоскину стало легче, как он приказал снова продолжать путь. 10 марта, определяя свое место и «убеждаясь в действительных сношениях туземцев с реки Юннака с проживающими по берегам Коцебу-Зунда, я решил воротиться, потому что не имел ни времени ни способов обследовать самое прибрежье»².

Обратный путь до Нулато был еще более трудным. Оттепель превратила снег в месиво, и приходилось идти по утрам. Пользуясь тем, что местные жители промышляли оленя, зная, что в Нулато с продовольствием плохо, Загоскин запасся оленьей. 18 марта экспедиция благополучно прибыла в Нулато. Загоскин сразу же засел за обработку журнала и за доклады для представления их в Ново-Архангельск. Курьера с депешами провожали до Хоголтлинде. Загоскин определил в селении астрономический пункт.

В Нулато, куда возвратились к 1 апреля, вскоре начали готовиться к летнему походу 1843 года. 5 апреля в экспедицию прибыл служащий Российско-Американской компании Ф. Дмитриев. Усиленно запасали провизию, а Загоскин все свободное время отдавал «сбору естественных предметов в стране». Готовилась лодка, которую 19 мая спустили на воду. Невод для рыбной ловли собственноручно изготовил Загоскин. В вопросах рыболовства из всех участников экспедиции он был самым сведущим: сказался опыт, приобретенный на Каспийском море.

За время пребывания в Нулато Л. А. Загоскин написал очерк по истории, статистике, географии и экономике района редута Нулато, назвав его «Общий очерк состояния заселения в Нулато; материалы по топографии и климатологии этого края».

4 июня вечером экспедиция отправилась вверх по Квихпаку в прежнем составе. Только Курочкина, у которого был прострелен палец, заменил креол Никифор Талижук. За веслами сидели шесть участников похода, за рулем — Загоскин. В свет-

¹ Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 107.

² Там же, стр. 108.

¹ Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 114—115.

² Там же, стр. 115.

лое время суток плыли, на ночь выбирались на берег и ставляли палатку, чтобы спастись от комаров и москитов. «Не сказать о комарах и мускитах,— пишет Загоскин,— ни слова, значило бы умолчать об ошутительнейшем мучении, которое привелось нам испытать во время этого похода»¹. Но в конце концов путешественники привыкли и к комарам.

Ни на минуту не забывая об интересах компании, Загоскин не прекращал и научных занятий: описывал плесы, берега, наблюдал за уровнем воды в реке, регулярно производил астрономические определения. Загоскин просит извинения читателей за утомительные описания и тут же объясняет, что он «принужден их показывать в руководство будущим исследователям. Не век же брать проводников»².

Взятый в селении Уныльгачтхох 7 июня проводник предупредил, что если идти дальше вверх, селения будут встречаться редко, и поэтому Загоскин распорядился захватить с собой побольше сухих продуктов. Для разездов по реке, охоты и разведки в дополнение к лодке приобрели берестяную байдарочку, обшили ее сивучьей кожей и тащили на буксире. Местные жители встречали путешественников приветливо, исполняли в их честь свои танцы, часто продолжавшиеся до утра.

22 июня прибыли в селение Минхотлятно, где Загоскин по просьбе жителей продемонстрировал им действие русского ружья. Он выстрелил рикошетом по воде. «Надобно было видеть удивление туземцев когда вслед за вспышкой показались брызги означаемые скачками пули; но они еще более были приведены в изумление, когда на лету я убил ласточку и при рассмотрении они не нашли никакой видимой раны»³.

30 июня подошли к мелководью, близ впадения в Квихпак речки Ноггойя. Загоскин решил, описав верховье реки, возвращаться обратно. «Выжидать времени я не мог,— писал он,— тем более, что нам предстояло в других местах исполнение дальнейших поручений»⁴. На высоком двухсаженном яру в память пребывания в верховьях Квихпака Л. А. Загоскин и его спутники поставили крест с надписью. 1 июля начали спускаться по течению. С местными жителями встречались теперь уже как с добрыми старыми знакомыми.

7 июля путешественники прибыли в Нулато. Загоскин не

¹ Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 126.

² Там же, стр. 129.

³ Там же, стр. 138—139.

⁴ Там же, стр. 145.

собирался здесь долго задерживаться и думал, окончив обработку материалов последнего похода к верховьям реки и подготовку к следующему, отправиться вниз по Квихпаку.

Но осуществлению планов помешали слухи о передвижении воинственного племени налейгмиотов. Оказалось, что такие слухи распускают такаяксанцы, известные коварным отношением к русским. 20 июля они на сорока двух лодках попытались напасть на редут Нулато. Так как их вовремя заметили, они были принуждены подойти к редуту, и здесь Загоскин при всей команде, поставленной во фронт, высказал им все, а затем отпустил с миром, распроставшись «как с добрыми приятелями». Все эти обстоятельства задержали дальнейшее продвижение экспедиции до августа.

2 августа в восемь часов утра «не без грусти» оставили редут Нулато и начали спускаться по великой реке. Л. А. Загоскин не только не тяготился таким продолжительным путешествием, но, наоборот, оно все больше и больше увлекало его.

«Вот слишком год,— записал он,— как я в сообществе простодушинов и ежедневно среди так называемых дикарей, по первые ревнуют об общей пользе отечества и беседы с ними никогда не наскучая, часто были мне поучительны; вторые, по нравам и обычаям своим, возбуждают мое любопытство и участие»¹.

Двигаясь вниз по реке, Л. А. Загоскин большую часть времени занимался исследовательской работой, описывая не только реку, но и по возможности ее притоки. 14 августа подошли к устью реки Анвиг, известной в истории тем, что жители селения на ней первыми во внутренних районах Аляски дружелюбно приняли русских еще в 1835 году. Они, как, впрочем, и большинство населения по Квихпаку от Нулато до устья, промыслу зверя или ловле рыбы предпочитают торговлю, скупая для этого меха, дичь у других племен и перепродавая все это русским.

19 августа вблизи устья реки Иннока путешественники остановились на ночлег у «известного по всему низовью Квихпака торговца, прозванного русскими Заплатак... И сам Заплатак и повод приданного ему прозвища, мне кажется достойны сохранения в исторических материалах этого края,— отмечает Загоскин.— Вследствие первого путешествия Глазунова по Квихпаку, зимою 1834 года, явился в следующую весну к редуту бодрый старик в изношенной вухухоловой парке, покры-

¹ Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 165.

той множеством заплат. Оставя байдару на воде, старик вынул сверток бобров и явился к управляющему. Казалось, на свои пять шкур он желал закупить всю лавку; справлялся с ценностью каждой вещи, перерывал бисера, корольки, табак и прочее. Управляющий терпеливо объяснял употребление и цены каждого предмета. Старик слушал, соображал и уехал, не купив ничего. На утро он возвратился на байдаре с полутораста бобрами, как знаток, выбирал потребные для себя товары, был обласкан управляющим, скоро сдружился с служителями, которые, хваля его тароватость, часто в шутку приговаривали: «Ай-да Заплатка»¹.

На всем протяжении от Нулато до Икогмюта река Квихпак широкая и судоходная. Правый ее берег высокий и гористый. В пяти милях от селения Икогмют высятся величественные сопки из зеленой яшмы и затвердевших глинистых пород. Левый берег реки луговой, с редким, но хорошим строевым лесом.

К вечеру 23 августа экспедиция прибыла в Икогмют. Позади было около 700 верст пути по великой реке Аляски — Квихпаку. Здесь предстояло провести все оставшееся летнее время и осень, а зимой Загоскин предполагал быть на реке Кускоквим.

Прежде всего он распорядился послать в Колмаковский редут двух местных жителей в надежде получить известия от А. К. Этолина. Одновременно были посланы люди и вниз по Квихпаку, чтобы выяснить причины опоздания лодок, следующих с продовольствием в Нулато и с командой в Икогмют.

Совершенно неожиданно 29 августа прибыла команда, доставив много радости всем участникам экспедиции и жителям селения, а Загоскину особенно. Он впервые за время скитания по Аляске получил письмо с родины и из Ново-Архангельска, «свиделся с деньщиком, которого оставил в безнадежном состоянии, и был рад ему как родному».

По этому поводу началось настоящее празднество, тем более, что «из Ново-Архангельска прислано было, для освежения команды около ведра рому: с первой чаркой понеслось общее спасибо и здравие на многие лета внимательному начальнику; вторая отразилась в песне; третья успокоила всех»².

2 сентября возвратились посланные из Колмаковского редута и принесли весьма неутешительные вести. Продовольствия и людей в редуте было явно недостаточно, чтобы идти на

¹ Пешеходная опись... ч. 1, СПб, 1847, стр. 175.

² Пешеходная опись... ч. 2, СПб, 1848, стр. 2.

Кускоквим, не оказав редуту никакой помощи. Поэтому Л. А. Загоскин решил с наступлением санного пути часть запасов перебросить туда.

Отличной подготовке и благополучному ходу экспедиции Загоскин во многом был обязан своим славным сподвижникам. О них он пишет тепло и с любовью следующее: «По всему Квихпаку ни один туземец на бегу не перегонял Никитина; пятерых вместе перетягивал на палке Дмитриев, и никто из дикарей в своей же пляске не мог сравниться с Курочкиным. Мне оставалось, возможными поощрениями сохранить этот дух в команде, столь много способствующей к перенесению трудностей нашей бродячей жизни»¹.

С 8 по 20 ноября был редкостный ход миноги, которую ловили все жители местных селений днем и ночью, делая большие запасы своего излюбленного лакомства. Участники экспедиции за это время «не весьма прилежно» наблюдая за орудиями лова, поймали до восьми тысяч миног.

Утром 23 ноября при небольшом морозе шесть нарт экспедиции, на каждой из которых было не менее пяти пудов груза, вышли к редуту Колмакова. «Зимний путь по рекам везде одинаков, — пишет Загоскин, — то по весьма скользкому льду так, что свежим ветром сбивает с ног и собак и человека; то по обнаженным от снега косам и середкам, на которых камешником дерет полозья; то наконец чрез снежные сугробы, на дуге на торосы»².

Ни на один день не прерывались научные наблюдения во время похода: проводили опись, два раза в сутки — в восемь вечера и в восемь утра — метеорологические наблюдения. Все это, а также и этнографические заметки заносили вечером в журнал.

25 ноября прибыли в селение Паймют, откуда предстоял путь на реку Кускоквим. С помощью Заплатки удалось найти двух проводников — никто не соглашался в такое суровое время идти один. 26-го пошли сначала вверх по притоку Уаллика, а затем по чистой тундре, пересеченной кое-где небольшими горами и мелкими озерами.

30 ноября проводники заявили, что они сбились с пути. Загоскин вел все время прокладку пути по карте, и теперь ему пришлось принять «на себя звание провожатого». «Через горы, доли и леса» отряд вышел на реку Кускоквим с откло-

¹ Пешеходная опись... ч. 2, СПб, 1848, стр. 7.

² Там же, стр. 9.

нением всего в четверть мили от селения Тулукагнак, куда намечено было выйти.

Вторая по величине река Аляски шириной до ста сажен так же величественна, как и Квихпак. Правый гористый берег ее состоит большей частью из гранитных пород. «Левый берег покрыт лесом, среди которого змеятся многие горные потоки и рассеяны небольшие озера, изобилующие речною рыбою; в двадцати милях от него тянется в параллель реки горный хребет, до двух тысяч футов, составляющий раздел вод Кускоквима от озер Нушагакских»¹.

3 декабря прибыли в Колмаковский редут. Там Загоскин пожал руку ветерану русского заселения на Аляске, воспитаннику А. А. Баранова, управляющему редутом Ивану Лукину. У него особая нужда была в табаке и жире. Загоскин помог ему, дав в долг до весны необходимое из своих запасов.

Только 10 февраля 1844 года Л. А. Загоскин смог продолжить экспедицию. За это время он настолько хорошо изучил быт и условия жизни местных жителей, что написал важные для науки «Материалы для этнографии»², не потерявшие ценности и до наших дней, как, впрочем, и все его описания. В течение этого же времени члены экспедиции дважды сходили за запасами в Икогмюте. 24 января произошло несчастье: туземцы, рассматривая последний оставшийся термометр, разбили его и тем самым лишили Загоскина возможности производить наблюдения за температурой.

Целью этого похода было исследование реки Иннока, притока Квихпака. Спустившись несколько по Кускоквиму, начали переход к долине Иннока (или Чагелюка). 11 февраля прошли горный перевал, а 14-го перебрались на правый берег реки Уаллик; продолжая придерживаться курса на северозапад. Проводник недостаточно хорошо знал дорогу и начал сбиваться с пути. К счастью, набрели на одинокую хижину. Хозяин ее согласился сопровождать экспедицию до ближайшего жилья.

16-го с его помощью добрались до реки Иннока и начали подниматься вверх. Жители встречали путешественников добродушно, приглашали на обратном пути остановиться у них. 27 февраля дошли по реке до места, до которого в 1839 году доходил Колмаков. Не пошел дальше и Загоскин. Обратный путь не занял много времени, и уже 10 марта экспедиция снова была в Икогмюте.

¹ Пешеходная опись... ч. 2, СПб, 1848, стр. 13.

² Там же, стр. 16—42.

Настало время готовиться к последнему этапу — путешествию по Кускоквиму. С собой Загоскин решил брать только тех, кто хорошо умел управлять байдарками. В Икогмюте оставались денщик со всеми запасами и журналами прошлых походов, Петров и большой Курочкин, а также и Дмитриев для временного исполнения обязанностей коменданта редута.

Все для экспедиции было готово, оставалось только ждать вскрытия рек. Загоскин использовал время для подготовки «Материалов этнографических и статистических относительно краснокожного племени Тгынайцев»¹.

4 апреля по уже хорошо знакомому пути отправились в редут Колмакова и 10-го прибыли туда. Кускоквим еще не вскрылся, и в ожидании ледохода занимались самыми разнообразными делами. Как отмечает Л. А. Загоскин, «проживая на месте, мы на месте не сидели»². Охота, лечение болезней, похороны, литературные и научные занятия — вот далеко не полный перечень обязанностей начальника экспедиции. К ним нужно прибавить хозяйственные дела и подготовку к предстоящей летней экспедиции.

3 мая тронулся лед на Кускоквипе, а 8-го ледоход кончился. Начиналось лето, зазеленели тальники, кое-где на ольховнике лопались почки. Отпраздновали праздник троицы, который навеял «невывразимую тоску» по родным рязанским местам, и 19 мая утром отправились вверх по Кускоквиму. Экспедиция выглядела внушительно: две байдары составляли собственно экспедицию, затем шла байдара управляющего и байдара с переводчиком и товарами для меновой торговли. Загоскин сразу же занялся обычными наблюдениями и астрономическими определениями. При этом обнаружилось несходство их с наблюдениями побывавшего ранее него в этих местах штурмана Васильева.

В байдаре Л. А. Загоскин устроился со всеми возможными удобствами. «Не сужу о других конструкциях (имеется в виду конструкция байдары.—А. А.), — пишет он, — но в построенных ныне для экспедиции так называемых грузовых, я — как дома»³. Несмотря на удобства, байдара оставалась байдарой, плавать на которой против течения, хотя и более спокойного, чем на Квихпаке, было трудно. Иногда приходилось бросать весла и впрягаться в бечеву. Река неширокая — не превышает трехсот сажен. Правый берег гористый с обнаженными вер-

¹ Пешеходная опись... ч. 2, СПб, 1848, стр. 59—68.

² Там же, стр. 77.

³ Там же, стр. 90.

шинами, левый — из низменных холмов, поросших оленьим мохом. За селением Хулиткак река попадает в «щеки», протекая в «ярах и утесах от трехсот до пятисот футов высоты, покрытых частью горелым, частью молодым лесом»¹.

Некоторое однообразие аляскинской природы скрашивалось различными происшествиями. Загоскин отмечает, что они очень часто видели медведей. «Нынче с полчаса смотрели на одного, как забавно и с какими осторожностями он скрадывал журавля. В свою очередь леной журавль, не имея сил к значительному перелету, перескакивая с места на место, как бы дразнил медведя»².

От селения Тальготно ширина реки заметно уменьшилась и составляла 50—70 сажен, спокойнее стало и течение. Чувствовалось, что приближались к верховьям реки. По правому берегу, почти не прерываясь, тянулась цепь невысоких гор, выходящих к реке лесистыми ярами. Левый берег был более низменным, горный хребет уходил все дальше и дальше к горизонту.

29 мая на летниках Хунанилинде путешественники были встречены ружейным салютом, который произвел в их честь тойон здешних мест, награжденный еще по представлению Ф. Колмакова медалью «Союзная России».

Ландшафт менялся с каждым днем. Теперь уже и правый берег представлял собой тундру, усеянную небольшими озерами. На невысоких буграх росли низкорослые и тонкие лиственницы. По вечерам и ночам досаждали жестокие комары.

31 мая Л. А. Загоскин решил остановить экспедицию и возвращаться обратно. Предварительно он собрал подробные сведения о верховьях Кускоквима. «Заманчиво было достигнуть верховьев Кускоквима», — пишет Загоскин, но дела компании не ждали. Задержка экспедиции повлияла бы на исход отправки промыслов в Александровский редут. «С грустью принуждены мы были обратиться назад», — записал он в своем дневнике.

Обратный сплав прошел быстро, и 5 июня экспедиция прибыла в Колмаковский редут. Недолгие сборы, затем проводы, и по не раз хоженной дороге отправились в путь. 10-го вечером были в Икогмюте. К радости Загоскина, переводчик здесь был здоров, а байдара готова к плаванию в Михайловский редут.

¹ Пешеходная опись... ч. 2, СПб, 1848, стр. 93.

² Там же, стр. 97.

13 июня, простившись с жителями Икогмюта и сопровождаемые командой икогмютской артели, путешественники поплыли вниз по Квихпаку. Широкая полноводная река, разбитая здесь на три протока, быстро несла байдары. У селения Анкочаг ширина ее достигла полутора миль. В горизонтальных сложениях правого берега кое-где хорошо видны были куски сплошного кварца, яшмы и обломки мелкозернистого песчаника. Загоскин едва успевал производить свои наблюдения — так быстро двигалась байдара. Но для астрономических определений неизбежно приходилось делать остановки.

17 июня путешественники вышли к морю. Пробыв на устье два дня, 20-го отправились вдоль берега к Михайловскому редуту. Шли на веслах всю ночь и в семь часов утра 21 июня прибыли туда же, откуда вышли один год, шесть месяцев и шестнадцать дней назад, проделав за это время пешком и на лодках около пяти тысяч верст.

5 августа на том же бриге «Охотск» Л. А. Загоскин вышел из Михайловского редута и 26 сентября прибыл в Ново-Архангельск. Сама крупная в истории исследования внутренней Аляски экспедиция была окончена. Научные результаты ее, добытые с затратой таких ничтожных средств, превзошли все ожидания. Описаны и положены были на карту бассейны рек Квихпака и Кускоквима, а также южная и западная части залива Нортон. При этом астрономически определено 40 пунктов, послуживших надежной основой для нанесения на карты указанных рек. Основные их притоки Л. А. Загоскин исследовал на расстоянии до ста миль.

Метеорологические наблюдения дали богатый материал о закономерностях климата Аляски. Л. А. Загоскин собрал большие естественные коллекции по зоологии, ботанике и минералогии. И, наконец, исключительную ценность представляют собой работы и материалы Л. А. Загоскина по этнографии и статистике.

Помимо историко-статистико-этнографических описаний, была собрана коллекция оружия, одежды, домашней утвари народов, населяющих исследованные Загоскиным части Аляски. Впервые составлен «Краткий словарь двух племен народа ттынай» и «Краткий сравнительный словарь наречий намоллов и кадьякцев с наречиями туземцев, проживающих по берегам Берингова моря».

«Экспедицию эту должно признать во всех отношениях весьма успешною, — отмечает П. Тихменев, автор исторического обзора Российско-Американской компании. — Из от-

чета г. Загоскина видно, что в продолжение двух лет его путешествия (1842—1844), независимо от исследований по части статистики, этнографии, геологии, ботаники и пр., река Квих-пак была осмотрена им на протяжении 600 итальянских миль; р. Кускоквим на протяжении 250 и главнейшие из притоков первой на 100 миль от своих устьев. Все замечательнейшие промежуточные пункты, в числе более 40, определены были г. Загоскиным астрономически, равно как и сообщения между реками исследованы со всевозможной точностью¹.

Небезынтересно привести следующий факт. По подсчетам современников², экспедиция Л. А. Загоскина не только оправдала затраченные на ее осуществление незначительные средства, но и принесла еще более 655 рублей прибыли.

В исследовательской работе Л. А. Загоскина важно то, что все наблюдения были им своевременно обработаны, изданы и стали доступны не только заинтересованным лицам, но и широкому кругу читателей. В 1849 году по предложению академика А. Ф. Миддендорфа труды Л. А. Загоскина были удостоены Российской Академией наук Демидовской премии.

Критики, современники Загоскина, утверждали, что он «не только исполнил поручение колониального начальства, но и обогатил науку своими исследованиями этого отдаленного и малодоступного края. Поэтому его «Пешеходная опись» — книга столько же занимательная для обыкновенных читателей, сколько полезная для ученых»³.

Поскольку срок пребывания Л. А. Загоскина в Русских колониях в Америке закончился, то 16 мая 1845 года он вышел на корабле «Наследник» из Ново-Архангельска в Охотск. Затем последовало путешествие через Сибирь. Проезжая Иркутск, Л. А. Загоскин снова навещил семейство Волконских, где показывал свои этнографические коллекции и даже подарил некоторые экспонаты Марии Николаевне. От нее Загоскин получил драгоценную записку, которую сохранял всю жизнь.

Прибыв в конце 1845 года в Петербург, Л. А. Загоскин занимался обработкой своих материалов и наблюдений. В конце 1846 года он опубликовал в «Записках Гидрографического департамента» статью о Михайловском редуте.

¹ П. Тихменев. Историческое обозрение Российско-Американской компании, ч. 2, СПб, 1863, стр. 197.

² «Отечественные записки», том. 56, № 2, СПб, 1848, отд. VI, стр. 95.

³ «Сын Отечества», кн. 9, СПб, 1848. Критика, стр. 42.

Зиму 1846/47 года Л. А. Загоскин провел у себя на родине. За время его отсутствия умерли отец, сестра и младший брат, и, видимо, это повлияло на решение Загоскина просить об отставке, которую в 1848 году он получил. Уволен он был с чином капитан-лейтенанта, данным ему 23 марта 1847 года, с мундиром и положенной пенсией.

8 января 1847 года в Петербурге в Географическом обществе С. И. Зеленый доложил некоторые выдержки из дневника Л. А. Загоскина, получившие всеобщее одобрение. В 1847 году вышла в свет первая часть труда Л. А. Загоскина, а в 1848 году и вторая. 15 января 1849 года Русское Географическое общество избрало Л. А. Загоскина своим действительным членом.

С выходом в отставку Л. А. Загоскин получил должность лесного ревизора в Московской губернии, а в 1849 году был назначен начальником Островского егерского училища (в селе Острове, вблизи села Коломенского под Москвой) и школы сельских писарей.

Через некоторое время Л. А. Загоскин переехал в село Абакумово между Рязанью и Пронском. Во время Крымской войны он был выбран (с присвоением чина майора) начальником 103-й дружины ополченцев, с которой направился в г. Николаев, где приступил к возведению укреплений. После того как был подписан мир, дружина, а вместе с ней и Загоскин, возвратилась в родные места.

С 24 мая 1861 года по 24 июня 1864 года Л. А. Загоскин состоял кандидатом на должность мирового посредника по Пронскому уезду, а в 1866 году был избран в почетные мировые судьи по тому же уезду. 1 октября 1867 года избран участковым мировым судьей, в звании которого состоял несколько трехлетья¹.

Тем не менее Л. А. Загоскин не порывал связи с наукой, в частности с географией и этнографией. Как прогрессивный общественный деятель своего времени, он приветствовал освобождение крестьян, до конца жизни не мог примириться с продажей Аляски и использовал все средства, чтобы показать бесправие и тяжелую жизнь крестьянства. В «Журнале землевладельцев» и «Сельском благоустройстве» появлялись его статьи о тяжелой крестьянской жизни и о нежелании не-

¹ Сведения передаются по И. В. Добролюбову и С. Д. Яхонтову — «Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии». Рязань, 1910.

которых помещиков даже говорить об улучшении быта крестьян. Уже в возрасте 78 лет он опубликовал статью «Морской Шляхетный корпус»¹.

22 января 1890 года Лаврентий Алексеевич Загоскин скончался в Рязани, а 17 февраля в «Рязанских Губернских Ведомостях» появился некролог. «Отзывчивый на всякое живое и честное дело, покойный до преклонных лет сохранил ясность ума и юношескую пылкость характера. С живым интересом он относился ко всему, что выходило из сферы обыденной житейской пошлости, ко всему, что пробуждало общечеловеческое и развивало в нем идеальные стремления. От природы добрый и любящий, он возмущался всякой несправедливостью и резко порицал все нечестное и дурное»².

Замечательный путешественник, выдающийся ученый, писатель и мореплаватель, отзывчивый и честный человек, патриот своей Родины — таким остался в памяти русских людей Лаврентий Алексеевич Загоскин.

¹ «Русская Старина», 1886, т. 52, кн. 12, стр. 716.

² «Рязанские Губернские Ведомости», № 12, 17 февраля 1890 г., стр. 5.

Литература

- Акты исторические, том 4, СПб, 1842.
Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Магадан, 1958.
Алексеев А. И. Братья Шмалевы. Жизнь и деятельность. «Летопись Севера», М., том 3, 1962.
Алексеев А. И. Охотск — колыбель русского Тихоокеанского флота. Хабаровск, 1958.
Алексеев А. И. Ученый чукча Николай Дауркин. Магадан, 1961.
Алексеев А. И. Г. А. Сарычев — выдающийся мореплаватель и ученый. Известия Всесоюзного Географического общества, том 96, № 2, 1964.
Белов М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Том 1, 1956.
Белов М. И. Семен Дежнев. М., 1955.
Белов М. И. Новые материалы о походах устюжского купца Никиты Шалаурова. Географический сборник, выпуск 111, 1954.
Белов М., Плансон К., Клыков М. Краткий исторический очерк гидрографии русских морей. СПб, 1896—1916.
Берх В. Н. Первое морское путешествие россиян. СПб, 1823.
Берх В. Н. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. Ч. 1, СПб, 1821.
Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг., М., 1960.
(Дауркин Н. И.). Известия о Чукоцком носе. Месяцослов исторической и географической на 1780 год. СПб, 1779.
Дивин В. А. Великий русский мореплаватель А. И. Чириков. М., 1953.
Дивин В. А. К берегам Америки. М., 1956.
Добролюбов И. В., Яхонтов С. Д. Библиографический словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (преимущественно) Рязанской губернии. Рязань, 1910.
Дополнения к актам историческим, том 3.
Евтуев О. А. Первые русские геодезисты на Тихом океане. М., 1950.
Ефимов А. В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. М., 1948.
Загоскин Л. А. Воспоминания о Каспии. «Сын Отечества», часть CL XXVII, СПб, 1836.
Загоскин Л. А. Морской Шляхетный корпус. «Русская Старина», СПб, 1886.
Загоскин Л. А. Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная лейтенантом Л. Загоскиным в 1842, 1843 и 1844 годах. СПб, ч. 1 — 1847, ч. 2 — 1848. Новое издание. М., 1956.
Зубов Н. Н. Отечественные мореплаватели — исследователи морей и океанов. М., 1954.

- Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света... М., 1950.
Летопись занятий в Археологической комиссии, вып. 1, 1862.
- Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию. В книге «Проект Ломоносова и экспедиция Чичагова», СПб, 1854.
- Макарова Р. В. Экспедиции русских промышленных людей в Тихом океане в XVIII веке. Вопросы географии. Сборник 17, 1950.
- Марков С. Н. Декабристы и исследователь Юкона Л. А. Загоскин. «Восточно-Сибирская правда», № 262, 1955.
- Марков С. Н. Летопись Аляски. М., 1948.
- Марков С. Н. Юконский верон. М., 1946.
- Материалы для истории русского флота. Часть XII, СПб, 1888.
- Материалы для истории русского флота. Часть XIII, СПб, 1890.
- Материалы для истории русского флота. Часть XVI, СПб, 1902.
- Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных. СПб, 1758.
- Московский некрополь. Том 1, СПб, 1907.
- Огрызко И. И. Открытие Курильских островов. «Ученые записки Ленинградского Государственного университета», серия факультета народов Севера, вып. 2, № 157, 1953.
- «Отечественные записки». Том 56, № 2, СПб, 1848.
- Отечественные физико-географы и путешественники. М., 1959.
- Полный Свод Законов Российской империи. Том V.
- Пушкин А. С. Сочинения. Том IX, 1965.
- «Русская Старина». Том 52, книга 12, СПб, 1888.
- Русские мореплаватели. М., 1953.
- Русский биографический словарь. Том 3, СПб, 1908.
- Рязанские Губернские Ведомости, № 12, 1890.
- Сведения о Чукотской земле в XVIII столетии. «Вестник Русского Императорского Географического общества за 1853 год». Книга 5, 1853.
- Сгибнев А. С. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. «Морской сборник», № 4, СПб, 1869.
- Сгибнев А. С. Охотский порт. «Морской сборник», № 11, СПб, 1869.
- Сарычев Г. А. Письмо к издателю. «Сын Отечества», том. 61, кн. XIV, СПб, 1820.
- Сарычев Г. А. Правила, принадлежащая к Морской Геодезии. СПб, 1804.
- Сарычев Г. А. Путешествие капитана Биллингса чрез Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижнеколымского острога и плавание капитана Галла на судне Черном Орле по Северо-восточному океану в 1791 году. СПб, 1811.
- Сарычев Г. А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану, в продолжение осьми лет, при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год, ч. 1 и 2, СПб, 1802. Новое издание. М., 1952.
- «Современник», том 34, № 7, смесь, СПб, 1852.
- Соколов А. П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота (1713—1853), СПб, 1855.
- Соколов А. П. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. «Записки Гидрографического департамента», ч. X, СПб, 1852.

Sauer M. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by commodore Joseph Billings in the years 1785 to 1794. London, 1802.

«Сын Отечества», книга 9, критика, СПб, 1848.

Тихменев П. А. Историческое обозрение Российско-Американской компании, Ч. 2, СПб, 1863.

Черненко М. Б. Путешествие по Чукотской земле и плавание на Аляску казачьего сотника Ивана Кобелева в 1779 и 1789—1791 гг. «Летопись Севера», том 2, М., 1957.

Черненко М. Б. Загоскин Л. А. В книге «Путешествия и исследования в Русской Америке в 1842—1844 гг.». М., 1956.

Шмалев Т. И. Краткое описание о Камчатке. «Опыт Трудов Вольного Российского Собрания», ч. 1, СПб, 1774.

Щукин Н. Подвиги русских на реке Амуре в XVII столетии, описанные на основании подлинных бумаг якутского и нерчинского архивов. «Сын Отечества», книга 9, СПб, 1848.

В книге использованы материалы следующих архивов: Архива Всесоюзного Географического общества (ВВГО), Архива внешней политики России (ВНПР), Центрального Государственного архива древних актов (ЦГАДА), Центрального Государственного архива Военно-Морского Флота (ЦГАВМФ), Центрального Государственного Военно-Исторического архива (ЦГВИА), Центрального Государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГАДВ), Центрального Государственного архива Якутской АССР (ЦГАЯ).

В книге широко использованы также многочисленные редкие публикации периодической печати, что специально в тексте не оговаривается.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВЕЛИКИЕ КОЧИ	5
ПУТЬ К ОКЕАНУ	14
В МОРЕ ЗА ПЕРЕЛЕВАМИ ЗЕМЛЯ	30
К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ	38
СТАРЕЙШИНА ОХОТСКОЙ ФЛОТИЛИИ	51
ДВОЕ ИЗ МНОГИХ	61
НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ	68
ТРУЖЕНИКИ НАУКИ	75
УЧЕНЫЕ ЧУКЧА	87
АЛЕУТСКИЕ ОСТРОВА И ЧУКОТКА	101
ДО ЭКСПЕДИЦИИ	102
НА ВОСТОК ОТ КОЛЫМЫ	105
НА КАМЧАТКУ	111
ВОСТОЧНЫЙ ОКЕАН	116
ПО ЧУКОТКЕ	124
КОЛУМБЫ РОССКИЕ	145
ПО ЮКОНУ И КУСКОКВИМУ	153

Александр Иванович АЛЕКСЕЕВ

КОЛУМБЫ РОССКИЕ

Магаданское кн. изд-во, 1966, стр. 184.

Редактор Л. Н. Ягунова.

Художники И. Е. Гриценко, В. И. Кошелев.

Художественный редактор Д. Д. Власенко.

Технический редактор В. В. Плоская.

Корректор М. Л. Лисячкина.

